

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

***Современные электоральные процессы:
новые явления и участники***

***Contemporary Electoral Processes:
New Phenomena and Actors***

ТОМ 18 • НОМЕР 5 • 2025

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 18 • NUMBER 5 • 2025

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.00

Контурь глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Икбал Б.А., Университет Южной Африки, Претория, ЮАР, Турецкий центр азиатско-тихоокеанских исследований, Анкара, Турция
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Канаев Е.А., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Миграция А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентерберри, Великобритания
Сибал К., Университет им. Дж. Неру, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
© ИНИОН РАН, 2025

Периодичность: 6 раз в год
Издается с 2016 г.

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.00

Содержание

Азия: вызовы и перспективы

АСМОЛОВ К.В., ЗАХАРОВА Л.В. Перспективы конституционной реформы в Республике Корея в середине 2020-х годов 6–24

СТРЕЛЬЦОВ Д.В. Выборы 2025 г. в верхнюю палату японского парламента: уроки для политического мейнстрима. 25–41

Политические процессы в меняющемся мире

ГУСЕЛЕТОВ Б.П. Итоги парламентских выборов в Евросоюзе и его ведущих странах-членах 2019–2024 гг.: новый этап трансформации их партийно-политических систем 42–58

ГАБАРТА А.А., ГАБАРТА Е.А. Популизм и правые консервативные проекты в партийной системе Польши (1990–2025)..... 59–81

Проблемы Старого Света

БИТКОВА Т.Г. Электоральный пейзаж румынского общества в ходе президентских кампаний 2024-2025 гг.: проблемы и решения 82–102

ХОРОЛЬСКАЯ М.В. Немецкий брандмауэр: влияние запрета на сотрудничество с партией «Альтернатива для Германии» на политические и электоральные процессы в ФРГ 103–123

МАСЛОВА Е.А., САМОРОДОВ А.И. Политический маркетинг в Италии (на примере успеха партий правой коалиции)..... 124–140

С точки зрения экономики

СЕРГЕЕВ Е.А. Политэкономика трансформации электоральных процессов в странах Бенилюкса: кризис моделей? 141–166

Панорама Африки и Ближнего Востока

ДОЛГОВ Б.В. Политический ислам в современных общественно-политических процессах в арабо-мусульманском мире 167–182

ШУБИН В.Г. Южная Африка: есть ли единство в Правительстве национального единства? 183–198

Вокруг книг

ВОЛОДИНА М.А. Египетские выборы как отражение сложной внутриполитической борьбы в стране. 199–207

DOI: 10.31249/kg/2025.05.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Badar A. Iqbal, University of South Africa, Pretoria, South Africa; Turkish Center for Asia Pacific Studies, Ankara, Turkey
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Evgeny A. Kanaev, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.00

Contents

Asia: Challenges and Perspectives

ASMOLOV K.V., ZAKHAROVA L.V. Prospects for Constitutional Reform in the Republic of Korea in the mid-2020s. 6–24

STRELTSOV D.V. The 2025 Elections to the Upper House of the Japanese Parliament: Lessons for the Political Mainstream. 25–41

Political Processes in the Changing World

GUSELETOV B.P. The Results of the Parliamentary Elections in the European Union and Its Leading Member States in 2019–2024: A New Stage in the Transformation of Party and Political Systems 41–58

HABARTA A.A., GABARTA E.A. Populism and Right-Wing Conservative Projects in the Polish Party System (1990–2025). 59–81

Problems of the Old World

BITKOVA T.G. The Electoral Landscape of Romanian Society in the 2024–2025 Presidential Campaigns: Problems and Solutions 82–102

KHOROL'SKAYA M.V. The German Firewall: The Impact of the Prohibition on Cooperation with the “Alternative for Germany” Party on Germany’s Political and Electoral Processes 103–123

MASLOVA E.A., SAMORODOV A.I. Political Marketing in Italy: The Case of the Right Coalition’s Success 124–140

From the Point of Economics

SERGEEV E.A. The Political Economy of the Transformation of Electoral Processes in Benelux Countries: A Crisis of Models? 141–166

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

DOLGOV B.V. Political Islam in Contemporary Social and Political Processes in the Arab-Moslem World 167–182

SHUBIN V.G. South Africa: Is There Unity in the Government of National Unity? 183–198

Spotlight on New Academic Arrivals

VOLODINA M.A. The Egyptian Elections as a Reflection of the Complex Internal Political Struggle in the Country 199–207

Азия: вызовы и перспективы

УДК 323:342.4(1*KR)

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.01

Перспективы конституционной реформы в Республике Корея в середине 2020-х годов

Константин Валерианович АСМОЛОВ

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований

Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН)

Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: asmolov@iccaras.ru

ORCID: 0000-0003-1584-2748

Людмила Владимировна ЗАХАРОВА

доктор экономических наук, ученый секретарь, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований

Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН)

Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: zakharova@iccaras.ru

ORCID: 0000-0001-6164-3518

ЦИТИРОВАНИЕ: Асмолов К.В., Захарова Л.В. Перспективы конституционной реформы в Республике Корея в середине 2020-х годов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 5. С. 6–24. DOI: 10.31249/kgt/2025.05.01

Статья поступила в редакцию 15.08.2025.

Исправленный текст представлен 14.10.2025.

АННОТАЦИЯ. *Перед выборами 2025 г. в Республике Корея (РК) оба главных кандидата на пост президента выступили с проектами изменения электорального блока Основного закона страны. В отличие от прошлых лет, когда разговоры об изменении числа президентских сроков воспринимались обществом как метод отвлечения масс от реальных проблем государства, в этот раз изменение Конституции широко обсуждалось, во многом*

в контексте политического кризиса 2024–2025 гг. Цели статьи – раскрыть причины актуализации вопроса о конституционной реформе в Республике Корея в середине 2020-х годов, сравнить предложенные основными политическими фигурами варианты, а также определить перспективы изменения Основного закона страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В работе используются исторический и сравнительный методы исследования. Сделан

вывод о том, что политический кризис 2024–2025 гг. вывел ряд проблемных элементов Конституции Республики Корея, электоральный блок которой уже не соответствует требованиям времени, однако получившая власть Демократическая партия пока откладывает пересмотр Основного закона, руководствуясь краткосрочными интересами политической борьбы. В то же время нерешенные вопросы взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти закладывают основу для новых кризисов, сохраняя в повестке дня задачу модернизации Конституции страны. Дальнейшие перспективы внесения поправок с целью создания более стабильной, ориентированной на долгосрочные результаты системы организации президентской власти будут во многом зависеть от развития внутриполитической обстановки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Республика Корея, выборы президента, конституционная реформа, конституционный кризис, партийная система.

На президентских выборах в Республике Корея, состоявшихся в июне 2025 г., два основных кандидата (демократ Ли Чжэ Мён и консерватор Ким Мун Су) включили в свои программы вопрос о необходимости изменения действующей Конституции страны. Впервые этот вопрос стал важным элементом предвыборной кампании, причем дискуссия о возможности изменений касалась электоральных норм, связанных с главой государства. Мнение о том, что действующая Конституция Республики Корея не соответствует требованиям времени, высказывалось и ранее, однако особой

поддержки граждан оно не получало и в результате находилось на периферии политического дискурса. В 2025 г., однако, идея о необходимости внесения поправок в Основной закон страны начала занимать особое место в общественном мнении, и цель данного исследования – проанализировать истоки данного феномена, а также определить перспективы конституционной реформы в Южной Корее.

История Конституции Республики Корея

Конституция Республики Корея со времени ее принятия в 1948 г. пересматривалась 9 раз. Большинство изменений касалось института президентской власти, будь то формат выборов, объем власти или срок полномочий [Иванов, Князев, 2002, с. 137]. Последняя редакция (1987 г.)¹, часто называемая «Конституцией Шестой республики», во многом была направлена на то, чтобы ликвидировать «основы» для злоупотреблений властью, происходивших в период диктатуры президентов Пак Чон Хи и Чон Ду Хвана в 1960–1980-е годы.

РК является президентской республикой, и объем полномочий президента страны сравним с российским. Однако в течение второй половины XX в., до установления Шестой республики, страна постоянно сталкивалась с попытками первого лица обеспечить себе неограниченное правление.

В период Первой республики срок правления главы государства составлял 4 года, но президент Ли Сын Ман посредством серии поправок обеспечил себе пожизненное президентство [Толстокулаков, 2003, с. 94], что в итоге привело к его свержению в ходе апрель-

1 Правильнее было бы говорить о версии Конституции 1987 г., так как все изменения осуществлялись путем внесения поправок в существующий текст.

ской революции 1960 г. Как ответ на подобную политику Конституция Второй республики превращала страну в республику премьерского типа, однако разногласия между президентом и премьером, а также общая неготовность страны к восприятию демократических институтов привели к военному перевороту 1961 г., после чего тренд на создание «президентской диктатуры» продолжился. Хотя изначально Конституция Третьей республики предусматривала для президента страны два 4-летних срока, по их истечении Пак Чон Хи сначала добился переизбрания на третий, а затем в 1972 г. осуществил переворот «сверху» (кор. *юсин*), после чего «суперпрезидентская» (термин Г.Б. Булычева) Конституция Четвертой республики дала президенту практически неограниченную власть и неограниченный срок полномочий [Булычев, 2002, с. 16].

После убийства президента Пак Чон Хи в 1979 г. возникла надежда на изменение тренда, и даже последующая военная диктатура Чон Ду Хвана (период Пятой республики) предполагала своего рода компромиссный вариант: президент находится у власти 7 лет, но без права переизбрания. Тем не менее в 1986 г. президент Чон Ду Хван попытался продлить свои полномочия, но под давлением общественных протестов был вынужден отказаться от этой идеи, а его соратник Но Тхэ У предложил программу либеральных реформ, итогом которой стало создание Шестой республики с ее нынешней Конституцией, где президент по-прежнему не имел права на переизбрание, а срок его правления был сокращен до 5 лет.

Для обеспечения своей легитимности президенты Пак и Чон нередко

прибегали к чрезвычайным мерам, в первую очередь к объявлению чрезвычайного или военного положения, которое позволяло им ставить классические электоральные процессы «на паузу» и обеспечивать претворение в жизнь своей политики силовыми методами. В результате объявление чрезвычайного/военного положения стало восприниматься южнокорейским обществом не просто как чрезвычайная мера, а как первый шаг к попранию демократических принципов и установлению президентской диктатуры.

Конституция Шестой республики во многом была рассчитана на противодействие угрозе узурпации власти со стороны президента, для чего возможности первого лица изменить порядок вещей были ограничены. Важным нововведением стало создание Конституционного Суда, что породило надежду на ограничение произвольных трактовок Основного закона [West, Yoon, 1992]. С конца 1980-х годов мирная передача власти посредством выборов стала нормой, и Южная Корея воспринималась как «относительно успешный пример демократической консолидации»².

Некоторые особенности президентской власти в РК

Для понимания контекста, в котором вопрос о конституционной реформе резко поднялся в списке приоритетов южнокорейских политиков в 2020-е годы, важно понимать некоторые особенности организации президентской власти в РК.

Первая из них – это 5-летний срок без права переизбрания. В таком формате президент не может эффективно проводить в жизнь долгосрочные про-

2 Sohn Y., Kang W.-T. How Polarization Undermines Democracy in South Korea // Council on Foreign Relations. – 2025. – February 6. – URL: <https://www.cfr.org/councilofcouncils/global-memos/how-polarization-undermines-democracy-south-korea> (дата обращения: 07.10.2025).

граммы развития страны, требующие более длительного срока реализации, чем 3–4 года³. При этом каждый новый глава государства хочет запомниться народу и поэтому обычно провозглашает свои собственные «мегаинициативы» (например, «зеленый» курс Ли Мён Бака, «креативная экономика» Пак Кын Хе, «новая северная политика» Мун Чжэ Ина и т.п.). А с учетом традиционной для Кореи фракционной борьбы, которая носит не только межпартийный, но и внутривнутрипартийный характер, следующий президент часто «сворачивает» ключевые для предыдущего лидера проекты, в том числе в экономической области.

В качестве примера можно привести «новую энергетическую политику» Мун Чжэ Ина (президент РК в 2017–2022 гг.), одной из задач которой провозглашалось сокращение в стране числа АЭС [Карячкин, 2018, с. 175]. В результате конкурентоспособность ведущих компаний РК в данной отрасли существенно ослабла. Следующий глава государства Юн Сок Ёль занял противоположную позицию и выступил за увеличение доли атомной энергетики в энергобалансе страны⁴. Более того, южнокорейские производители атомных реакторов стали активно выходить на зарубежные рынки, пытаясь наверстать упущенные за предыдущие годы возможности. Подобная непоследовательность не способствует выработке долгосрочных мер поддержки ключевых отраслей промышленности страны, от которых зависит конкурентоспособность южнокорейских товаров на мировом рынке.

Другой пример – политика в отношении КНДР, вектор которой обычно

сильно зависит от партийной принадлежности главы государства. Президенты-демократы Ким Дэ Чжун (1998–2003) и Но Му Хён (2003–2008) декларировали принцип «отделения политики от экономики» и преуспели в реализации совместных экономических проектов с Северной Кореей. Компании РК были заинтересованы в дальнейшем расширении двусторонних связей, а увеличение гражданских обменов способствовало повышению доверия между двумя странами. Однако ставший в 2008 г. президентом представитель консерваторов Ли Мён Бак поменял курс, перечеркнув достижения своих предшественников. Межкорейские отношения стали портиться, и при его преемнице Пак Кын Хе (2013–2017) все межкорейские экономические проекты прекратились, а южнокорейская сторона понесла многомиллионные убытки [Захарова, 2018].

Вторая особенность связана с несоответствием сроков пребывания у власти президента и парламента. Если президентские сроки в разных конституциях менялись, то 4-летний избирательный цикл парламента оставался неизменным, отчего президенту зачастую приходится иметь дело с парламентом, расклад сил в котором отражает политическую ситуацию прошлых лет. Именно это заложило основу для прецедента, который наиболее ярко проявился в ходе конституционного кризиса 2024–2025 гг. как результат противостояния президента и парламента, большинство в котором заняла оппозиция.

Нельзя сказать, что в истории Шестой республики такая ситуация отсутствовала. С похожим кризи-

3 Первый год президентства обычно уходит на формирование правительства и начало его эффективного функционирования, а в последний год пребывания у власти глава государства становится «хромой уткой» и его новые инициативы рискуют остаться на бумаге.

4 Анализ ситуации: Администрация Юн Сок Ёля делает ставку на мирный атом // Asia Risk Group. – 2022. – 31 июля. – URL: <https://asiarisk.org/novosti/200-analiz-situatsii-administratsiya-yun-sok-jolya-delaet-stavku-na-mirnyj-atom> (дата обращения: 29.07.2025).

сом страна столкнулась практически сразу, когда президент Но Тхэ У, прошедший во власть из-за раскола в стане оппозиции, не имел большинства в парламенте. Однако 9 февраля 1990 г. этот вопрос решился за счет слияния партий Но Тхэ У, Ким Ён Сама и Ким Чжон Пхилиа. В результате этого оппозиция под руководством Ким Дэ Чжуна осталась в заведомом меньшинстве и не могла влиять на процесс принятия законов, а бывший лидер оппозиции Ким Ён Сам стал следующим президентом РК.

В настоящее время в Южной Корее изменилась структура партийной системы. На момент принятия Конституции ее можно было условно назвать «полуторапартийной», когда была правящая партия и некоторое количество оппозиционных, способных прийти к власти в чрезвычайных ситуациях. Таковым был, например, первый приход к власти в 1997 г. президента Ким Дэ Чжуна на фоне ударившего по Корее азиатского финансового кризиса 1997 г. и раскола в партии власти. И хотя после Ким Дэ Чжуна пост принял его однопартиец Но Му Хён, по сути, это был приход к власти иной внутрипартийной фракции. Однако в XXI в. модель сменилась, и сегодня можно говорить о существовании в РК де-факто двухпартийной системы, которому способствует существенная политическая и эмоциональная поляризация общества.

Одна из возможных причин этого явления – демографическая: на руководящие должности в политических партиях пришло так называемое поколение Х86, ключевым опытом для которого является участие в студенческих (и не только) протестах против

диктатуры Чон Ду Хвана в 1980-е годы. Это определяет и их симпатии к демократам, и неприятие любых действий, которые можно трактовать как возрождение диктатуры, и более высокий уровень бескомпромиссности и конфликтности, когда попытка достичь консенсуса с политическими противниками воспринимается как неприемлемые уступки, а заявления о необходимости диалога предполагают диалог исключительно на своих условиях. В результате в южнокорейском политикуме так и не случилось перехода от «кто не с нами, тот против нас» к «кто не против нас, тот с нами» [Асмолов, 2022]. По мнению Дж. Чо и А. Хо, «националистическая поляризация подрывает демократическую стабильность и провоцирует циклы политической мести», а также побуждает партийные элиты отдавать приоритет захвату власти, а не демократическим нормам [Cho, Hur, 2025].

То, в какой мере популизм опасен для демократии РК, – тема частых дискуссий. Если, по мнению Нильссон-Райта, Южная Корея остается подверженной популистским импульсам, но ее демократия «в некоторых отношениях более здорова, чем можно было бы предположить»⁵, то Син Ги Ук еще в 2020 г. прямо говорил об упадке демократии в Корее. Оппоненты демократии нигилизируются, демократические нормы размываются, а политическая жизнь становится всё более поляризованной, отчего под угрозой оказываются как дух демократии, так и ее стандарты. При этом если в ряде стран угроза исходит от ультраправых популистов, «ключевыми фигурами в отступлении от демократии в Корее являются бывшие активисты продемократического

5 Nilsson-Wright J. Contested politics in South Korea. Democratic evolution, national identity and political partisanship // Chatham House. – 2022. – July 28. – URL: <https://www.chathamhouse.org/2022/07/contested-politics-south-korea/2-south-koreas-democratic-evolution> (дата обращения: 03.10.2025).

движения, ставшие теперь новой правящей элитой» [Shin, 2020].

Третий специфический момент организации президентской власти в РК связан с несовершенством существующей системы сдержек и противовесов: если у законодательной власти есть конституционные рычаги воздействия на исполнительную, то у исполнительной таких рычагов нет. Формально президент РК обладает довольно серьезным блоком полномочий, отчего оппозиция постоянно критиковала систему «имперского президентства». Глава государства имеет право назначать ключевых должностных лиц без одобрения парламента (точнее, одобрение желательно, но не является обязательным), может неограниченное число раз накладывать вето на законопроекты, принятые парламентом, и назначает 3 из 9 членов Конституционного Суда [Ким, 2024]. В результате, по мнению корейского профессора права Университета Соган Им Чжи Бона, «нынешняя президентская система является значительно улучшенной версией по сравнению с эпохой военной диктатуры, но она по-прежнему предоставляет президенту чрезмерную власть и оставляет ее в значительной степени бесконтрольной»⁶. Однако, как отмечает российский ученый Ким Ен Ун [Ким, 2024], если парламент имеет рычаг воздействия на исполнительную власть в виде импичмента, возможность досрочного роспуска парламента в южнокорейской Конституции отсутствует. Это не может сделать ни президент, ни Конституционный Суд. Более того, в случае наложения президентского вето закон можно «переголосовать»,

хотя для преодоления вето требуется 2/3 голосов.

Процедуре импичмента, согласно ст. 65 Конституции Республики Корея, за нарушение Основного закона и/или иных законов страны при исполнении служебных обязанностей может подвергнуться не только президент, но и премьер-министр, члены Государственного Совета, министры, судьи и другие должностные лица. При этом если для импичмента президенту требуется 2/3 голосов, собрать которые не просто, для «увольнения» любого иного чиновника, включая премьер-министра или представителей судебной власти, требуется простое большинство. При этом в дальнейшем импичмент должен быть утвержден Конституционным Судом, что теоретически ограничивает парламент результативно использовать эту процедуру. Однако даже если Конституционный Суд отменит решение парламента, какое-то время чиновник не имеет возможности эффективно исполнять свои обязанности. В результате, как отмечает профессор политологии Сеульского национального университета Кан Вон Тхэк, «когда между президентом и Национальным собранием возникает конфликт, президентской системе не хватает институциональных механизмов для разрешения таких споров. Когда эти конфликты обостряются, законодательный орган может добиваться импичмента президента, в то время как президент может рассмотреть возможность использования военной силы...»⁷.

Профессор Сеульского национального университета Мин Гё Ку также считает, что злоупотребление законодательной властью со стороны практиче-

6 South Korea enters 2025 with battered yet resilient democracy // Korea Times. – 2025. – January 02. – URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2025/01/356_389551.html (дата обращения: 07.01.2025).

7 Majority of Koreans back changes to limit presidential powers // Korea Times. – 2024. – December 31. – URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2025/01/356_389472.html (дата обращения: 07.01.2025).

ски квалифицированного большинства подрывает систему сдержек и противовесов: «Когда партия большинства проталкивает законопроекты через законодательный орган, используя лишь численный перевес, а затем заявляет: “Мы следовали демократическому процессу, не нравится – побеждайте на следующих выборах”, это пример политической безответственности»⁸.

Наконец, к 2020-м годам стало очевидно, что утверждение или отвод импичмента президента Конституционным Судом является не чисто юридическим, а политическим решением, учитывающим обстановку в стране и нацеленным в первую очередь на прекращение конституционного кризиса. Так, когда в 2004 г. Но Му Хен прямо нарушил Конституцию, оказывая поддержку созданной им партии, и парламент отлучил его от власти, между решением парламента и вердиктом Конституционного Суда прошли парламентские выборы, на которых партия президента получила 152 мандата из 299⁹. После этого суд пришел к выводу, что «признанное в данном случае нарушение закона президентом недостаточно для оправдания его импичмента»¹⁰. Как отмечает профессор Чикагского университета Т. Гинзбург [Ginsburg, 2009], хотя суд установил, что Но нарушил положения избирательного законодательства о нейтралитете госслужащих, отстранение было бы несоразмерно, так как действия президента не были «преднамеренной попыткой подорвать кон-

ституционную демократию» и угрозы демократическому порядку не было. Наоборот, в случае с президентом Пак Кын Хе Конституционный Суд постановил, что отстранение возможно и без серьезного нарушения Основного закона, при том что доказательства коррупционных связей президента оказались под вопросом, а главная улика скомпрометирована¹¹.

Перечисленные выше особенности организации президентской власти в РК оказывают непосредственное влияние на эффективность работы главы государства. В более широком контексте они значимы и для всей системы исполнительной власти в РК, от эффективности функционирования которой зависят результаты проводимой руководством страны политики.

Конституционный кризис 2024–2025 гг. и его предпосылки

В первой половине 2020-х годов в политической ситуации в РК стали проявляться некоторые тренды, которые можно сравнить с «чит-кодами» или «дырками в правилах» в компьютерной игре. Формально эти практики не противоречат Конституции, однако фактически они оказываются довольно действенным инструментом политической борьбы.

Первая подобная практика – это создание как консерваторами, так и демократами «партий-спутников», которые позволяют монополизировать голосо-

8 Min G.K. South Korean Democracy at a Crossroads // The National Bureau of Asian Research. – 2025. – May 21. – URL: <https://nbr.org/publication/south-korean-democracy-at-a-crossroads/> (дата обращения: 03.10.2025).

9 [Специальные всеобщие выборы] 2004, Ю Си Мин, Хан Мен Сук... В Кояне избраны символы прогрессивной политики, 2 из 4 мест заняли женщины = [총선특집] 2004년, 유시민·한명숙... 진보정치 상징 고양서 당선, 4석 중 2석 여성 // Коян Синмун. – 2024. – 3 августа. – Кор. яз. – URL: <https://www.mygoyang.com/news/articleView.html?idxno=78248> (дата обращения: 03.10.2025).

10 Major Decisions in Brief // Constitutional Court Of Korea. – URL: <https://english.ccourt.go.kr/site/eng/ex/bbs/View.do?cbldx=1142&bclidx=984856> (дата обращения: 03.10.2025).

11 Асмолов К.В. Пак Кын Хе и Мун Чжэ Ин на весах греха // Новое Восточное обозрение. – 2021. – 12 февраля. – URL: <https://journal-neo.su/ru/2021/02/12/pak-ky-n-he-i-mun-chzhe-in-na-vesah-greha/> (дата обращения: 03.10.2025).

ние по партийным спискам. В преддверии выборов от «материнской» партии отделяется «партия-спутник», которая выставляет своих кандидатов не в качестве одномандатников, а идет по партийным спискам. После выборов происходит воссоединение [Асмолов, 2024].

На выборах как 2020 г., так и 2024 г. это сделало парламент фактически двухпартийным, а представители малых партий лишились того шанса на честную конкуренцию, который предоставляло им голосование по партийным спискам. Редким исключением являются представители малых партий, которые вошли в «партию-спутник», но после получения депутатского мандата не воссоединились с «материнской» партией.

С 2022 г., когда президентом страны стал представитель консерваторов Юн Сок Ёль, а подавляющее преимущество в парламенте было у его политических противников, оппозиционная Демократическая партия Тобуро использовала второй «чит-код» в виде рутинизации процедуры импичмента, которая ранее была зарезервирована для чрезвычайных ситуаций. Статистика говорит сама за себя: за всё время существования Шестой республики парламент 16 раз голосовал за импичмент президента или госчиновника, из них 13 раз в правление Юн Сок Ёля, при том что большинство «импичментированных» возвращались на свое место Конституционным Судом. Как правило, объектом импичмента становились представители силовых или контролирующих структур. Поводы часто были надуманными, отчего Конституционный Суд возвращал чиновников в строй. Так было с мини-

стром внутренних дел Ли Сан Мином¹², главой Бюро аудита и инспекции Чхве Чжэ Хэ и другими¹³.

С самого начала своего правления президент Юн Сок Ёль оказался в ситуации политического тупика, когда любые его серьезные шаги, требующие одобрения парламента, были блокированы. В свою очередь, парламент активно искал повод для импичмента президента, применяя эту процедуру в качестве устрашения чиновников, отказывавшихся принимать во внимание мнение оппозиции. Обе стороны ожидали, что на парламентских выборах 2024 г. ситуация изменится в лучшую для них сторону, но этого не произошло. Хотя демократы не набрали в Национальном собрании 200 мест, необходимых для импичмента президента, их преимущество в парламенте осталось подавляющим, и это означало, что тупик продолжится весь оставшийся срок президента Юн Сок Ёля.

В результате противостояния властей законодательная деятельность в стране оказалась парализована, поскольку законы, предлагавшиеся президентом, отводил парламент, а законы, предложенные парламентом, ветоировал президент. Одновременно представители Демократической партии прямо говорили о стратегии «тотального импичмента»¹⁴, угрожая, что любой чиновник, который будет пытаться противостоять попыткам демократов добиться власти, будет уволен.

Подобный политический тупик сложился в РК абсолютно не вовремя. Вступление страны в фазу низких темпов экономического роста на фоне

12 Конституционный суд в Южной Корее отклонил импичмент главе МВД // ТАСС. – 2023. – 25 июля. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18352859> (дата обращения: 12.01.2025).

13 КС отклонил отставки главы аудита и трех прокуроров // KBS WORLD Radio. – 2023. – 13 марта. – URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=80835 (дата обращения: 06.08.2025).

14 Юг и Север: Обзор последних событий на Корейском полуострове (16–31 декабря 2024 г.) // Asia Risk Group. – 2025. – 4 января. – URL: <https://asiarisk.org/novosti/495-yug-i-sever-obzor-poslednikh-sobytij-na-korejskom-poluostrove-16-31-dekabrya-2024-g> (дата обращения: 12.01.2025).

высокой зависимости от внешних рынков и их усилившейся турбулентности требует от южнокорейского руководства проведения структурных реформ, направленных на преодоление внутренних социально-экономических проблем [Кукла, 2024, с. 92], а также авторитетного представительства за рубежом для минимизации внешних угроз. В условиях принятия в ведущих странах – партнерах РК масштабных пакетов государственной поддержки важнейших отраслей отечественной промышленности в Южной Корее этот процесс затягивался из-за межпартийной борьбы [Захарова, 2023].

Отдельные сложности возникли при принятии закона о государственном бюджете на 2025 г. С целью сокращения дефицита бюджета в конце ноября 2024 г. оппозиция решила сократить государственные расходы на 4,1 млрд долл., в том числе на важные для президента направления и проекты¹⁵. Достичь компромисса сторонам не удалось. В результате 3 декабря 2024 г. президент Юн Сок Ёль, не имея возможности урегулировать конфликт с парламентом в легальном поле, решил прибегнуть к чрезвычайным мерам и ввел в стране военное положение. Хотя нынешняя власть трактует это как военный заговор, нацеленный на установление диктатуры, такая трактовка частично отражает пропаганду победившей стороны, частично – реакцию общества, у которого военное положение вызвало однозначное отторжение, и это коснулось даже пред-

ставителей правящей партии, включая ее лидера Хан Дон Хуна. Тем не менее при анализе кризиса стоит отметить 2 важных момента.

Во-первых, хотя Конституционный Суд, утвердивший импичмент Юн Сок Ёлю, счел объявление военного положения неадекватным политической ситуации, по мнению некоторых ученых, это решение находится в «серой зоне». Согласно ст. 77 Конституции Республики Корея¹⁶ президент имеет право вводить военное положение в случае войны, вооруженного конфликта или «иной чрезвычайной ситуации национального значения», параметры которой подробно не описаны. С точки зрения президента, изложенной в его обращении к народу¹⁷, ситуацию, когда оппозиция парализовала работу правительства путем системного импичмента чиновникам и сократила бюджет на 2025 г. (причем расходы администрации президента, разведки, прокуратуры и ряда значимых для Юна проектов были демонстративно урезаны), можно было считать чрезвычайной. Как отмечают К.В. Асмолов и А.В. Соловьёв, действия Юна были вполне «легальными» с точки зрения соответствия законам, но нелегитимными в глазах общества [Асмолов, Соловьёв, 2025].

Во-вторых, как введение, так и отмена военного положения прошли в соответствии с Конституцией: объявляя военное положение, президент должен незамедлительно уведомить об этом парламент (что было сделано путем обращения к нации), но если

15 Грани кризиса: как внутриполитический конфликт повышает неопределенность экономики Южной Кореи // РСМД. – 2024. – 19 декабря. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/grani-krizisa-kak-vnutripoliticheskiy-konflikt-povyshaet-neopredelennost-ekonomiki-yuzhnoy-korei/> (дата обращения: 06.08.2025).

16 Конституция Республики Корея. Ст. 77 = 대한민국헌법 제77조 // Национальный центр правовой информации Республики Корея = 국가법령정보센터. – Кор. яз. – URL: <https://www.law.go.kr/IsInfoPdo?IsSeq=61603&ancYd=19871029&ancNo=00010&efYd=19880225&nwJoYnInfo=Y&efGubun=Y&chrClsCd=01020200000> (дата обращения: 08.06.2025).

17 Срочное специальное обращение президента Юн Сок Ёля к нации = 윤석열 대통령 긴급 대국민 특별담화 // Korea. kr. – 2024. – 3 декабря. – Кор. яз. – URL: <https://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148937015> (дата обращения: 08.06.2025).

Национальное собрание будет против и проголосует за его отмену, президент обязан подчиниться. Это также было сделано после того, как депутаты Национального собрания смогли оперативно собраться в здании парламента и, набрав кворум, проголосовать за отмену военного положения. После этого президент не стал оспаривать решение Национального собрания, не пошел на эскалацию, и по его приказу войска вернулись в казармы. Затем парламент объявил президенту импичмент, который был единогласно утвержден Конституционным Судом, несмотря на многотысячные манифестации в поддержку Юн Сок Ёля.

В определении чрезвычайности ситуации Конституционный Суд ориентировался прежде всего на формальные признаки: на момент объявления военного положения процедура импичмента шла только в отношении одного прокурора и председателя Корейской комиссии по коммуникациям; проблемные законопроекты еще не вступили в силу, а проект бюджета на 2025 г. не мог повлиять на ситуацию, поскольку бюджет на 2024 г. исполнялся¹⁸. Представляется, что такие формулировки были призваны обосновать решение, нацеленное на прекращение кризисной ситуации, которую восстановление Юна у власти только усугубило бы. Неслучайно Т. Гинзбург определяет методологию действий Конституционного Суда РК как «конфуцианский конституционализм», нацеленный на поддержание общественной гармонии [Ginsburg, 2009].

Досрочные выборы президента РК прошли 3 июня 2025 г. На них одержал победу противник Юна – бывший председатель Демократической партии Тобуро Ли Чжэ Мён. На этом конституционный кризис формально завершился, однако глубинные причины возникшей в стране политической нестабильности так и не были устранены.

Предложения по изменению Основного закона страны

Непримение обществом военного положения ожидаемо привело к тому, что о необходимости ограничения «имперского» президентства заявляли и демократы, и консерваторы¹⁹. В результате даже объективная трактовка событий сводилась к выражениям «сам факт, что президент воспринял парламентское противостояние настолько остро, что решился на антиконституционные действия, указывает на системные проблемы распределения власти»²⁰. Обсуждение конституционной реформы стало набирать обороты.

Внесение поправок в Основной закон требует высокого уровня общественной поддержки. Президент или парламент могут предложить конституционную поправку, которая должна быть одобрена большинством в 2/3 голосов в Национальном собрании, а затем большинством голосов на национальном референдуме, в котором принимают участие более половины избирателей, имеющих право голоса. Еще 17 июля 2024 г. спикер Национального собрания РК У Вон Сик

18 Full transcript of Yoon Suk Yeol's impeachment ruling // Korea Times. – 2025. – April 04. – URL: <https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/politics/20250404/full-transcript-of-south-korean-president-yoon-suk-yeols-impeachment-ruling-by-constitutional-court> (дата обращения: 03.10.2025)

19 Majority of Koreans back changes to limit presidential powers // Korea Times. – 2024. – December 31. – URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2025/01/356_389472.html (дата обращения: 12.01.2025).

20 Комментарий ARRC: Политики Кореи в очередной раз нашли повод не проводить необходимые конституционные реформы // Asia Risk Group. – 2025. – 10 апреля. – URL: <https://asiarisk.org/novosti/522-kommentarij-arrc-politiki-korei-v-ocherednoj-raz-nashli-povod-ne-provodit-neobkhodimye-konstitutsionnye-reformy> (дата обращения: 11.08.2025).

предлагал подготовить проект поправок в Конституцию страны и провести референдум одновременно с местными выборами в 2026 г.²¹ Затем, 6 апреля 2025 г., еще до победы Ли на выборах, он предложил провести национальный референдум по пересмотру Конституции одновременно с досрочными президентскими выборами²².

Идею поддержали консервативная партия «Сила народа» и фракция оппонентов Ли Чжэ Мёна внутри Демократической партии, однако сам Ли, поддержав идею двух 4-летних сроков президентства, заявил, что внесение поправок в Конституцию важно, но на текущий момент приоритетом является «восстановление разрушенной демократии и преодоление последствий мятежа»²³. В результате 9 апреля 2025 г. У Вон Сик отозвал свое предложение²⁴.

Теперь сравним, какие изменения Конституции предлагал каждый из основных кандидатов в президенты. Программа, которую 18 мая 2025 г. озвучил Ли Чжэ Мён²⁵, включала в себя следующие разделы:

- введение 4-летнего президентского срока с возможностью переизбрания;
- введение системы 2-го тура выборов, нацеленной на уменьшение политической поляризации и подтверждение того, что за нового лидера

проголосовало более 50% населения страны;

- назначение премьер-министра только по рекомендации парламента, что усилит парламентский контроль и обеспечит уважение президентом роли премьер-министра;

- назначение глав ключевых ведомств (включая Конституционный Суд, Бюро аудита и инспекции, прокуратуру и иные регулирующие органы, включая контролирующие СМИ)²⁶ только с одобрения парламента;

- ограничение права президента на вето и запрет на его использование, если дело касается коррупции самого президента или членов его семьи;

- если президент намерен объявить чрезвычайное или военное положение, он должен заранее уведомить об этом Национальное собрание и получить его одобрение в течение 24 часов; в противном случае объявление будет признано недействительным;

- включение в преамбулу Конституции упоминаний о демократических движениях, включая восстание в Кванчжу 1980 г., протесты в Пусане 1979 г. и «революцию свечей» 2016–2017 гг.

Хотя Ли громко заявил, что редакция Конституции 1987 г. себя исчерпала и настало время открыть «Седьмую республику» – более демократичную, сбалансированную и современную,

21 Спикер парламента РК предложил пересмотреть Конституцию // KBS World Radio. – 2024. – 17 июня. – URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=78610 (дата обращения: 20.09.2024).

22 Assembly speaker proposes referendum for constitutional revision held on snap presidential election day // Yonhap News. – 2025. – April 06. – URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20250406002100315> (дата обращения: 06.08.2025).

23 Вопрос о поправках в Конституцию... Фракции Партии народной власти и Демократической партии: «Референдум по поправкам в Конституцию должен состояться во время президентских выборов». Ли Джэ Мён: «Приоритетом является прекращение гражданской войны» = 개헌 쟁점...국힘·민주 비명계 «대선 때 개헌 국민투표» 이재명 «내란 종식이 우선» // Newsis. – 2025. – 14 апреля. – Кор. яз. – URL: https://www.newsis.com/view/NISX20250407_0003129750 (дата обращения: 06.08.2025).

24 Assembly speaker drops nat'l referendum proposal on presidential poll day // Yonhap news. – 2025. – April 09. – URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20250409006900315> (дата обращения: 06.08.2025).

25 Ли Чжэ Мён: «Реформирование системы четырехлетнего президентского срока... Премьер-министр рекомендуется Национальным собранием» = 이재명 «대통령 4년 연임제로 개헌...총리는 국회서 추천» // Yonhap News. – 2025. – 18 мая. – Кор. яз. – URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20250518016251001?section=election2025/news&site=topnews02> (дата обращения: 11.08.2025).

26 (EDITORIAL from Korea Times on May 19) // Yonhap News. – 2025. – May 19. – URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20250519000500315> (дата обращения: 06.08.2025).

принятие поправок выносятся им на референдум на местных выборах 2026 г. или парламентских выборах 2028 г., так как в 2025 г. важнее всего стабильность страны и восстановление экономики. На вопрос, будет ли новая система применяться к победителю ближайших выборов, Ли ответил, что действующая Конституция запрещает это, то есть сам он будет руководить страной по прежним правилам. В результате консервативные СМИ Республики Корея задались риторическим вопросом: концептуальные основы или политическое позерство?²⁷

22 мая 2025 г. свою программу пересмотра Конституции озвучил кандидат от консервативной партии «Сила народа» Ким Мун Су, пообещавший стать «президентом народа, а не имперским президентом»²⁸. Помимо аналогичного демократам проекта замены президентского срока на два 4-летних, он предложил следующее:

- сократить свой собственный срок правления до 3 лет, чтобы президентские, парламентские и местные выборы составляли один 4-летний цикл;
- перераспределить полномочия между президентом и премьер-министром;
- сократить число законодателей на 10%;
- назначить специального инспектора, рекомендованного оппозицией, которому будет поручено расследовать обвинения, касающиеся семьи президента и его близких родственников, – должность, которую оставили вакантной как Мун Чжэ Ин, так и Юн Сок Ёль;
- ужесточить требования к импичменту членов Кабинета министров,

чтобы предотвратить злоупотребление властью со стороны парламента;

- разработать систему сдержек и противовесов для предотвращения злоупотребления властью со стороны парламента;

- отменить иммунитет главы государства от уголовного преследования и иммунитет депутатов Национального собрания от ареста;

- ввести понятие нового уголовного преступления – «воспрепятствование правосудию», чтобы наказать тех, кто вмешивается в расследования или судебные процессы (после того как Демократическая партия внесла ряд противоречивых законопроектов, направленных на защиту своего лидера);

- создать независимый специальный надзорный комитет для наблюдения за Национальной избирательной комиссией в попытке «обеспечить нейтралитет» и восстановить доверие общественности к избирательному процессу; иной комитет будет следить за независимостью Верховного и Конституционного судов.

Отметим, что ряд идей Ким позаимствовал у снявшегося независимого кандидата Хан Док Су, который вообще позиционировал себя временным лидером, цель которого – подготовить предложение о внесении поправок в Основной закон в течение первого года его пребывания у власти, доработать поправки на второй год, провести всеобщие и президентские выборы на третий год в соответствии с новой Конституцией, а затем немедленно уйти в отставку²⁹.

Таким образом, оба основных кандидата были согласны с сокращением

²⁷ Ibid.

²⁸ PPP's Kim pledges to cut number of lawmakers by 10 pct // Yonhap News. – 2025. – May 22. – URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20250522003900315> (дата обращения: 06.08.2025).

²⁹ (2nd LD) Ex-PM Han declares presidential bid, pledges constitutional reform // Yonhap News. – 2025. – May 02. – URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20250502003052315> (дата обращения: 06.08.2025).

президентского срока до 4 лет, а также с возможностью переизбрания. При этом Ким четко говорил, что предложенная им система позволит провести одно переизбрание, но строго ограничивает общий президентский срок восемью годами³⁰. Предложения кандидатов также касались усиления контроля за действиями президента. При этом если лидер оппозиции настаивал на усилении роли парламента, в том числе путем обязательного одобрения депутатами кандидатуры премьер-министра, то претендент от Консервативной партии поднимал также вопрос о необходимости предотвратить злоупотребления властью со стороны парламента. Сравнение предложенных программ свидетельствует о том, что оба политика понимали важность реформирования системы выборов президента страны, однако поскольку любые поправки в Конституцию не распространялись на избранного в июне 2025 г. главу государства, срочности с запуском процедуры они не чувствовали.

Что касается мнения народа, то согласно опросу общественного мнения, проведенному *The Korea Times* в декабре 2024 г.³¹, 56% респондентов считали, что реформирование президентской системы необходимо, 45% опрошенных указали на необходимость устранения 5-летнего срока полномочий без права переизбрания, 35% подчеркнули важность ограничения президентских полномочий для обеспечения более эффективной системы сдержек и про-

тивовесов, 17% респондентов указали на необходимость совершенствования действующей избирательной системы, которая позволяет кандидату победить на президентских выборах, не набирая большинства голосов, а 64% считали, что необходимо ограничить количество раз, когда президент может применять право вето.

Относительно времени проведения референдума по конституционной реформе 36,7% респондентов считали, что наилучшим временем были бы местные выборы в 2026 г., 25% высказались за парламентские выборы 2028 г., 10,8% согласились с его проведением после 2028 г.³² Таким образом, большая часть населения РК выступила за проведение конституционной реформы в течение 1–3 лет.

Перспективы конституционной реформы

16 сентября 2025 г. поправки в Конституцию были заявлены в числе 123 основных направлений политики, утвержденных на заседании Кабинета министров под председательством президента Ли Чжэ Мёна³³. Формирование специального комитета по конституционной реформе могло бы стать следующим важным шагом, демонстрирующим решимость двигаться в данном направлении, однако на момент написания данной статьи конкретных шагов по подготовке реформы нет.

Это может означать, что главным фактором, влияющим на ход конститу-

30 Presidential term limits could shift depending on who wins election // Korea Times. – 2025. – June 02. – URL: <https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/politics/20250602/south-koreas-presidential-term-limits-could-shift-depending-on-who-wins> (дата обращения: 06.08.2025).

31 Majority of Koreans back changes to limit presidential powers // Korea Times. – 2024. – December 31. – URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2025/01/356_389472.html (дата обращения: 07.01.2025).

32 Nearly 6 in 10 S. Koreans say they want new president back at Cheong Wa Dae: poll // Yonhap News. – 2025. – June 03. – URL: <https://en.yyna.co.kr/view/AEN20250603005500315> (дата обращения: 06.08.2025).

33 Amending Constitution, reforming prosecution among policy tasks under Lee administration // Yonhap News. – 2025. – September 16. – URL: <https://en.yyna.co.kr/view/AEN20250916004100315> (дата обращения: 03.10.2025).

ционной реформы, будет внутривнутриполитическая обстановка в стране и то, насколько новой власти удастся задавить сопротивление противников. В этом смысле характерен новый лидер Демократической партии Тобуро, который допускает крайне резкие высказывания в отношении оказавшейся в оппозиции консервативной партии «Сила народа». Заметим, что с системных причин, связанных с несовершенством Конституции, внимание переключается исключительно на экс-президента, который хотел устроить переворот, а от оппозиционной партии требуют принести за него извинения³⁴.

Президент Ли имеет полностью подконтрольный ему парламент, в котором оппозиция никак не может препятствовать его политическому курсу, и ему нет нужды ускоренно менять Конституцию и ограничивать свою власть. Как отметили консервативные южнокорейские СМИ, «крайне маловероятно, что избранный президент допустит пересмотр Конституции, который ограничит его или ее собственную исполнительную власть»³⁵.

Как отмечает политолог Ли Чжон Ын, чем раньше администрация Ли Чжэ Мёна сделает конституционные изменения приоритетными, тем выше вероятность их принятия. Ли советует отдать приоритет конституционным изменениям, пользующимся поддержкой всех партий, например установлению двух сроков президентства, и не пытаться форсированно протолкнуть свой вариант. «Готовность Ли пожертвовать частью своей политической программы и сроками будет иметь

решающее значение для повышения доверия к его конституционным реформам»³⁶.

В среднесрочной перспективе можно предположить несколько сценариев, когда действующий президент решится на проведение конституционной реформы.

Первый. Если президент Ли сможет окончательно сломить оппозицию или хотя бы обеспечить поддержку 200 депутатов Национального собрания, он может попробовать поменять Конституцию так, чтобы после текущего 5-летнего срока президентства баллотироваться на 4 года уже по новым правилам.

Второй. В случае падения уровня общественной поддержки президент может начать конституционную реформу, чтобы его преемник из числа политических противников имел бы меньше власти, чем он. В данном случае курс на ограничение власти президента вполне может довести РК до превращения в парламентскую республику.

Третий. Возможны варианты, при которых на фоне неудач президента во внешней или внутренней политике и падения его рейтинга внимание к вопросу о поправках в Основной закон будет привлекать набирающая силу оппозиция, требуя учета своих пожеланий. Однако тогда согласовать устраивающий 2/3 депутатов вариант поправок будет особенно трудно.

В любом случае полностью отказаться от конституционной реформы в долгосрочной перспективе руководству Республики Корея вряд ли удастся по комплексу причин. Во-первых,

34 Toward cooperative politics // Korea Times. – 2025. – August 04. – URL: <https://www.koreatimes.co.kr/opinion/editorial/20250804/ed-toward-cooperative-politics> (дата обращения: 06.08.2025).

35 (EDITORIAL from Korea Herald on April 9) // Yonhap News. – 2025. – April 09. – URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20250409000600315> (дата обращения: 06.08.2025).

36 Lee J.E. The challenges of reforming South Korea's constitution // East Asia Forum. – 2025. – August 04. – URL: <https://eastasiaforum.org/2025/08/04/the-challenges-of-reforming-south-koreas-constitution/> DOI: 10.59425/eabc.1754344800 (дата обращения: 09.10.2025).

общественные ожидания этого требуют. Во-вторых, несмотря на стабилизацию политической обстановки после досрочных президентских выборов в 2025 г., необходимость институциональных реформ никуда не исчезла. В стране так и не появились законные пути разрешения конфликтов между президентом и парламентом, находящимся под контролем оппозиции. И если по итогам следующих парламентских выборов 2028 г. Национальное собрание станет оппозиционным главе государства, конституционный кризис может возникнуть вновь. А учитывая уже имеющийся опыт 2024–2025 гг., новый кризис может стать более серьезным или даже кровавым.

В-третьих, все более сложные внутренние и внешние вызовы, стоящие перед РК на современном этапе, требуют внутренней сплоченности и преемственности политического курса на срок более 5 лет. Проблемы сокращения населения, растущей инфляции, бюджетного дефицита, глобальных экономических конфликтов и растущей конкуренции для южнокорейских производителей на зарубежных рынках ставят перед РК насущные задачи по укреплению внутреннего единства и выработки долгосрочной политики и эффективных средств ее реализации.

Конституционная реформа необходима для предотвращения ситуаций политической нестабильности в стране, ставящей под удар ее международную репутацию и экономические позиции. После второго прихода к власти в США Д. Трампа, когда необходимо было вести переговоры об условиях торговых отношений с главным союзником и важнейшим экономическим партнером, в РК сменялись и.о. президента и явно ощущался политический вакуум в острых условиях внешнепо-

литической турбулентности. В результате договоренности по новым торговым тарифам с США Южная Корея смогла достичь позже Японии и ЕС. Подобные ситуации политического вакуума в будущем не должны повторяться.

Новый шанс для обсуждения вопроса о конституционной реформе предоставят выборы 2026 г. или 2028 г., однако, учитывая особенности политической культуры РК, перспектива корректировки Конституции будет зависеть от дальнейших флуктуаций политической обстановки в стране. Для перехода к реальным действиям будет необходима поддержка 2/3 членов парламента и готовность южнокорейских политиков пожертвовать собственными амбициями ради принятия важного стратегического решения о будущем политической системы страны.

Заключение

Электоральный блок Конституции Республики Корея, который на момент внесения последних изменений был адекватен внутренней политической ситуации, 38 лет спустя уже не соответствует требованиям времени. При этом перспективы внесения поправок с целью создания более стабильной, ориентированной на долгосрочные результаты, системы организации президентской власти будут во многом зависеть от политической обстановки в стране.

Конституционный кризис 2024–2025 гг. в РК подстегнул общественную дискуссию о необходимости внесения поправок в Основной закон страны, чтобы повысить ответственность президента перед народом и одновременно принять меры для предотвращения конфликтов между исполнительной и законодательной ветвями власти.

Лидеры основных политических партий страны выступили со своими предложениями по конституционной реформе, предполагавшими переход от единственного 5-летнего срока президентства к двум 4-летним. В случае их реализации произошел бы существенный сдвиг в электоральной системе страны, а глава государства получил бы возможность проводить более долгосрочный политический курс по решению сложных внутренних и внешних задач, стоящих перед РК. Однако после урегулирования конституционного кризиса избранный президент от правящей партии предпочел отложить вопрос о пересмотре Основного закона страны под предлогом необходимости первоочередного восстановления демократии, попранной попыткой военного переворота.

Тем не менее 2025 г. стал важным подготовительным этапом для формулирования целей и задач конституционной реформы, а также рассмотрения временных рамок ее проведения. Были предложены несколько вариантов поправок, отражавших интересы правящей и оппозиционных партий и лично некоторых их представителей. Опросы общественного мнения, которым большое внимание уделяют южнокорейские политики, показали высокий уровень заинтересованности населения в реформировании системы президентской власти. Учитывая возросший уровень зрелости южнокорейской демократии, представляется закономерным его отражение в обновленной Конституции, соответствующей требованиям XXI в. Дальнейшее откладывание южнокорейским истеблишментом вопроса о модернизации электоральных норм, касающихся президента страны, чревато новыми политическими кризисами, подпитываемыми поляризацией общества и традиционной для РК фракционной борьбой.

Список литературы

Асмолов К.В. Конституционный кризис в Республике Корея в 2024 г. Итоги парламентских выборов // Проблемы Дальнего Востока. – 2024. – № 6. – С. 1–13. – DOI: 10.31857/S0131281224060037.

Асмолов К.В. Проблема третьей силы в современной южнокорейской политике // Современные проблемы Корейского полуострова 2022. – Москва : ИКСА РАН, 2022. – С. 124–142. – DOI: 10.48647/IFES.2022.69.64.014.

Асмолов К.В., Соловьёв А.В. Что воля, что неволя (народа) // Россия в глобальной политике. – 2025. – Т. 23, № 4. – С. 89–101. – DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-4-89-101.

Булычев Г.Б. Политические системы государств Корейского полуострова. – Москва : МГИМО МИД России. Кафедра востоковедения, 2002. – 166 с.

Захарова Л.В. Американо-китайское технологическое противостояние как вызов внешнеэкономической стратегии Республики Корея // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 5. – С. 36–43. – DOI: 10.31857/S032150750023318-1.

Захарова Л.В. Межкорейские экономические связи после «санкций от 24 мая 2010 г.» // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 3. – С. 101–111.

Иванов А.М., Князев С.Д. Конституционное развитие Республики Кореи: история и современность // Российский юридический журнал. – 2002. – № 4 (36). – С. 136–145.

Карячкин Я.И. Перспективы новой энергетической политики Мун Чжэ Ина // Восточная Азия и изменения глобального миропорядка. – Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2018. – С. 175–182.

Ким Е.У. Особенности парламентаризма в Республике Корея // Власть. –

2024. – Т. 32, № 4–1. – С. 65–78. – DOI: 10.56700/u4478-7355-4637-x.

Кукла М.П. Тенденции и вызовы экономического развития Республики Корея: итоги 2014–2023 гг. // Регионалистика. – 2024. – Т. 11, № 5. – С. 77–95. – DOI: 10.14530/reg.2024.5.77.

Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики. – Владивосток : Издательство Дальневосточного университета. – 2003. – 443 с.

Cho J.E., Hur A. The Perils of South Korean Democracy // Journal of Democracy. – 2025 – Vol. 36, N 2. – P. 38–46. – DOI: 10.1353/jod.2025.a954560.

Ginsburg T. The Constitutional Court and the Judicialization of Korean Politics // ResearchGate. – 2009. – December. – DOI: 10.4324/9780203862841. – URL: https://www.researchgate.net/publication/40716564_The_Constitutional_Court_and_the_Judicialization_of_Korean_Politics (дата обращения: 03.10.2025).

Shin G.-W. South Korea's Democratic Decay // Journal of Democracy. – 2020. – Vol. 31, N 3. – P. 100–114. – DOI: 10.1353/jod.2020.0048.

West J.M., Yoon D.-K. The Constitutional Court of the Republic of Korea: Transforming the Jurisprudence of the Vortex? // The American Journal of Comparative Law. – 1992. – Vol. 40, N 1. – P. 73–119. – DOI: 10.2307/840686.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.01

Prospects for Constitutional Reform in the Republic of Korea in the mid-2020s

Konstantin V. ASMOLOV

PhD (History), Leading Researcher of the Center for Korean Studies
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
Nakhimovsky Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117997
E-mail: asmolov@ifes-ras.ru
ORCID: 0000-0003-1584-2748

Liudmila V. ZAKHAROVA

PhD (Econ.), Academic Secretary, Leading Researcher of the Center for Korean Studies
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
Nakhimovsky Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117997
E-mail: zakharova@ifes-ras.ru
ORCID: 0000-0001-6164-3518

CITATION: Asmolov K.V., Zakharova L.V. (2025). Prospects for Constitutional Reform in the Republic of Korea in the mid-2020s. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 5, pp. 6–24 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.05.01

Received: 15.08.2025.

Revised: 14.10.2025.

ABSTRACT. *Before the 2025 elections in the Republic of Korea (ROK), both leading presidential candidates put forward proposals to amend the electoral block of the country's Constitution. Unlike in previous years, when talk of changing the number of presidential terms was perceived by society as a method of distracting the masses from the real problems of the state, this time the amendment of the Constitution was widely discussed, largely in the context of the political crisis of 2024–2025. The article aims to reveal the reasons for the increased relevance of constitutional reform in the Republic of Korea in the mid-2020s, to compare the options proposed by the main political figures, and to determine the prospects for changing the ROK's Basic Law in the medium and long term. The authors apply historical and comparative research methods. The article concludes that the political crisis of 2024–2025 highlighted a number of problematic elements in the ROK's Constitution, whose electoral bloc no longer meets the demands of the time. However, the Democratic Party, which has come to power, is postponing the revision of the Basic Law, guided by the short-term interests of the political struggle. At the same time, unresolved issues of interaction between the executive and legislative branches of power lay the foundation for new crises, keeping the task of modernizing the country's Constitution on the agenda. Further prospects for introducing amendments with the aim of creating a more stable system of presidential power focused on long-term results will largely depend on the development of the domestic political situation.*

KEYWORDS: *Republic of Korea, presidential elections, constitutional reform, constitutional crisis, party system.*

References

- Asmolov K.V. (2022). The problem of the third force in modern South Korean politics. In: *Modern Problems of the Korean Peninsula* 2022. Moscow, ICCA RAS, pp. 124–142 (in Russian). DOI: 10.48647/IFES.2022.69.64.014.
- Asmolov K.V. (2024). The constitutional crisis in the Republic of Korea in 2024. The results of the parliamentary elections. *Far Eastern Studies*. No. 6, pp. 1–13 (in Russian). DOI: 10.31857/S0131281224060037.
- Asmolov K.V., Solovyov A.V. (2025). What is the will, what is the bondage (of the people). *Rossiya v global'noj politike*. Vol. 23, no. 4, pp. 89–101 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-4-89-101.
- Bulychev G.B. (2002). *Political Systems of the States of the Korean Peninsula*. Moscow: MGIMO University, 166 pp. (in Russian).
- Cho J.E., Hur A. (2025). The Perils of South Korean Democracy. *Journal of Democracy*. Vol. 36, no. 2, pp. 38–46. DOI: 10.1353/jod.2025.a954560.
- Ginsburg T. (2009). The Constitutional Court and the Judicialization of Korean Politics. *ResearchGate*. December. DOI: 10.4324/9780203862841. Available at: https://www.researchgate.net/publication/40716564_The_Constitutional_Court_and_the_Judicialization_of_Korean_Politics, accessed 03.10.2025.
- Ivanov A.M., Knyazev S.D. (2002). Constitutional development of the Republic of Korea: history and modernity. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal*. No. 4 (36), pp. 136–145 (in Russian).
- Karyachkin Ya.I. (2018). Prospects of Moon Jae-in's New Energy Policy. In: *East Asia and Changes in the Global World Order*. Moscow: IRES RAS, pp. 175–182 (in Russian).
- Kim E.U. (2024). Features of parliamentarism in the Republic of Korea. *Vlast'*. Vol. 32, no. 4–1, pp. 65–78 (in Russian). DOI: 10.56700/u4478-7355-4637-x.
- Kukla M.P. (2024). Trends and challenges of the economic development of the Republic of Korea: the results of

2014–2023. *Regionalistica*. Vol. 11, no. 5, pp. 77–95 (in Russian). DOI: 10.14530/reg.2024.5.77.

Shin G.-W. (2020). South Korea's Democratic Decay. *Journal of Democracy*. Vol. 31, no. 3, pp. 100–114. DOI: 10.1353/jod.2020.0048.

Tolstokulakov I.A. (2003). *The Development of the Democratic Process in South Korea During the Sixth Republic*. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 443 pp. (in Russian).

West J.M., Yoon D.-K. (1992). The Constitutional Court of the Republic of

Korea: Transforming the Jurisprudence of the Vortex? *The American Journal of Comparative Law*. Vol. 40, issue 1, pp. 73–119. DOI: 10.2307/840686.

Zakharova L.V. (2016). Inter-Korean economic relations after the “sanctions of May 24, 2010”. *Far Eastern Studies*. No. 3, pp. 101–111 (in Russian).

Zakharova L.V. (2023). The US-Chinese technological confrontation as a challenge to the foreign economic strategy of the Republic of Korea. *Asia and Africa Today*. No. 5, pp. 36–43 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750023318-1.

УДК 324(1*JP)

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.02

Выборы 2025 г. в верхнюю палату японского парламента: уроки для политического мейнстрима

Дмитрий Викторович СТРЕЛЬЦОВ

доктор исторических наук, профессор

МГИМО МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454;

главный научный сотрудник

Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН)

Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-7177-2831

ЦИТИРОВАНИЕ: Стрельцов Д.В. Выборы 2025 г. в верхнюю палату японского парламента: уроки для политического мейнстрима // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 5. С. 25–41.

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.02

Статья поступила в редакцию 18.08.2025.

Исправленный текст представлен 05.10.2025.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются итоги выборов в палату советников японского парламента, состоявшихся 20 июля 2025 г., в ходе которых правящая коалиция Либерально-демократической партии (ЛДП) и «Комэйто» потерпела поражение и оказалась в меньшинстве. Автор подробно рассматривает причины электорального успеха правых оппозиционных партий, существенно потеснивших ЛДП в верхней палате, прежде всего партии «Сансэйто». Помимо плохой экономической ситуации в стране, разочарования избирателей в недостаточных мерах, принимаемых ЛДП по искоренению политической коррупции, а также сокращения электоральной базы «Комэйто», важной причиной стал общий кризис общественного доверия к традиционному политическому ис-

теблишменту Японии, а также резкое усиление антисистемных настроений в японском обществе. Значительный сегмент консервативного электората качнулся в сторону политической альтернативы, представленной популистскими партиями – «Сансэйто» и Демократической партии для народа (ДПН). Эти партии нашли новый и очень эффективный инструмент воздействия на массы – социальные сети и стриминговые каналы, с помощью которых им удалось мобилизовать на выборы «плавающие голоса» консервативных избирателей. Таким образом, неудаче ЛДП и «Комэйто», а также успехам оппозиционных партий способствовал всплеск общественного интереса к выборам на фоне широкого общественного недовольства действующей властью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: выборы в палату советников, социальные сети, партия «Сансэйто», парламентская оппозиция, консервативный протест, электоральный выбор.

2025 год стартовал в Японии в сложной для правящей коалиции обстановке. Либерально-демократическая партия так и не смогла оправиться от разразившегося в конце 2023 г. скандала вокруг злоупотреблений политическими фондами. В октябре 2024 г. она потерпела сокрушительное поражение на выборах в нижнюю палату, в результате которых правящая коалиция потеряла там большинство [Стрельцов, 2024].

Популярность кабинета Исибы продолжала падать с самого момента формирования правительства и достигла в середине мая 2025 г., согласно опросу агентства «Дзидзи Пресс», катастрофически низкой отметки в 20,9%¹. Откровенно плохо выступила ЛДП на выборах 13 июня в законодательное собрание Токио, которые считаются «лакусовой бумажкой» общенациональных выборов: партия потеряла там 9 мест.

Выборы в палату советников (верхнюю палату), намеченные на июль 2025 г., должны были дать ответ на ряд ключевых вопросов. Удастся ли правящей партии успешно провести предвыборную кампанию? Удержит ли коалиция ЛДП и «Комэйто» в результате выборов большинство в верхней палате? А если этого сделать не удастся, приведут ли выборы к смене власти и формированию правительства без ЛДП? Иными словами, речь шла о судьбе самой системы правления доминантной партии, которая, хотя и с некоторыми модификациями и перерывами, сохра-

няется в Японии после окончания холодной войны.

На выборах в палату советников переизбранию подлежала половина списочного состава этой палаты – 125 из 248 мест. Выборы в нее проходят один раз в 3 года, а срок полномочий депутатов составляет 6 лет. При этом верхняя палата, в отличие от нижней, не подвержена роспуску, то есть положение депутатского корпуса в ней гораздо более стабильно и не зависит от политической конъюнктуры.

Выборы в верхнюю палату значимы не только потому, что наряду с нижней она играет важнейшую роль в законодательном процессе, – без ее одобрения ни один законопроект, за исключением бюджетного, не может стать законом, а преодолеть ее вето может лишь квалифицированное большинство в нижней палате. Важно и то, что от результатов этих выборов нередко зависит судьба политической власти как таковой. Стоит вспомнить, что в истории Японии было немало случаев, когда неудача на них приводила к отставке правительства и смещению премьера. Так, например, было в 1989 г. (когда пало правительство Сосукэ Уно), в 1998 г. (отставка кабинета Рютаро Хасимото), в 2007 г. (падение кабинета Синдзо Абэ). Поражение на июльских выборах стало бы для ЛДП второй неудачей подряд, что неизбежно поставило бы вопрос о смене премьера Сигэру Исиба, а в худшем для ЛДП случае могло бы привести не только к отставке правительства, но и к приходу к власти коалиции партий оппозиции без участия ЛДП.

Для партии власти задача-минимум заключалась в том, чтобы сохранить в верхней палате простое большинство, что давало бы ей возможность блоки-

¹ Ishiba Cabinet approval falls to 20.9% in new poll // The Japan Times. – 2025. – May 22. – URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2025/05/22/japan/politics/japan-pm-ishiba-support-rate-record-low/> (дата обращения: 17.08.2025).

ровать законодательные инициативы оппозиции. Для этого правящая коалиция должна была получить как минимум 50 мест. С учетом того, что в верхней палате у нее сохраняется до 2028 г. еще 75 мест, полученных на предыдущих выборах 2022 г., это обеспечило бы ее на ближайшие 3 года простым большинством (125 мест из 248).

Помимо ЛДП, в верхней палате в начале 2025 г. было представлено сразу несколько партий консервативного толка. К их числу относятся, в частности, правоцентристские Партия обновления Японии (*Ниппон исин-но кай*, сокр. «Исин») и Демократическая партия для народа, имевшие там солидное представительство («Исин» – 18 мест и ДПН – 9), а также ультраправая партия «Сансэйто», представленная в палате советников двумя местами. Несмотря на «идейную близость», каждая из этих партий дорожит собственным брендом, позиционирует себя в качестве «истинного защитника» интересов Японии на фоне «коррупцированной» и «загнивающей» власти и активно критикует ЛДП за допущенные ею ошибки.

Особенность выборов 2025 г. заключалась в том, что для разочарованных в партии власти консервативно мыслящих избирателей, доля которых в последние годы существенно выросла, эти партии создавали определенные альтернативы, которых не наблюдалось ранее, когда критические настроения в отношении ЛДП еще не достигли такого уровня. Интрига, таким образом, заключалась в том, какие именно партии станут бенефициарами «консервативного протеста». И хотя смена власти в стране с самого начала представлялась нереалистичной, появление

в парламенте более мощной оппозиции означало бы, что правящей коалиции придется в гораздо большей степени считаться с ней при выдвижении законодательных инициатив.

На протяжении нескольких десятилетий одной из ключевых характеристик электоральной ситуации в Японии является высокий уровень абсентеизма, достигавший в 2010–2020-е годы отметки 40%. Неявка на выборы была яркой, хотя и не единственной, формой протеста против действующей власти. По итогам одного из опросов, проведенного в ходе выборов 2024 г. в нижнюю палату, избиратели, не явившиеся на выборы, выбрали следующие (в порядке приоритета) варианты ответов о причинах своего решения (можно было обозначить несколько вариантов ответа): «отсутствие достойного кандидата или партии» (28,6%), «отсутствие интереса к выборам» (26,3%), «отсутствие изменений к лучшему в политике по итогам выборов» (18,6%), «от того, проголосую я или нет, ничего не изменится» (12,5%)².

Таким образом, помимо традиционной аполитичности, лежащей в основе такого электорального поведения, важнейшим мотивом неявки на выборы является отсутствие в глазах многих избирателей заслуживающей доверия альтернативы партии власти. Многие японцы крайне критически оценивают итоги правления в 2009–2012 гг. Демократической партии, сменившей либерал-демократов у руля правления, и повторение этого «провального» опыта кажется им еще большим злом, чем несменяемая власть пусть неидеальной, но зато предсказуемой ЛДП. Поэтому свой протест против нее многие избиратели пред-

2 Краткий результат общенационального исследования общественного мнения о 50-х выборах в палату представителей. Март 2025 г. = 第50回衆議院議員総選挙全国意識調査—調査結果の概要. 令和7年3月// Общество по продвижению открытых выборов = 明るい選挙推進協会. – 2018. – С. 37. – Япон. яз. – URL: <https://www.akaruisenkyo.or.jp/wp/wp-content/uploads/2018/07/50syuishikichosa.pdf> (дата обращения: 17.08.2025).

почитали выражать «ногами», то есть не голосовать за другую партию, а вообще не приходить на избирательные участки [Стрельцов, 2021, с. 19].

У ЛДП имеется определенный сегмент «твердых голосов», сформированный теми избирателями, которые лояльно голосуют за партию власти вне зависимости от политической конъюнктуры. Неопределенность, определяющая исход выборов, заключается (и на выборах 2025 г. в частности) в том, какая часть отвернувшихся от ЛДП «плавающих голосов» (избирателей, которые меняют свои предпочтения от выборов к выборам) останется дома, а какая часть проголосует за альтернативную ЛДП партию. Объективно абсентеизм в сложившихся неблагоприятных для имиджа партии власти обстоятельствах был бы на пользу ЛДП, тогда как рост электоральной активности «консервативных» избирателей – на пользу ее соперников, играющих на одинаковом с ней электоральном поле. Элемент непредсказуемости выборов увеличивался в связи с тем, что партнер ЛДП по коалиции партия «Комэйто» переживает длительный кризис, связанный с постарением и сокращением электоральной базы, отсутствием смены поколений в рядах ее сторонников. Таким образом, полагаться на поддержку «Комэйто» в той же степени, как это было раньше, ЛДП уже не может.

Предвыборная кампания: упор на эмоционально окрашенные нарративы

17-дневная избирательная кампания была сосредоточена преимущественно на внутренних экономических проблемах. На 1-м месте в предвыборной повестке была инфляция, за ней

следовали вопросы социального обеспечения и медицины, а также общие опасения по поводу состояния экономики. По мере приближения дня выборов новыми темами предвыборных дебатов стали вопросы иммиграции и тарифов США на японский экспорт.

Социально-экономическая ситуация в стране не способствовала успеху правящей коалиции. Опрос, проведенный перед выборами, показал, что почти 60% избирателей считают экономику и стоимость жизни своими главными проблемами, а национальную безопасность или внешнюю политику назвали лишь 14% [Purnendra, 2025]. Основная часть избирателей ощущала на себе последствия рецессии, вина за которую напрямую возлагалась на правительство. Зарплаты не поспевают за ростом цен на основные потребительские товары, а инфляция ведет к снижению уровня жизни. Согласно базовому исследованию условий жизни населения, опубликованному Министерством здравоохранения 4 июля 2025 г., 58,9% домохозяйств считали свое положение «тяжелым», а 28,0% домохозяйств – «очень тяжелым», причем ситуация почти не изменилась в лучшую сторону с 2023 г.³

На общий негативный фон наложилось то, что в 2025 г. в Японии был собран плохой урожай риса, что привело к его резкому подорожанию (по некоторым оценкам, вдвое за год). Поскольку рис является традиционным продуктом питания, рост розничных цен, связанный с чрезмерно сложной системой распределения и иными логистическими проблемами, вызвал в стране массовое недовольство действиями центрального правительства. Страсти накалились также после того, как министр сельского хозяйства Таку Это за-

³ 60% of Japanese households struggling to make ends meet // Asahi Shimbun. – 2025. – July 5. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15886644> (дата обращения: 17.08.2025).

явил о том, что ему никогда не приходилось покупать рис самому, поскольку его избиратели дарили ему достаточно много зерна⁴. Премьер Исиба, пытаясь погасить скандал, немедленно отстранил его от должности и назначил на нее председателя Комитета ЛДП по выборам – популярного Синдзиро Коидзуми. И хотя новый министр распорядился об экстренной выдаче к выборам риса из государственных резервов с целью пополнить запасы на полках продовольственных магазинов⁵, проблему низкой популярности правительства это не решило. Не сыграло в пользу партии власти и обещание единовременной выплаты каждому гражданину страны 20 тыс. иен (около 135 долл. США) в качестве компенсации за инфляцию⁶: в обществе оно было воспринято как абсолютно недостаточная мера. Гораздо больший резонанс получили предложенные оппозицией альтернативные меры, связанные со снижением потребительского налога, однако правительство их решительно отвергло, указав на огромный бюджетный дефицит.

Дополнительным фактором напряженности стало объявленное президентом Д. Трампом введение с 1 августа 25%-х таможенных пошлин на импорт из Японии. Поскольку американский рынок по-прежнему крайне важен для японской экономики, это вызвало массовые панические настроения. Несмотря на многочисленные дипломатические инициативы, Токио не смог добиться льгот или преференциального режима, что поставило под сомнение компетентность японских переговорщиков. И хотя Д. Трамп в конце концов пошел на уступку, снизив тариф

до 15%, пессимистические настроения в Японии это не снизило, так как даже этот уровень пошлин больно ударяет по японскому экспорту.

Кроме того, на предвыборной повестке появился новый, очень неприятный для правительства пункт, связанный с иммиграцией. Количество постоянно проживающих иностранцев за последние годы существенно увеличилось, достигнув отметки 3,77 млн чел. (около 2% населения страны). Только в 2024 г. Япония приняла почти 360 тыс. новых иностранных резидентов [Rehm, 2025]. Проблемы иммиграции впервые заняли непропорционально большое место в предвыборной кампании практически всех политических партий.

В ходе своей предвыборной кампании правящая Либерально-демократическая партия апеллировала в первую очередь к обострившейся для Японии ситуации в сфере военной безопасности, связанной, по мнению ее руководства, с прямыми военными угрозами со стороны России и КНДР. В большинстве своих предвыборных выступлений ее кандидаты начинали с темы «вторжения России на Украину» и участия Северной Кореи в украинском конфликте и только потом переходили к насущным для большинства избирателей вопросам их повседневной жизни.

Другой важной частью предвыборной повестки, предложенной ЛДП, стал тезис о недопустимости допуска к власти незрелых политиков из оппозиционных партий, способных «наломать дров». Как говорили кандидаты от ЛДП, в нынешней сложной и напряженной международно-политической обстановке власть менять крайне

4 Farm minister resigns amid rice scandal, but anger remains // Asahi Shimbun. – 2025. – May 21. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15781282> (дата обращения: 17.08.2025).

5 Has Japan's 'Rice Minister' Brought Down Prices Enough to Save His Party? // The New York Times. – 2025. – July 17. – URL: <https://www.nytimes.com/2025/07/17/business/japan-election-rice-koizumi.html> (дата обращения: 17.08.2025).

6 Ruling bloc includes 20,000 yen handouts in election pledge // Asahi Shimbun. – 2025. – June 12. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15837788> (дата обращения: 17.08.2025).

опасно и, вообще, «коней на переправе не меняют». В риторике ЛДП активно использовались аргументы о том, что безответственная оппозиция выдвигает заведомо невыполнимые популистские лозунги (например, снизить или отменить потребительский налог), реализация которых ввергнет страну в пучину еще более острого экономического кризиса. Главный пафос избирательной кампании ЛДП, таким образом, фактически сводился к отрицательной мотивации избирателей: в современном опасном мире доверить управление страной можно только партии власти.

В свою очередь, оппозиция критиковала ЛДП по тем же направлениям, что и на предыдущих выборах 2024 г. Прежде всего, это скандал вокруг злоупотреблений политическими фондами, а также сохраняющиеся в обществе подозрения относительно связей партии с Церковью объединения, вскрывшихся после убийства бывшего премьер-министра Синдзо Абэ в 2022 г. И хотя Церковь была в судебном порядке лишена незадолго до выборов статуса религиозной организации⁷, это не спасало уже серьезно подорванную репутацию партии власти.

Кроме того, оппозиция пыталась использовать укрепившееся в стране недовольство экономическим положением, которое она связывала с провальной дельностью Кабинета министров. Особый упор был сделан на случившееся по вине правительства серьезное ослабление иены, которое снижает покупательную способность японцев, так как импортные продукты питания крайне важны для их потребительской корзины.

Особенно обращала на себя внимание активность оппозиционных партий

правой части политического спектра – Демократической партии для народа, Партии обновления («Исин»), а также молодых ультраправых партий – «Сансэйто» и Консервативной партии. Предложенная ими консервативная повестка включала вопросы гендерного равенства, социальных меньшинств и многообразия, по отношению к которым ультраправые активно критиковали правительство за «ничегонеделание» и напирала на необходимость возврата к традиционным ценностям.

Консервативные партии оппозиции не устояли перед соблазном использовать в своей риторике откровенно ксенофобскую идею о том, что «во всём виноваты иностранцы», нашедшую широкий отклик среди молодых избирателей, особенно мужчин. Типичный набор аргументов в электоральной агитации правых заключался в том, что иностранные работники отбирают у японцев их рабочие места, а их наплыв в страну негативно сказывается на заработной плате японских рабочих, что иностранцы получают значительную долю социальных пособий, не уважают японскую культуру, совершают различные правонарушения и делают японское общество небезопасным. Кроме того, большое раздражение среди консервативных слоев японского электората стала вызывать активная скупка нерезидентами (и прежде всего китайцами) недвижимости, которую они отказываются сдавать в аренду японцам, предпочитая своих соотечественников. Другим сильным «ирритантом» стали богатые китайские туристы, заполнившие дорогие бутики на Гиндзе, на фоне которых «обнищавшие» японцы себя чувствуют людьми второго сорта.

С наиболее радикальной повесткой выступила молодая праворадикальная

7 Tokyo court strips Unification Church of religious corporation status // The Japan Times. – 2025. – March 25. – URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2025/03/25/japan/crime-legal/unification-church-court-order/> (дата обращения: 17.08.2025).

и ультранационалистическая партия «Сансэйто» (яп. 参政党, букв. «Партия участия в политике»), вышедшая на выборы под лозунгом «Японцы прежде всего!». Ее популярность в преддверии выборов стремительно росла.

Партию основал в 2020 г. бывший служащий супермаркета 47-летний Сомэй Камия. Ранее у него был опыт неудачного баллотирования в нижнюю палату парламента от ЛДП и в префектуральное законодательное собрание Осаки в качестве независимого кандидата. В связи с антииммигрантскими взглядами за Камия закрепилось прозвище «японский Трамп». В 2022 г. он впервые прошел в парламент от собственной партии по пропорциональному списку.

Электоральные инструменты «Сансэйто» в основном сводились к агитации через социальные сети и *YouTube*, в противоположность другим партиям, которые больше опирались на более традиционные медиа, прежде всего на газеты и телевидение. Визитной карточкой партии стал канал в *YouTube* CGS (*Channel Grand Strategy*), в котором транслируются лекции по проблемам истории (так называемые уроки истории), записанные известными историками правого толка.

Первоначально партия привлекала внимание избирателей после пандемии COVID-19 пропагандой антииммигрантских и антипрививочных теорий. Активно продвигает партия и идею о том, что в стране разрушены традиционные ценности и предано забвению славное историческое прошлое. В «Книге Сансэйто», содержащей базовые программные установки партии, выражается сомнение

в том, что Япония остается подлинно независимой страной, так как ее Конституция игнорирует историческое прошлое страны и основывается на идеологии оккупировавшего ее государства [Книга Сансэйто, 2024, с. 5]. В числе политических целей партии в Книге указывается противостояние «чрезмерному глобализму», борьба с «курсом на продвижение ЛГБТ-сообщества», «формирование правильного понимания истории», которое требует «создания системы изучения национальной истории и мифологии» [Книга Сансэйто, 2024, с. 6]. Любовь к императору, патриотизм, уважение к национальной истории признаются главными атрибутами национального характера японцев. Показательным был предвыборный постер партии «Ниппон-о коवासуна!» («Не разрушай Японию!»), который представлял кандидатов от «Сансэйто» как прямых потомков камикадзе.

Партия, кроме того, активно пропагандирует возврат к традиционным семейным ценностям, касающимся положения женщин в семье и обществе. Например, С. Камия назвал политику, продвигающую гендерное равенство в обществе, большой ошибкой и призвал женщин рожать детей в более раннем возрасте, заявив, что «женщины старших возрастов рожать детей не могут»⁸.

В предложенном «Сансэйто» проекте «Новой японской конституции»⁹ Япония позиционируется как «государство, которым император управляет в единстве с народом» (ст. 1). Японцы должны посвятить себя выращиванию риса как основного продукта питания (ст. 10). СМИ, согласно данному проекту, обязаны «беспристрастно и спра-

8 Sanseito, DPP sharply increase their presence in Upper House // The Asahi Shimbun. – 2025. – July 21. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15918632> (дата обращения: 17.08.2025).

9 Новая конституция Японии. Проект партии Сансэйто. 2020 = 参政党が創る新日本憲法（構想案） – 2020. – Япон. яз. – URL: https://sanseito.jp/new_japanese_constitution/ (дата обращения: 17.08.2025).

Рисунок 1. Предвыборный плакат партии «Сансэйто»

Figure 1. Sanseito party election poster

Источник: сайт партии «Сансэйто». – Япон. яз. – URL: <https://sanseito.jp/news/n3158/> (дата обращения: 17.08.2025).

ведливо освещать политику государства» (п. 2 ст. 16). Японцы-родители и принятие японского языка как родного являются условиями принадлежности к категории граждан Японии, как и «стремление любить Японию» (*ниппон-о тайсэцу-ни суру кокоро*) (ст. 5), что можно оценить как повод для лишения гражданства тех японцев, кто признан «недостаточно патриотичным». В проекте (п. 4 ст. 9) содержится призыв соблюдать Императорский указ об образовании 1890 г., который проповедовал преданность императору как

центральную идею образования и воспитания, став в милитаристской Японии основой национальной идеологии.

В экономической сфере программа «Сансэйто» в числе прочего призывает к снижению налогов и увеличению фискальных расходов государства для стимулирования экономического развития. Предвыборные обещания партии также включают обязательство обязать неизлечимо больных пациентов самостоятельно оплачивать все медицинские расходы на продлевающее их жизнь лечение.

Рост числа мигрантов, увеличение числа сделок иностранцев с недвижимостью, космополитизация культуры и иные проявления глобализма преподносятся не просто как проблемы, порожденные неправильным курсом правительства, но как прямые угрозы культурному суверенитету. В связи с этим особое место в предвыборной программе партии занимают антииммигрантские мероприятия. «Сансэйто» предложила создать новое агентство для централизации политики в отношении иностранцев, ужесточить процедуры отбора для получения японского гражданства, исключить лиц, не являющихся гражданами Японии, из системы социального обеспечения, обязать находящихся в Японии иностранцев строго соблюдать культурные нормы.

Во внешней политике партия выступает за превращение союза с США в равноправный альянс, создание собственного военного потенциала для защиты страны, «освобождение от слепого следования решениям ООН и других международных организаций, созданных победителями в войне» [Книга Сансэйто, 2024, с. 8]. Одна из брендовых фигур партии, 43-летняя джазовая певица Сая, которая была в свое время одной из «девушек Тамогами» – членом группы поддержки генерала Тосио Тамогами, отстраненного от должности за ультраправые заявления, – включила в свою предвыборную программу лозунг «Ядерное вооружение – это самый дешевый вариант»¹⁰.

В целом политическая программа «Сансэйто» не очень соответствовала критериям полноценной политической платформы. Скорее, это был набор эмоционально заряженных нарративов, которые находят отклик у консер-

вативно мыслящих и экономически незащищенных слоев электората. Главный адресат предвыборных меседжей «Сансэйто» составили низы среднего класса, в основном молодые мужчины, которые недовольны своим нынешним социально-экономическим положением и пессимистически оценивают собственные перспективы при нынешней власти, к которой они относятся крайне критически.

На фоне усиления антииммигрантских настроений в Японии свою позицию по вопросам миграции были вынуждены обозначить практически все политические партии. Стоит отметить, что правящая партия всегда старалась найти баланс между интересами бизнеса, демонстрируя свою готовность поддерживать контролируемую трудовую миграцию в условиях дефицита рабочей силы в стране, и давлением со стороны консервативных слоев общества, озвученным правыми партиями. Хотя после своего избрания на пост председателя партии С. Исиба продолжал в политических документах признавать роль иностранных рабочих для экономики и необходимость гармоничного сосуществования с ними, ЛДП старалась не педалировать тему миграции, стремясь успокоить центристов и более умеренные группы внутри партии, а также избежать критики со стороны либеральных оппозиционных партий по вопросам предоставления убежища и интеграции. Теперь же, отвечая на новый общественный запрос, ЛДП пообещала бороться с ростом нелегального трудоустройства иностранцев под лозунгом «Ноль нелегальных иммигрантов» и не допускать невыплат ими взносов по социальному страхованию, а также объявила о создании нового командного центра в Секретари-

10 Rise of a populist party in national politics: Kamiya and Sanseito // The Asahi Shimbun. – 2025. – August 7. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15954818> (дата обращения: 17.08.2025).

ате Кабинета министров для решения этой проблемы [Rehm, 2025]. В свою очередь, правоцентристская Демократическая партия для народа призвала к ограничению владением недвижимостью иностранцами в Японии. И лишь левоцентристская Конституционно-демократическая партия Японии (КДП), которая является наиболее крупной оппозиционной силой в парламенте, призвала к принятию законодательства, направленного на создание «общества многокультурного сосуществования».

Результаты выборов: поражение правящей коалиции

Очередные выборы в верхнюю палату японского парламента (палату советников) состоялись 20 июля 2025 г. Переизбирался блок из 125 депутатских мандатов. ЛДП удалось получить лишь 39 мест (52 – до выборов), ее партнеру по коалиции партии «Комэйто» – 8 мест (14 – до выборов). Таким образом, правящая коалиция, потеряв 19 мест, теперь с учетом мандатов, не подлежащих переизбранию, оказалась в верхней палате в меньшинстве (122 места из 248).

Голосование на выборах осуществляется двумя бюллетенями – за партию по представленным ею спискам кандидатов (в общенациональном округе пропорционального представительства, ОПП) и за конкретного кандидата, как правило (но не обязательно), представляющего отдельную партию или блок (в префектуральных округах). Голосование за партию очень показательно, так как наглядно демонстрирует политические предпочтения японцев. В целом больше половины

японцев, пришедших проголосовать против правящей коалиции, отдали свои голоса за партии правого спектра, которые получили там 27 мандатов из 50: Демократическая партия для народа завоевала 7 мест, «Сансэйто» – 7, «Исин» – 4, ультраправая Консервативная партия – 2. Проиграла левая оппозиция и в префектуральных округах (еще 75 мест). Кандидаты от Конституционно-демократической партии победили там лишь в 15 округах, еще в одном победил коммунист, прошли в парламент также несколько «независимых» оппозиционных депутатов, поддержанных левыми. В то же время правые партии оппозиции получили здесь 21 место. В целом же правые партии оппозиции существенно расширили свое присутствие в верхней палате, но не за счет снижения представительства левых партий (оно сократилось только у Коммунистической партии Японии – с 11 до 7 мандатов), а за счет партии власти¹¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что явка избирателей была заметно более высокой, чем обычно (впервые за 15 лет она превысила 55%-й порог), и составила 58,5%, что на 6,5 п. п. больше, чем на предыдущих выборах в верхнюю палату 2022 г. Рекордом стал масштаб досрочного голосования: 26 млн голосов, что на 33% больше, чем в 2022 г.¹²

В оппозиционном лагере наибольшей сенсацией стал успех «Сансэйто»: она получила 14 мест и имеет теперь 15 мандатов в верхней палате, став там 4-й по величине партией. Партия получила 7 мест в префектуральных избирательных округах, включая префектуры Токио, Осака, Айти и Фукуока,

11 Выборы в палату советников. 2025 = 参院選 2025 // NHK. – Япон. яз. – URL: <https://www.nhk.or.jp/senkyo/database/sangi-in/> (дата обращения: 17.08.2025).

12 Japan's Upper House Election: Prolonged Instability // Center for Strategic and International Studies. – 2025. – July 21. – URL: <https://www.csis.org/analysis/japans-upper-house-election-prolonged-instability> (дата обращения: 17.08.2025).

и 7 мест в общенациональном округе. По спискам за нее проголосовало около 7,43 млн избирателей (12,5% от общего числа принявших участие) – это больше, чем за Конституционно-демократическую партию¹³.

В результате выборов состав оппозиции в верхней палате дифференцировался. Появление там сразу нескольких партийных фракций, представляющих правые силы, свидетельствует о возросшей фрагментации политического ландшафта в стране.

Электоральному поражению коалиции ЛДП – «Комэйто» способствовало несколько факторов. Во-первых, ЛДП не смогла полностью очиститься от того негатива, который в глазах общественного мнения ассоциировался с партией в результате скандалов с политическими фондами и Церковью объединения. И хотя эти скандалы больше не доминировали в заголовках новостей, они продолжали бросать тень на ЛДП и подрывать доверие к правительству. Это лишний раз подтвердил проведенный в начале июля 2025 г. опрос агентства *Kyodo News* об отношении к политическим партиям в связи с началом избирательной кампании: 57,1% респондентов назвали тему скандала с политическими фондами «существенной»¹⁴. Попытки ЛДП реабилитироваться в глазах избирателей путем роспуска фракций и ужесточения закона о политических пожертвованиях, таким образом, к ожидаемым результатам не привели.

Во-вторых, на выборы сильно подействовала плохая экономическая ситуация в стране. Правительство Исибы не смогло справиться с растущим

общественным недовольством экономикой и ростом цен, особенно на рис и другие основные продукты питания. Предложение правительства выплатить компенсацию в 20 тыс. иен большого отклика не нашло, тогда как гораздо более популярными оказались альтернативные программы оппозиционных партий, выступивших за снижение потребительского налога.

В-третьих, откровенно плохо выступила на выборах партнер ЛДП по правящей коалиции партия «Комэйто». Выборы продемонстрировали, что электоральная база партии, связанная с сектой «Сока Гаккай», постепенно сокращается в силу старения и отсутствия притока свежих сил.

В-четвертых, идет активный процесс ослабления базы поддержки самой правящей партии. «Сансэйто» удалось привлечь часть разочаровавшихся в партии власти консервативных избирателей своим лозунгом «Японцы прежде всего!» и популистской националистической риторикой, которая, помимо иностранцев, была направлена и против истеблишмента. Например, в одномандатных округах уровень поддержки ЛДП, по данным экзит-поллов, составил на выборах 30%, тогда как на предыдущих выборах 2022 г. – 49%. При этом экзитполы зафиксировали и статистически значимое увеличение числа сторонников ЛДП, которые проголосовали за кандидатов «Сансэйто», составившее 5%¹⁵.

По данным экзитполов, за «Сансэйто» в пропорциональном округе голосовали в основном мужчины (60% от голосовавших за партию в пропорциональном округе), окончившие школу

13 Выборы в палату советников 2025 г. = 参院選 2025 // NHK. – Япон. яз. – URL: <https://www.nhk.or.jp/senkyo/database/sangi-in/00/hsm12.html> (дата обращения: 17.08.2025).

14 More voters favor opposition candidates in upper house race survey // Kyodo news. – 2025. – July 06. – URL: <https://english.kyodonews.net/articles/-/56787> (дата обращения: 17.08.2025).

15 LDP's support base thinning, independent votes eroded // The Asahi Shimbun. – 2025. – July 21. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15918010> (дата обращения: 17.08.2025).

в «ледниковый период» занятости (период 1990-х годов, когда Япония погрузилась в пучину экономической депрессии, что привело к резкому сокращению найма постоянных работников)¹⁶. Согласно опросу газеты «Асахи», проведенному сразу после выборов, предложенную «Сансэйто» политику «Японцы прежде всего!» поддержали 55% респондентов мужчин и только 42% женщин. При этом процент одобрявших был существенно выше среди молодежи: 71% респондентов в возрасте 18–29 лет против 29% респондентов старше 70 лет. Более 70% мужчин в возрасте 30 лет и моложе заявили, что приветствуют электоральные успехи партии¹⁷.

Стремительный подъем партии «Сансэйто» примечателен не только количеством полученных ею мест, но и тем, что она олицетворяет явный отход крупных сегментов электората от традиционной партийной политики. Многим избирателям импонировало то, что «Сансэйто» децентрализована и активно использует Интернет, что привлекло к ней молодых и среднего возраста избирателей, разочарованных в «традиционных» партиях. Рост популярности «Сансэйто», таким образом, продемонстрировал масштабную трансформацию электорального ландшафта Японии, в котором всё более отчетливо проступает популистский подтекст, вовремя не оцененный ни ЛДП, ни партиями левого фланга. Сдвиг в настроениях избирателей консервативных убеждений, наблюдавшийся в течение нескольких избирательных циклов, особенно углубился за последние полтора года при премьерстве Ф. Кисиды и С. Исибы. «Сансэйто»

и Демократическая партия для народа, отвечая на общественный запрос на альтернативу «традиционным» партиям – ЛДП и КДП, смогли найти ключ к их сердцам, делая это не на рациональном, а на эмоциональном уровне.

Социальные сети: новый инструмент электоральной политики?

Популистские партии нашли новый и очень эффективный инструмент воздействия на массы – социальные сети и стриминговые каналы. Например, главным источником информации для сторонников «Сансэйто» стали социальные сети: 73% проголосовавших за партию в пропорциональном округе заявили, что на них повлияли посты в социальных сетях, а также сайты обмена видеороликами. Этот процент был существенно выше, чем среди сторонников любой другой политической партии¹⁸. Это позволило партии успешно конкурировать с традиционными медиаканалами, мобилизуя на выборы с их помощью «плавающие голоса» избирателей, которые при ином развитии событий остались бы дома. Именно с их помощью им удалось обеспечить гораздо более высокий уровень явки, чем это было в предыдущие годы. Таким образом, неудаче ЛДП и «Комэйто» и успехам оппозиционных партий способствовал всплеск общественного интереса к выборам на фоне широкого общественного недовольства действующей властью.

С периода становления «системы 1955 г.» считается, что главным залогом успеха кандидата на выборах являются

16 Sanseito, DPP sharply increase their presence in Upper House // The Asahi Shimbun. – 2025. – July 21. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15918632> (дата обращения: 17.08.2025).

17 Poll: 48% of voters say 'Japanese First' works for them. The Asahi Shimbun, July 28, 2025. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15932679> (дата обращения: 17.08.2025).

18 Sanseito, DPP sharply increase their presence in Upper House. The Asahi Shimbun, July 21, 2025. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15918632> (дата обращения: 17.08.2025).

три *бан*: *дзибан* (связи в местной общине), *кабан* («портфель» – сумка, набитая деньгами) и *камбан* («вывеска» – степень известности и узнаваемости) [Scar-tozzi, 2017]. Эти три условия отражают высокий уровень барьера для новичков, пытающихся пробиться в парламент, так как соблюсти все три оказывается практически невозможным. Однако появившиеся с распространением Интернета социальные сети стали в последние годы важным инструментом, позволяющим новичкам обойти все эти барьеры, проводя с их помощью так называемую партизанскую предвыборную кампанию [Taniguchi, 2025].

Важно и то, что в городской среде политическая социализация индивида, который оказывается вне сферы влияния каких-либо профессиональных или потребительских структур, профсоюзов, религиозных и иных объединений, служащих институциональной опорой для политических партий, проходит спонтанно и непредсказуемо. Подобные объединения обладают важной функцией – способностью обращать взор индивидуума на вопросы политики и общественной жизни. Поскольку разрозненных индивидуумов, не связанных с такими объединениями, становится в Японии всё больше, их функции постепенно переходят к интернет-сообществам, которые всё активнее формируют отношение к политике, воздействуя на электоральное поведение избирателей. Интернет и особенно социальные сети, таким образом, демонстрируют способность объединять людей в сообщества и создают эффект участия в политической жизни тех избирателей, которые иначе бы ощущали себя «вне политики».

Социальные сети служат платформой для прямых обращений кандидата

к избирателям, трансляции электоральных мероприятий, единения со своими сторонниками и реализации иных других целей, позволяя «донести» выборы до избирателей. Особенно эффективно этот инструмент действует в отношении тех избирателей, которые не удовлетворены своим нынешним положением, не доверяют СМИ, чувствуют себя изгоями и возлагают вину за свои неудачи на экономический и политический истеблишмент. Их электоральный выбор определяется видеороликами и материалами в соцсетях, публикуемыми кандидатами-блогерами и иными онлайн-инфлюенсерами. Особенно важен эффект личного участия избирателей в формировании нарративов вокруг политических проблем, ставших предметом электоральной борьбы. Как отмечала Т. Невская, в отличие от традиционных СМИ, где роль аудитории сводится к пассивному потреблению информации, в социальных сетях «пользователи активно вступают в диалог с создателем месседжа, а также ведут обсуждение предложенного им контента между собой» [Невская, 2018, с. 36]. Как представляется, это позволяет им ощутить себя полноценными участниками электорального процесса.

По этой причине социальные сети вышли за рамки технологии коммуникации, всё более превращаясь в мощное средство электоральной политики, способное влиять на исход выборов. Например, на выборах губернатора префектуры Хёго в ноябре 2024 г. использование социальных сетей позволило обеспечить переизбрание Мотохико Сайто, который ранее был отстранен от должности префектуральным законодательным собранием после обвинений в коррупции и притеснениях своих критиков¹⁹.

19 Saito leverages social media to reclaim Hyogo governor's post // The Asahi Shimbun. – 2024. – November 18. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15513092> (дата обращения: 17.08.2025).

Согласно опросу 2025 г., социальные сети были основным источником информации для 10,9% опрошенных, а наиболее распространенным способом получения респондентами новостей о политике или выборах было телевидение (46,5%), за которым следовали новостные сайты (17,8%) и печатные газеты и журналы (16,0%)²⁰. И хотя это кажется невысоким уровнем, стоит учитывать поколенческие аспекты проблемы распространения электоральной информации. Согласно данным опроса Общества поддержки честных выборов, проведенного во время выборов 2024 г. в палату представителей, в качестве источника политических сведений пожилые люди были склонны выбирать газеты, люди среднего возраста – телевидение, а молодежь – Интернет [Taniguchi, 2025]. В связи с этим можно прогнозировать, что роль Интернета вообще и социальных сетей в частности как источника информации для избирателей будет с течением времени неизбежно возрастать.

* * *

В результате выборов 2024 и 2025 гг. правящая коалиция во главе с ЛДП потеряла большинство в обеих палатах парламента. Однако, в отличие от сокрушительного поражения 2009 г., результат оказался для нее не настолько серьезным, чтобы поставить под угрозу ее правление. Коалиция ЛДП – «Комэйто» осталась у власти, так как никакой действенной альтернативы результаты выборов не создали. Однако фактический провал «электоральной машины» «Комэйто» говорил о том, что ЛДП придется, не отказываясь от ее партнерства, гораздо более активно искать себе нового партнера по коалиции.

Итоги выборов свидетельствуют о том, что ЛДП утрачивает популярность среди части консервативных избирателей, которые голосовали на прошедших выборах за правых популистов. Более заметным в верхней палате стало представительство «новых» оппозиционных партий правого спектра, растущая популярность которых свидетельствует об изменении настроений избирателей и растущем разочаровании в отношении как правящей партии, так и «старых» партий оппозиции.

Выборы наглядно продемонстрировали кризис общественного доверия к традиционному политическому истеблишменту Японии, а также глубину антисистемных настроений в японском обществе. Значительный сегмент консервативного электората качнулся в сторону политической альтернативы, предоставленной «Сансэйто» и Демократической партией для народа. Электоральный выбор в их пользу не имел идеологического подтекста: эти партии не выступали идейно-политической альтернативой ЛДП, а лишь предлагали разрыв с парадигмой правления доминантной партии, которая в глазах этой части избирателей оказалась неспособна решать насущные социально-экономические проблемы страны.

Несмотря на некоторые идеологические разногласия, обе партии заполняют собой политический вакуум: они дают ощущение «права голоса» избирателям, которые чувствуют себя забытыми и политически не услышанными. В свою очередь, партии мейнстрима, особенно ЛДП и КДП, как показали выборы, оказались недостаточно способными вести диалог с теми избирателями, которые ощущают свою ущемленность и испытывают чувство разочарования в отношении традиционных партий.

20 Survey Finds Most Japanese Voters Get Election News from TV // Nippon.com. – 2025. – June 24. – URL: <https://www.nippon.com/en/japan-data/h02440/survey-finds-most-japanese-voters-get-election-news-from-tv.html> (дата обращения: 17.08.2025).

Выборы в верхнюю палату 2025 г. отразили широкую тенденцию – перестройку, в рамках которой политическая легитимность смещается от традиционных партийных структур к аутсайдерам, особенно популистам, обещающим простые решения сложных проблем. Налицо тренд в пользу политической фрагментации, в основе которого лежит растущая потребность электората в жизнеспособных альтернативах мейнстриму.

Поражение правящей коалиции повлекло за собой, хотя и не сразу, смену правительства и отставку главы Кабинета министров. После некоторых колебаний премьер Исиба заявил 7 сентября 2025 г. о намерении покинуть свой пост, взяв на себя ответственность за неудачные выборы. 4 октября на пост главы партии была избрана Санаэ Такаити – лидер правоконсервативного крыла партии, получившая известность за демонстративные визиты в храм Ясукуни и эпатажные высказывания в защиту «славного исторического прошлого» Японии (это первая за всю историю страны женщина, занявшая пост премьера). Оказанная ей поддержка, очевидно, свидетельствовала о серьезной обеспокоенности в партийных рядах успехами правых партий, «отщипнувших» у ЛДП немалую толику голосов консервативного сегмента электорального пирога: многие рассчитывали, что приход Такаити станет действенным сигналом для таких голосов о том, что правящая партия по-прежнему остается выразителем их мнения.

Лидеры всех основных партий оппозиции в своих заявлениях после выборов исключили возможность вхождения в правящую коалицию. Трудно было ожидать и появления какого-то коалиционного правительства из партий оппозиции, состав которой оставался крайне «разношерстным и лоскутным».

Расширение представительства в парламенте разнородной оппозиции осложняло для правительства процесс управления страной, так как теперь ему придется проводить более компромиссную политику и каждый раз точно договариваться с оппозиционными партиями о поддержке отдельных законопроектов правительства (опыт таких договоренностей, прежде всего с ДПН, у ЛДП уже имеется). Вместе с тем, поскольку коалиция ЛДП и «Комэйто» оказалась вынуждена в большей степени полагаться на поддержку оппозиции, заключая с ней сделки для продвижения правительственных законопроектов в обеих палатах, небольшие партии, прежде всего ДПН и «Сансэйто», смогли получить гораздо больше рычагов влияния на политический процесс.

Потеря большинства в верхней палате сместила фокус внимания правительства на внутреннюю сферу. Именно внутренние факторы (с учетом возросшей конкуренции партий) ограничили гибкость действующей власти и ее способность принимать быстрые решения, касающиеся внешней политики. В то же время основные векторы японской внешней политики кардинально не изменились, поскольку практически все партии признают важность прочных отношений с США, прежде всего в области безопасности. Что касается политики японских властей в отношении России, итоги выборов никакой коррекции этой политики не предполагали, так как в этой области в стране сформирован консенсус.

Список литературы

Невская Т.А. Роль социальных сетей в избирательном процессе современной России // Политика и общество. – 2018. – № 9. – С. 31–39. – DOI: 10.7256/2454-0684.2018.9.27460.

Стрельцов Д.В. Горячая политическая осень в Японии // Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – № 6. – С. 7–21. – DOI: 10.31857/S013128120017350-6.

Стрельцов Д.В. Политический кризис в Японии 2023–2024 гг.: состоялся ли выход? // Азия и Африка сегодня. – 2024. – № 12. – С. 14–23. – DOI: 10.31857/S0321507524120022.

Purnendra J. LDP's historic electoral defeat upends Japan's politics // East Asia Forum. – 2025. – July 27. – DOI: 10.59425/eabc.1753610400.

Rehm M.X. Ishiba walks a political tightrope on immigration // East Asia Forum. – 2025. – July 19. – DOI: 10.59425/eabc.1752930000.

Scartozzi C.M. Hereditary Politics in Japan: A Family Business. Second-generation politicians are increasingly entrenched in Japan's Diet and government // The Diplomat. – 2017. – February 09. – URL: <https://thediplomat.com/2017/02/hereditary-politics-in-japan-a-family-business/> (дата обращения: 17.08.2025).

Taniguchi N. How Social Media Is Reshaping Politics in Japan – for Better or Worse // Nippon.com. – 2025. – June 4. – URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/d01134/> (дата обращения: 17.08.2025).

Книга Сансэйто = 参政党Book // Сансэйто = 参政党. – 2024. – Т. 9. – 8 с. – Япон. яз. – URL: https://sanseito.jp/pdf/sanseito_book_2409.pdf (дата обращения: 17.08.2025).

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.02

The 2025 Elections to the Upper House of the Japanese Parliament: Lessons for the Political Mainstream

Dmitry V. STRELTSOV

Dr. Sc. (History), Professor

MGIMO – University

Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454;

Chief Researcher

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Nakhimovsky Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-7177-2831

CITATION: Streltsov D.V. (2025). The 2025 Elections to the Upper House of the Japanese Parliament: Lessons for the Political Mainstream. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 5, pp. 25–41 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.05.02

Received: 18.08.2025.

Revised: 05.10.2025.

ABSTRACT. *The article analyzes the results of the elections to the House of Councillors of the Japanese Parliament, held on July 20, 2025, in which the ruling coalition of the Liberal Democratic Party (LDP) and Komeito was defeated and found itself in the minority. The author examines in detail the reasons for the electoral success of the right-wing opposition parties, above all the Sanseito party, which significantly displaced the LDP in the upper house. In addition to the poor economic situation in the country, the voters' disappointment with the LDP's insufficient measures to eradicate political corruption, and the shrinking of Komeito's electoral base, an important reason was the general crisis of public confidence in Japan's traditional political establishment, as well as a sharp increase in anti-systemic sentiments in Japanese society. A significant segment of the conservative electorate swung towards the political alternative provided by the populist parties – Sanseito and the Democratic Party for the People. These parties have found a new and very effective tool for influencing the masses – social media and streaming channels, through which they have managed to mobilize the “floating votes” of the conservative electorate. Thus, the failure of the LDP and Komeito and the successes of the opposition parties were facilitated by a surge of public interest in the elections against the background of widespread public discontent with the current government.*

KEYWORDS: *elections to the House of Councillors, social media, Sanseito Party, parliamentary opposition, conservative protest, electoral choice.*

References

- Kniga Sanseito (2024). Sanseito Book. *Sanseito*. September, 8 pp. (in Japanese). Available at: https://sanseito.jp/pdf/sanseito_book_2409.pdf, accessed 17.08.2025.
- Nevskaya T.A. (2018). The role of social networks in the electoral process in modern Russia. *Politics and Society*. No. 9, pp. 31–39 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0684.2018.9.27460.
- Purnendra J. (2025). LDP's historic electoral defeat upends Japan's politics. *East Asia Forum*. 27 July. DOI: 10.59425/eabc.1753610400.
- Rehm M.X. (2025). Ishiba walks a political tightrope on immigration. *East Asia Forum*. 19 July. DOI: 10.59425/eabc.1752930000.
- Scartozzi Cesare M. (2017). Hereditary Politics in Japan: A Family Business. Second-generation politicians are increasingly entrenched in Japan's Diet and government. *The Diplomat*. February 09. Available at: <https://thediplomat.com/2017/02/hereditary-politics-in-japan-a-family-business/>, accessed 17.08.2025.
- Streltsov D.V. (2021). Hot political autumn in Japan. *Far Eastern Studies*. No. 6, pp. 7–21 (in Russian). DOI: 10.31857/S013128120017350-6.
- Streltsov D.V. (2024). The Political crisis in Japan: Has an Escape Taken Place? *Asia and Africa Today*. No. 12, pp. 14–23. DOI: 10.31857/S0321507524120022.
- Taniguchi N. (2025). How Social Media Is Reshaping Politics in Japan – for Better or Worse. *Nippon.com*. June 4. Available at: <https://www.nippon.com/en/in-depth/d01134/>, accessed 17.08.2025.

Политические процессы в меняющемся мире

УДК 324:328.1:329.1(4)ЕС
DOI: 10.31249/kgt/2025.05.03

Итоги парламентских выборов в Евросоюзе и его ведущих странах-членах 2019–2024 гг.: новый этап трансформации партийно-политических систем

Борис Павлович ГУСЕЛЕТОВ

доктор политических наук, главный научный сотрудник
Институт Европы РАН
Моховая улица, д. 11/3, г. Москва, Российская Федерация, 125009
E-mail: bguseletovmail.ru
ORCID: 0000-0001-6256-5013

ЦИТИРОВАНИЕ: Гуселетов Б.П. Итоги парламентских выборов в Евросоюзе и его ведущих странах-членах 2019–2024 гг.: новый этап трансформации партийно-политических систем // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 5. С. 42–58.
DOI: 10.31249/kgt/2025.05.03

Статья поступила в редакцию 21.09.2025.
Исправленный текст представлен 11.10.2025.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются результаты национальных и общеевропейских парламентских выборов в Евросоюзе (ЕС) и его ведущих странах-членах: Австрии, Германии, Италии, Нидерландах, Польше, Португалии, Франции, Швеции, Финляндии, – прошедших в 2019–2024 гг., и их влияние на трансформацию партийно-политических систем. По итогам исследования выявлено, что в этих странах заметно изменился баланс сил между проевропейскими и евроскептическими силами, представленными как в национальных парламентах, так и в Европарламенте (ЕП), что оказало влияние на буду-

щее развитие их самих и Евросоюза. Основываясь на результатах выборов, автор приходит к выводу, что, хотя проевропейские силы (консерваторы, социалисты, либералы и зеленые) сохранили доминирующую роль в правительствах их стран и политических институтах ЕС, недовольство значительного числа европейских граждан недемократичностью и непрозрачностью формирования и деятельности их руководства сохраняется, а в ряде стран растет. По итогам евровыборов 2024 г. в Европарламенте была сформирована 3-я по численности правоконсервативная евроскептическая группа «Па-

триоты за Европу», объявившая себя основной оппозиционной силой проевропейской коалиции. Наиболее радикально настроенные депутаты Европарламента, объединившиеся вокруг партии «Альтернатива для Германии», образовали еще более жестко евроскептическую группу «Европа суверенных наций», которая, хотя и является самой малочисленной, в перспективе может представлять собой большую опасность для еврооптимистов и их сторонников. В ближайшем будущем это может привести к реальным угрозам стабильности политических институтов ЕС и его стран-членов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: партии, выборы, Европейский союз, Европейский парламент, Европейская комиссия, национальные парламенты, национальные правительства, еврооптимисты, евроскептики, популисты.

Объектом данного исследования являются политические партии ведущих стран – членов Евросоюза и общеевропейские партии (европартии), участвовавшие в национальных и общеевропейских выборах (евровыборах) депутатов Европарламента (ДЕП) 2019–2024 гг. Предмет исследования – итоги участия этих партий в указанных выборах, включая их влияние на формирование руководящих органов национальных правительств, а также ключевых политических институтов ЕС: Европейского совета, Европарламента и Еврокомиссии (ЕК). Основная цель исследования – выявить, как эти партии и их фракции в европейском и национальных парламентах влияют на политику этих институтов, а также на саму модель политического представительства в ЕС, включая изменение роли представительных органов власти, как на общеевропейском, так и на национальных уровнях.

Методологической основой данного исследования стал количественный и качественный анализ результатов евровыборов 2019 и 2024 гг., парламентских выборов в ведущих странах – членах ЕС 2019–2024 гг., а также качественный контент-анализ программных документов, основных общеевропейских и национальных партий. Среди анализируемых документов следует упомянуть тексты их предвыборных программ, а также выступлений их руководителей и иные материалы, связанные с участием этих партий в европейских и национальных выборах.

Выбор временных рамок исследования (2019–2024 гг.) связан с тем, что по итогам прошедших в мае 2019 г. IX евровыборов в ЕП была сформирована радикально евроскептическая группа «Идентичность и Демократия» (ИиД), которая на момент начала его работы была 4-й по численности и представляла почти 10% ДЕП. При этом на 6-м и 7-м местах расположились группы более умеренных евроскептиков – соответственно правоконсервативной европартии «Европейские консерваторы и реформисты» (ЕКР, 8,25% ДЕП) и Партии европейских левых (ПЕЛ, 5,45% ДЕП).

Две ведущие европартии – консервативная Европейская народная партия (ЕНП) и левоцентристская Партия европейских социалистов (ПЕС) – сохранили за собой ведущие позиции в ЕП, но их результаты по сравнению с выборами 2014 г. снова снизились почти на 4,5% у каждой [Гуселетов, 2019, с. 28].

На прошедших до следующих евровыборов 2024 г. выборах в национальные парламенты ряда ведущих стран – членов ЕС (Австрии, Германии, Италии, Нидерландов, Польши, Португалии, Франции, Швеции, Финляндии) тенденция усиления электоральной поддержки партий, входящих

в европартию ИиД либо близких к ней по идеологической направленности, только укрепились [Гуселетов, 2023, с. 50–53]. Рассмотрим более подробно результаты этих выборов.

Итоги евровыборов 2019 г. и парламентских выборов 2019–2024 гг. в ряде ведущих стран – членов ЕС

Евровыборы 2019 г. прошли в сложное для ЕС время: миграционный кризис 2015–2016 гг.; референдум в Соединённом Королевстве о выходе из Союза 2016 г.; конфликт ЕС с Польшей в 2017–2018 гг. в связи с реформой ее судебной системы; рост противоречий между ЕС и Венгрией из-за позиции правительства В. Орбана по вопросу миграции и контроля за иностранными НКО; пандемия COVID-19 в 2020–2022 гг. и др. На начало этого периода во всех ведущих государствах-членах во главе правительств находились основные проевропейские партии: консерваторы и социал-демократы, в коалицию с которыми в отдельных случаях вступали либералы и зеленые. Но практически во всех этих странах их правительства не смогли эффективно решить большинство этих проблем, что привело к усилению евроскептических настроений среди европейцев, а также консолидации проевропейских сил, не желавших укрепления влияния евроскептиков.

Накануне выборов 2019 г. в лагере евроскептиков произошел ряд существенных изменений. Заметно ослабли позиции умеренно евроскептической партии ЕКР после того, как после выхода Великобритании из ЕС ее покинули британские консерваторы, составлявшие основу партии и ее группы в ЕП

[Гуселетов, 2023, с. 72–74]. Кроме того, ряд ее партий-членов вышли из ее состава: Датская народная партия (ДНП) и партия «Истинные финны» (ИФ) перешли в ИиД, а «Христианский союз» (Нидерланды), «Обычные люди и независимые личности» и «НОВА» (Словакия) ушли в ЕНП. Поэтому ряд экспертов даже предположили, что по итогам выборов 2019 г. ЕКР может лишиться своего представительства в ЕП¹. Но благодаря успешному выступлению партий – членов ЕКР из Италии («Братья Италии» (БИ)), Польши («Право и Справедливость» (ПиС)), Нидерландов («Форум за демократию» (ФЗД)) и Чехии («Гражданская демократическая партия» (ГДП)) она набрала 8,26% голосов (на 2% меньше, чем в 2014 г.) и смогла сформировать 6-ю по численности группу в ЕП.

При этом за 2019–2014 гг. ряд партий – членов ЕКР сумели на национальных выборах добиться впечатляющих результатов. Так, партия БИ в 2022 г. победила на парламентских выборах в Италии во многом благодаря тому, что в своей предвыборной программе она основное внимание уделила борьбе с нелегальной миграцией. Ее лидер Дж. Мелони возглавила правое коалиционное правительство, в которое также вошли партии «Лига» М. Сальвини (ИиД) и «Вперед Италия!» С. Берлуско-ни (ВИ, член ЕНП). В 2020 г. Дж. Мелони возглавила ЕКР, что также способствовало росту влияния и популярности этой партии в Европе.

В Чехии накануне парламентских выборов 2021 г. ГДП инициировала создание либерально-консервативной коалиции СПОЛУ, в которую вошли также Христианско-демократическая партия (ЕНП) и партия ТОП-09 (ЕНП). Эта коалиция одержала победу благо-

¹ Бекетов А. Консерваторы и реформисты // Евроньюс. – 2019. – 13 мая. – URL: <https://web.archive.org/web/20191012154000/https://ru.euronews.com/2019/05/13/conservatives-reformers-populismfrance> (дата обращения: 13.08.2023).

даря тому, что предложила избирателям реформу пенсионной, социальной и налоговой систем, усиление экологической политики и укрепление связей с ЕС и НАТО. В результате лидер ГДП П. Фиала был избран премьером Чехии [Ведерников, 2021].

В Польше ПиС была правящей с 2015 по 2023 г. На выборах 2023 г. ПиС вновь одержала победу, но не смогла сформировать правящую коалицию и вынуждена была перейти в оппозицию, так как ее евроскептическую позицию поддержала только партия «Конфедерация», имевшая лишь 18 депутатов парламента. При этом проевропейскую «Гражданскую коалицию» во главе с Д. Туском поддержали правоцентристская коалиция «Третий путь» и левоцентристский альянс «Левые», которые в итоге сформировали правительство во главе с Д. Туском [Гуселетов, 2024].

Наращение миграции в страны ЕС, а также увеличение разницы в уровне социально-экономического развития между старыми и новыми странами – членами ЕС в 2014–2019 гг. привели к росту числа сторонников жестких евроскептиков. В итоге в канун выборов 2019 г. ряд такого рода партий из ведущих стран – членов ЕС (Австрии, Германии, Италии, Нидерландов, Франции и др.) решили создать новую европартию «Идентичность и Демократия», которая имела неплохие электоральные перспективы [Ривера, Девис, Буневич, 2019].

На евровыборах 2019 г. ИиД добилась максимального для жестких евроскептиков результата за всю историю их участия в этих выборах, набрав 9,72% голосов. Важным фактором, позволившим этой партии добиться подобного результата, стало включение в ее предвыборную программу таких вопросов, как защита национальных интересов стран – членов ЕС, решение проблемы занятости и безо-

пасности, противодействие нелегальной миграции и пр. [Клинова, 2019, с. 38–40]. Партия сформировала в ЕП 4-ю по численности группу ИиД – 76 ДЕП, представлявших в основном партии «Лига» (Италия), «Национальное объединение» (НО, Франция) и «Альтернатива для Германии» (АдГ). Но ИиД не была представлена ни в Евросовете, ни в Еврокомиссии, не имела фракции в ПАСЕ, и по решению ведущих групп Европарламента (ЕНП, «Социалисты и Демократы» (Сид), «Обновим Европу» (ОЕ) и «Зеленые/Европейский свободный альянс» (З-ЕСА)) не получила в них никаких руководящих постов [Гуселетов, 2023, с. 49]. Однако с 2019 по 2024 г. примерно 380 представителей партий – членов ИиД были депутатами парламентов в странах – членах ЕС, а ряд ее партий добились неплохих результатов на национальных выборах.

Так, в 2018 г. на парламентских выборах в Италии возглавляемая партией «Лига» правоцентристская коалиция, в которую также вошли ВИ и БИ, заняла 1-е место, но вынуждена была формировать вместе с популистским «Движением пять звезд» коалиционное правительство, в котором лидер «Лиги» М. Сальвини занял пост вице-премьера. По итогам выборов 2022 г. «Лига» сохранила участие в новом правительстве Дж. Мелони, а М. Сальвини остался ее заместителем [Алексеевкова, 2023].

«Партия свободы» Австрии (ПСА) на выборах 2024 г. одержала победу, но не вошла в правительство. Ее успех во многом был связан с последовательной позицией в отношении борьбы с нелегальной миграцией, поддержкой идей австрийской идентичности и социального государства всеобщего благоденствия [Гуселетов, 2024].

Во Франции на парламентских выборах 2022 г. партия «Национальное объединение» (НО) Марин Ле Пен заняла

3-е место, заметно улучшив свой предыдущий результат [Гуселетов, 2022a]. А на внеочередных выборах 2024 г. НО стала первой всех партий по числу депутатских мандатов, но не смогла сформировать правительство, так как не имела большинства в Национальной ассамблее, нижней палате парламента. Тем не менее эта партия стала ведущей оппозиционной силой Франции и имеет неплохие шансы на победу на следующих выборах [Федоров, 2024]. Сама М. Ле Пен на президентских выборах 2022 г. вышла во 2-й тур, в котором набрала 41,5% голосов, уступив действующему президенту Э. Макрону. Главными элементами ее предвыборной программы были противодействие миграции и исламизации французского общества, сокращение преступности и усиление борьбы с негативными последствиями глобализации.

В Германии на парламентских выборах в сентябре 2017 г. АдГ впервые заняла 3-е место, набрав рекордные для себя 12,6% голосов и уступив лишь консервативному блоку ХДС/ХСС и «Социал-демократической партии» (СДПГ). В 2021 г. АдГ откатилась на 5-е место, пропустив вперед партию «Зелёные» и Свободную демократическую партию (СвДП). Но в январе 2025 г. на внеочередных выборах АдГ впервые вышла на 2-е место, набрав 20,8% голосов и опередив правящую СДПГ. Успех АдГ в основном был связан с тем, что она умело использовала недовольство немецких избирателей ухудшением качества социальных услуг и снижением бюджетных расходов на общественные нужды из-за роста расходов на прием мигрантов. Можно также отметить и антиукраинскую позицию партии, включая требование отказа от политики санкций в отношении России [Белов, 2025].

Заметных результатов на национальных выборах добились партии – члены ИиД: «Воля» (Болгария), «Фла-

мандский интерес» (ФИ, Бельгия), ДНП, «Партия свободы» Нидерландов (ПСН), ИФ, «Свобода и прямая демократия» (Чехия), Консервативная народная партия Эстонии, – подтвердив рост электоральной поддержки радикальных евроскептиков.

ПЕЛ, которая является умеренно евроскептической и представляет левый фланг политического спектра Европы, на евровыборах 2019 г. не добилась особых успехов, с трудом сохранив свое представительство в ЕП, благодаря успешному выступлению ее ведущих партий-членов в Германии («Левая партия»), Греции (СИРИЗА), Испании («Подemos») и Франции («Непокоренная Франция», НпФ). На национальных выборах 2019–2024 гг. можно отметить успех партии НпФ Ж.-Л. Меланшона, которая в 2022 г. инициировала создание предвыборного альянса «Новый народный экологический и социальный союз» (ННЭСС), включавшего также партии «Европа, Экология, Зеленые», «Соцпартия», «Компартия» и ряд малых левых партий. ННЭСС занял 2-е место, получив 142 депутатских мандата в Национальной ассамблее (НА), уступив лишь либеральному блоку, поддержавшему Э. Макрона, который, однако, потерял большинство в НА [Гуселетов, 2022a]. На выборах 2024 г. НпФ и ее партнеры по ННЭСС образовали избирательный блок «Новый народный фронт», получивший в НА 289 депутатов [Федоров, 2024]. Ж.-Л. Меланшон на президентских выборах 2022 г. занял в 1-м туре 3-е место, уступив лишь 1,2% голосов М. Ле Пен.

Таким образом, за 2019–2024 гг. евроскептические партии в Европе как правого, так и левого толка добились заметных электоральных успехов и на общеевропейском, и на национальном уровнях. Это было связано с тем, что основное внимание они уделяли решению ключевых для европей-

цев проблем: рост миграции, падение жизненного уровня рядовых граждан, ухудшение социально-экономической ситуации в большинстве стран – членов ЕС и пр. Особое внимание они уделяли противодействию расширения полномочий евробюрократии.

В результате к этим партиям стали перетекать избиратели социал-демократов и умеренных консерваторов, так как этим партиям, долгие находившимся у власти, всё труднее было решать их социально-экономические проблемы. Эта тенденция стала ключевым элементом трансформации сложившейся в Европе модели политического представительства общественных интересов. Это было особенно заметно в таких странах, как Венгрия, Германия, Италия, Франция, в которых проблемы нелегальной миграции, роста преступности, повышения уровня безработицы и другие особенно волновали граждан.

Поэтому не случайно влияние и электоральная поддержка указанных выше партий мейнстрима продолжала все эти годы неизменно падать и на уровне ЕС, и в большинстве его стран-членов. Например, в Болгарии, Венгрии и Франции социалистические партии, которые еще недавно были правящими, сегодня балансируют на грани прохождения в парламенты этих стран, и то лишь в составе избирательных коалиций. То же самое касается Партии труда Нидерландов и «Союза левых демократов» Польши. А Социал-демократическая партия Чехии, которая до 2017 г. была правящей, после выборов 2021 г. вообще потеряла представительство в парламенте. Все эти партии являются членами ПЕС.

В лагере консерваторов (ЕНП) ситуация немного позитивнее, но также не вызывает оптимизма. Так, партия ГЕРБ во главе с Б. Борисовым была правящей в Болгарии с 2009 по 2021 г., на последних 7 выборах 2021–2024 гг.

она, хоть и занимала 1-е и 2-е места, не могла сформировать правящую коалицию. А ее электоральная поддержка упала с 39,7% в 2009 г. до 24–25%. В Дании Консервативная народная партия на последних парламентских выборах 2022 г. показала лишь 7-й результат, набрав 5,5% голосов. В Италии партия ВИ, долгие годы являвшаяся правящей, на выборах 2022 г. набрала лишь 8% и стала младшим партнером в новом коалиционном правительстве Дж. Мелони. В Испании Народная партия (ИНП), возглавлявшая до парламентских выборов 2018 г. правительство, получила на них наихудший результат и оказалась в оппозиции. И хотя на выборах 2022 г. ИНП вернула себе лидерство, опередив на 1,3% Испанскую социалистическую рабочую партию, она не смогла сформировать правящую коалицию и вновь осталась в оппозиции. Не лучшим образом сегодня обстоят дела у партий – членов ЕНП в Венгрии, Литве, Румынии, Словакии, Франции, Эстонии, где они находятся в оппозиции. И даже в Германии, где на последних выборах 2025 г. ХДС/ХСС одержала победу, ей для формирования правительства пришлось прибегнуть к помощи СДПГ.

Либеральные партии Европы, входящие в европартию «Альянс либералов и демократов за Европу» (АЛДЕ), после некоторого подъема в 2017 г., связанного с победой партии Э. Макрона на выборах во Франции, сегодня также находятся в очевидной стагнации. В Литве партия «Движение либералов», которая с 2020 по 2024 г. входила в правительство, по итогам выборов 2024 г. сократила свое парламентское представительство и покинула правящую коалицию. Во Франции пропрезидентская коалиция «Вместе за Республику» во главе с партией Э. Макрона «Возрождение» по итогам выборов 2024 г. оказалась на 2-м месте, потеряв большинство в НА. В резуль-

Таблица 1. Информация о датах проведения досрочных выборов в странах – членах ЕС в 2015–2024 гг.

Table 1. Information on the dates of early elections in EU member states between 2015 and 2024

Страна	Даты проведения досрочных выборов
Австрия	2017, 2019
Болгария	апрель 2021, июль 2021, ноябрь 2021, 2022, 2023, июнь 2024, октябрь 2024
Греция	январь 2015, сентябрь 2015, 2019, май 2023, сентябрь 2023
Испания	2015, 2016, апрель 2019, ноябрь 2019
Италия	2022
Нидерланды	2023
Португалия	2022, 2024
Словакия	2023
Франция	2024

тате за прошедший год с небольшим Э. Макрону пришлось трижды сменить главу правительства, которое не имеет серьезной поддержки в парламенте. В Дании либеральная партия «Венстре», которая до 2019 г. возглавляла правительство, в настоящий момент перешла в оппозицию, причем по итогам последних выборов 2022 г. ее электоральная поддержка упала с 23,3% в 2019 г. до 13,3%. В Нидерландах «Народная партия за свободу и демократию» (НПСД) во главе с М. Рютте возглавляла правительство с 2010 по 2024 г., неизменно побеждая на парламентских выборах. Но по итогам выборов 2023 г. НПСД оказалась лишь на 3-м месте, так как ее электоральная поддержка сократилась с 21,9% в 2019 г. до 15,25%. И хотя эта партия вновь стала членом правящей коалиции, но теперь уже в статусе младшего партнера.

Кроме этого, стоит отметить такой интересный феномен, проявившийся в последние годы в ряде стран – членов ЕС, как участвовавшие досрочные выборы. Рекордсменом стала Болгария, где с 2021 по 2024 г. прошло 7 (!) досрочных парламентских выборов. В таблице 1 представлены страны – члены ЕС

и даты проведения в них досрочных выборов в 2015–2024 гг.

Эта информация также свидетельствует о том, что партийные системы всё большего числа стран – членов ЕС теряют стабильность, а недовольство избирателей действующими партиями растет.

Следует также обратить внимание на то, что традиционный партийно-идеологический спектр во многих странах – членах ЕС в последнее время стал всё больше размываться, и на смену партиям с устоявшейся идейной ориентацией приходят популистские партии, идеологические доктрины и их названия становятся абсолютно всеядными. Причем эти партии всё чаще добиваются заметных успехов и даже возглавляют правительства своих стран. Например, в Чехии с 2017 по 2021 г. правящей была партия под названием «Акция недовольных граждан» (АНО); правительством Словакии с 2020 по 2021 г. руководила «Партия обычных людей и независимых личностей»; в Болгарии с 2021 по 2022 г. правящей была партия «Продолжаем перемены», партнером которой была еще одна партия – «Есть

такой народ»; в Литве по итогам выборов 3-е место заняла партия «Заря над Неманом», которая вошла в коалиционное правительство.

Выборы депутатов
Европарламента 2024 г.

6–9 июня 2024 г. в 27 странах ЕС прошли X выборы нового состава ЕП, в которых приняли участие 10 официально зарегистрированных европартий: ЕНП, ПЕС, АЛДЕ, Европейская демократическая партия, Европейская партия зеленых (ЕПЗ), «Европейский свободный альянс» (ЕСА), ЕКР, ИиД, ПЕЛ и «Европейское христианско-политическое движение» (ЕХПД), – а также 4 европартии, не имеющие регистрации (социал-либеральное федералистское движение «Вольт Европа», Европейская пиратская партия (ЕПП), антиимпериалистическое «Европей-

ское коммунистическое действие» (ЕКД) и «Политика ЕС в отношении животных» (ПлЕСвОЖ)). Партии «Вольт Европа» и ЕПП можно отнести к лагерю еврооптимистов, а ЕХДП, ЕКД и ПлЕСвОЖ – к евроскептикам [Гуселетов, 2022b, с. 28–112].

Результаты этих выборов, как и результаты евровыборов 2019 г., представленные в таблице 2, соответствовали прогнозам, которые делались в их канун. Явка на них в целом по ЕС составила 51,05%, что оказалось самым высоким показателем с 1999 г.

После выборов состоялись переговоры между представителями всех групп с неопределившимися ДЕП, в которых наибольшую активность проявил В. Орбан, премьер Венгрии и лидер партии ФИДЕС, вышедшей в 2021 г. из ЕНП. До выборов В. Орбан заявил, что хочет присоединить свою партию к ЕКР, но ее лидер

Таблица 2. Результаты выборов депутатов ЕП 2019 г., %
Table 2. Results of the 2019 European Parliament elections, %

Парламентская группа в Европартии	30 июня 2019 г.
	Число ДЕП
Европейская народная партия	182 (24,3)
Прогрессивный альянс социалистов и демократов, ПАСД (ПЕС)	154 (20,5)
«Европейские консерваторы и реформисты» (ЕКР)	62 (8,3)
«Объединим Европу», ОЕ (АЛДЕ)	108 (14,4)
«Идентичность и демократия» (ИиД)	73 (9,7)
«Зеленые – Европейский свободный альянс» (ЕПЗ, ЕСА)	74 (9,9)
«Объединенные европейские левые – Левые зеленые Севера» (ОЕЛ-ЛЗС, ПЕЛ)	41 (5,5)
Независимые	57 (7,6)
Всего	751 (100)

Источник: European Parliament. European elections 2019, 2024 results // Europa.eu. – URL: <https://results.elections.europa.eu/en/european-results/2019-2024/> (дата обращения: 20.09.2025).

Дж. Мелони решила дождаться итогов евровыборов [Müller, 2024]. После выборов В. Орбан и Дж. Мелони не договорились, и лидер ФИДЕС предложил лидерам АНО А. Бабишу и ПСА Г. Киклю создать новую парламентскую группу «Патриоты за Европу» (ПзЕ)². 30 июня 2024 г. они подписали Патриотический манифест для европейского будущего, провозглашающий укрепление суверенитета стран – членов ЕС, усиление противодействия нелегальной миграции и ревизию «Зеленого пакета». Их поддерживали партии – члены ИиД: ФИ, ДНП, «Лига», НО, ПСН, греческая партия «Голос разума», португальская «Чега», вышедшая из ЕКР испанская партия «Голос» и другие, что позволило создать новую, 3-ю по численности парламентскую группу ПзЕ, включившую 84 ДЕП³. Лидером ее группы стал председатель НО Ж. Барделла, провозгласивший ее основной оппозицией коалиции еврооптимистов в ЕП⁴. В сентябре 2024 г. европартия ИиД была переименована в «Патриоты за Европу».

14 ДЕП от партии АдГ, исключенную в 2024 г. из ИиД, объявили о создании наиболее радикально евроскептической группы «Европа суверенных наций» (ЕСН), включившую необходимые 25 ДЕП: по 3 ДЕП из Болгарии и Польши и по 1 ДЕП от Венгрии, Лит-

вы, Словакии, Франции и Чехии⁵. Депутаты от ЕСН создали собственную европартию с таким же названием.

В результате к 20 августа 2024 г. сложилась новая структура ЕП (таблица 3).

Анализ итогов этих выборов показал, что успех ЕНП связан с тем, что она победила в 13 странах – членах ЕС: Болгарии, Германии, Греции, Испании, Кипре, Латвии, Литве, Люксембурге, Польше, Словении, Финляндии, Хорватии и Эстонии.

Результаты ПЕС, победившей лишь в 5 странах – членах ЕС (Мальте, Нидерландах, Португалии, Румынии и Швеции), несколько ухудшились. При этом она потерпела серьезное поражение в Венгрии, Германии, Греции и Польше.

Партия ЕКР во главе с Дж. Мелони выступила очень успешно, в первую очередь благодаря отличным результатам партии «Братья Италии» и польской ПиС. Неплохо выступили ее представители в Греции, Испании, Чехии и Швеции [Joannin, 2024].

Серьезные потери понесла АЛДЕ, победившая лишь в Словении и Чехии, но серьезно проигравшая в Германии, Нидерландах и Франции. А после выборов 7 ДЕП от партии АНО вышли из группы ОЕ⁶. Кроме того, 5 ДЕП от «Вольт Европа», идейно близкой к АЛДЕ, отказались вступать в группу ОЕ и перешли в группу 3-ЕСА⁷.

2 Hungary's Orban moves to form new EU parliament group (2024) // Times of India. – 2024. – June 30. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/europe/hungarys-orban-moves-to-form-new-eu-parliament-group/articleshow/111379448.cms> (дата обращения: 20.09.2025).

3 1 октября 2024 г. к группе ПзЕ присоединились еще 2 ДЕП от партии «Национальное движение Польши».

4 Patriots for Europe becomes EU parliament's 3rd-largest group, picks Jordan Bardella as president // Politico.eu. – 2024. – July 08. – Available at: <https://www.politico.eu/article/patriots-for-europe-jordan-bardella-viktor-orban-marine-le-pen/> (дата обращения: 20.09.2025).

5 Germany's AfD and extremist allies set up second EU parliament far-right group // The Guardian. – 2024. – July 11. – URL: <https://www.theguardian.com/world/article/2024/jul/11/germany-afd-extremist-allies-set-up-second-eu-parliament-far-right-group> (дата обращения: 20.09.2025).

6 Wax E., Jochecová K. Former Czech PM Andrej Babiš quits liberal Renew group in EU Parliament // Politico.eu. – 2024. – June 21. – URL: <https://www.politico.eu/article/andrej-babis-quits-renew-group-eu-parliament-election-czech-republic/> (дата обращения: 20.09.2025).

7 Haecck P., Wax E. Fresh setback for Renew as 5 MEPs choose Greens // Politico.eu. – 2024. – June 20. – URL: <https://www.politico.eu/article/renew-faces-volt-setback-in-race-to-become-parliaments-third-force-greens/> (дата обращения: 20.09.2025).

Таблица 3. Состав парламентских групп в ЕП на 20 августа 2024 г.
Table 3. Composition of parliamentary groups in the European Parliament as of August 20, 2024

Группа в ЕП (Европартия)	Число ДЕП	% ДЕП
ЕНП (ЕНП, ЕСА, ЕХПД)	188	26,1
ПАСД (ПЕС)	136	18,9
ПзЕ (ПзЕ, ЕХПД)	84	11,65
ЕКР (ЕКР, ЕСА, ЕХПД)	78	10,85
ОЕ (АЛДЕ, ДПЕ, ЕНП)	77	10,7
З-ЕСА (ЕПЗ, ЕСА, «Вольт Европа», ЕПП)	53	7,35
ОЕЛ – ЗС (ПЕЛ, «Европейский левый альянс» ⁸)	46	6,4
ЕСН (ЕСН)	25	3,5
Независимые	33	4,55
Всего	720	100

Источник: European Parliament. European elections 2024 results. – URL: <https://results.elections.europa.eu/en/european-re-sults/2024-2029/> (дата обращения: 20.09.2025).

Численность группы З-ЕСА сократилась практически на треть из-за слабого выступления основной партии – члена ЕПЗ немецкого «Союза 90 – Зелёные». Неудачно выступили представители ЕПЗ в Бельгии, Франции и Чехии.

Группа ОЕЛ – ЛЗС ПЕЛ в конечном итоге увеличила свою численность за счет присоединения к ней 8 ДЕП от итальянской партии «Движение 5 звезд» и успешного выступления партии «Непокоренная Франция». В Германии партия «Левые», бывшая долгое годы ведущей в ПЕЛ, провалилась из-за того, что ее бывший лидер С. Вагенкнехт, ратовавшая за восстановление сотрудничества с Россией, создала партию «Союз Сары Вагенкнехт», получившую 6 ДЕП, оставшихся независимыми.

Таким образом, в X созыве ЕП у правых евроскептиков из групп ПзЕ, ЕКР и ЕСН будет 187 ДЕП. У группы

ОЕЛ – ЛЗС будет 46 ДЕП. В результате соотношение сил между проевропейскими (ЕНП, ПАСД, ОЕ и З-ЕСА) и евроскептическими (ПзЕ, ЕКР, ЕСН и ОЕЛ – ЛЗС) депутатами составило 454 (63%) против 233 (32,5%), тогда как в 2019 г. это соотношение составляло 518 (69%) против 154 (20,5%). Это показывает, что усиление позиций евроскептиков составило почти 50%, причем эта тенденция сохраняется и даже усиливается, начиная с евровыборов 2009 г.

Всё это свидетельствует о том, что влияние евроскептических сил на ЕП, а также Евросовет и ЕК будет расти, заставляя их больше внимания уделять тем ключевым вопросам, которые поднимают перед избирателями эти партии: миграция, зеленая сделка, украинский конфликт и т.д. [Persson, Karlsson, Mårtensson, 2022].

8 Европейский левый альянс – это европартия, не имеющая официальной регистрации, образованная в августе 2024 г. в результате отделения от ПЕЛ 7 партий из Дании, Испании (Подемос), Польши, Португалии, Франции (Непокоренная Франция), Финляндии и Швеции.

Обновление руководства Евросовета, Европарламента и Еврокомиссии как результат сделки лидеров ведущих стран – членов ЕС и европартий

По итогам евровыборов 2024 г. представители 3 ведущих европартий (ЕНП, ПЕС и АЛДЕ) подготовили список кандидатов на руководящие посты в Евросовете, ЕК и ЕП, которые после их утверждения на саммите глав стран – членов Союза вносятся в Европарламент (кроме кандидатуры Президента Евросовета)⁹.

В этот раз в переговорную группу вошли 6 политиков: главы правительств Польши Д. Туск и Греции К. Мицотакис (от ЕНП), премьер Испании П. Санчес и канцлер ФРГ О. Шольц (от ПЕС), а также президент Франции Э. Макрон и премьер Нидерландов М. Рютте (от АЛДЕ). К концу июня 2024 г. они договорились о следующем распределении руководящих портфелей: бывший португальский премьер А. Кошта (ПЕС) станет президентом Евросовета, глава ЕК У. фон дер Ляйен (ЕНП) и спикер ЕП Р. Метсола (Мальта, ЕНП) сохраняют свои посты, а Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности и заместителем председателя ЕК будет эстонский премьер К. Каллас (АЛДЕ)¹⁰. Однако в этот раз утверж-

дение данных кандидатур на саммите Евросовета прошло не совсем гладко. Дж. Мелони заявила, что не поддержит предложенных кандидатов. В. Орбан отметил, что кандидаты на высшие посты ЕС должны представлять каждое государство – член ЕС, а не только левых и либералов¹¹.

16 июля 2024 г. евродепутаты большинством в 526 голосов утвердили своим спикером до конца 2026 г. Р. Метсола, которая пообещала продолжить борьбу за предоставление ЕП права законодательной инициативы¹².

18 июля 2024 г. ЕП рассмотрел вопрос об утверждении У. фон дер Ляйен председателем ЕК, которая накануне провела серию встреч с каждой парламентской группой и отдельными влиятельными депутатами ЕП, в ходе которых она раздавала обещания, которые ждали от нее представители этих групп. Например, группе ЕНП она пообещала, что первоочередным приоритетом ее новой Комиссии будет конкурентоспособность европейской экономики. А учитывая настрояния социал-демократов, либералов и зеленых, фон дер Ляйен заявила, что расширит «Зеленую сделку», сделав ее амбициозной климатической целью до 2040 г., и включит в нее программу стимулирования создания экологически чистых технологий¹³. В итоге ее поддержал 401 ДЕП, а 284 были против¹⁴.

9 Moens B., Wheaton S. The secret, unwritten rules of the EU's top jobs carve-up // Politico.eu. – 2024. – June 26. – URL: <https://www.politico.eu/article/eu-top-jobs-elections-2024-leaders-brussels-ursula-von-der-leyen-antonio-costa-kaja-kallas/> (дата обращения: 20.09.2025).

10 Moens B., Vela J.H., Dallison P. Von der Leyen, Costa, Kallas approved for EU top jobs by negotiators // Politico.eu. – 2024. – June 25. – URL: <https://www.politico.eu/article/von-der-leyen-costa-kallas-approved-for-eu-top-jobs-by-negotiators/> (дата обращения: 20.09.2025).

11 Von der Leyen, Costa and Kallas bag EU top jobs // Moens B., Hernandez-Morales A., Vela J.H., Barigazzi J., Leali G. // Politico.eu. – 2024. – June 27. – URL: <https://www.politico.eu/article/von-der-leyen-costa-and-kallas-bag-eu-top-jobs/> (дата обращения: 20.09.2025).

12 Grier M. Roberta Metsola reelected European Parliament president // Politico.eu. – 2024. – July 16. – URL: <https://www.politico.eu/article/roberta-metsola-reelected-european-parliament-president/> (дата обращения: 20.09.2025).

13 Moens B. Von der Leyen hands out policy gifts ahead of key vote // Politico.eu. – 2024. – July 18. – URL: <https://www.politico.eu/article/ursula-von-der-leyen-hands-out-policy-gifts-elections/> (дата обращения: 20.09.2025).

14 Moens B., Wax E., Grier M. (2024) Ursula von der Leyen wins second term as European Commission president // Politico.eu. – 2024. – July 18. – URL: <https://www.politico.eu/article/ursula-von-der-leyen-reelected-european-commission-president-second-term/> (дата обращения: 20.09.2025).

Серьезное противостояние между еврооптимистами и евроскептиками произошло в связи с распределением руководящих постов в ЕП. Группа ПзЕ с учетом ее численности претендовала на 2 места председателей комитетов и 8 их заместителей, но ЕНП, ПАСД, ОЕ и 3-ЕСА опять решили образовать «санитарный коридор» вокруг ПзЕ и ЕСН, отлучив их от участия в этом процессе. Таким образом, новое руководство ЕП продолжило политику изоляции в отношении праворадикальных евроскептиков, что противоречит его регламенту и европейским демократическим принципам.

Тем не менее по регламенту ЕП в начале 2027 г. его руководство должно быть переизбрано. И если за это время отношение еврооптимистов к группе ПзЕ (но не ЕСН) изменится в лучшую сторону, ее депутаты смогут претендовать на некоторые руководящие посты в ЕП.

Первый год работы ЕП показал, что отношения парламентских групп проевропейских европартий (ЕПН, ПЕС, АЛДЕ, ЕПЗ) можно охарактеризовать как «сотрудничество-соперничество». По таким вопросам, как оборона и безопасность, украинский конфликт, миграция, противостояние Китаю и Трампу, они занимали практически общую позицию. А к вопросам экологии, экономики, социальной политики их отношение заметно различалось.

Группа ЕКР по проблемам безопасности и украинского кризиса чаще всего поддерживала еврооптимистов, но по остальным вопросам (миграция, противостояние Китаю) занимала самостоятельную позицию.

Что касается праворадикальных групп ПзЕ, ЕСН и левой ОЛ-ЛЗС, то они практически во всем выступали

как оппозиция еврооптимистам, особенно в таких вопросах, как украинский конфликт, миграция, национальный суверенитет. Например, в декабре 2024 г. группа ПзЕ приняла Будапештскую декларацию, в которой выразила несогласие с действующим миграционным пактом ЕС, не позволяющим решать миграционные проблемы Европы. Патриоты призвали полностью перестроить миграционную политику ЕС, уделяя основное внимание защите внешних границ и ограничению нелегальной иммиграции. Ж. Барделла призвал государства – члены ЕС самим устанавливать иммиграционные правила, которые позволяли им отказаться от миграционной политики ЕС¹⁵.

Депутаты из группы ЕСН заявили по поводу украинского конфликта, что призыв фон дер Ляйен к «массовому вооружению Украины» означает, что на ее подготовку к войне будут направлены миллиарды европейских денег. Ее представитель А. Селл (АдГ) отметил, что европейцы хотят мира и стабильности, а позиция главы ЕК оторвана от интересов народов Украины и Европы, добавив, что когда США ведут с Россией диалог, ЕК призывает продолжить кровопролитие вместо того, чтобы завершить его¹⁶.

В декабре 2024 г. ЕП утвердил новый состав ЕК, в котором, по сравнению с предыдущей каденцией, произошли заметные изменения, касающиеся представительства ведущих европартий: ЕНП теперь будет иметь 13 комиссаров (было 11), ПЕС – 5 (было 8), АЛДЕ – 3 (было 6), ЕКР – 1 (был 1), ЕПЗ – 0 (был 1), независимые – 5 (было 0). Но уже 10 июля 2025 г. по инициативе ДЕП г. Пиперя (ЕКР) в ЕП состоялось голо-

15 Patriots for Europe Push for Migration Policy Overhaul // The Pinnacle Gazette. – 2024. – December 07. – URL: <https://evrimagaci.org/tpg/patriots-for-europe-push-for-migration-policy-overhaul-80004> (дата обращения: 20.09.2025).

16 Von der Leyen wants to invest further billions in Ukraine's war effort // Esn-group.eu. – 2025. – URL: <https://esn-group.eu/news> (дата обращения: 20.09.2025).

сование по вопросу о восторге недоверия У. фон дер Ляйен, который поддержали лишь 175 ДЕП от ПЗЕ, ОЕЛ-ЛЗС, ЕНП и частично ЕКР. А 360 депутатов от Европарламента, Сид, ОЕ, З-ЕСА и частично от ЕКР проголосовали против¹⁷.

Заключение

Итоги выборов депутатов Европарламента 2019 и 2024 гг. показали, что прошедшие за последние 5 лет события в Европе, такие как рост миграции, ухудшение социально-экономической ситуации, увеличение числа конфликтов, включая российско-украинский и другие, оказали заметное влияние на политические предпочтения европейских граждан. Результатом этого стало падение электоральной привлекательности традиционных партий еврооптимистического толка в таких странах, как Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Италия, Нидерланды, Румыния, Словакия, Франция, Чехия и др., и рост популярности евроскептиков, которые сегодня представлены в парламентах и правительствах большинства стран – членов Союза, а в Венгрии и Италии они даже их возглавляют. Тем не менее по итогам этих евровыборов консерваторы, социалисты, либералы и зеленые сумели получить большинство мест в ЕП, что позволило им сохранить контроль над его руководящими постами, допустив к их распределению только умеренных евроскептиков в лице ЕКР и ПЕЛ. В Еврокомиссии за ЕНП, ПЕС и АЛДЕ также осталось подавляющее большинство портфелей, но их попытки отклонить кандидатуры еврокомиссаров от ЕКР и ПЗЕ не увенчались успехом.

При этом всё больше глав государств – членов ЕС требуют пересмотреть эту порочную (с их точки зрения) практику распределения руководящих

постов в ЕП и ЕК между традиционными партиями и допустить их к этому процессу. Вполне вероятно, что уже в середине этой каденции ЕП через 2,5 года такое перераспределение постов в ЕП может случиться.

Важной тенденцией, связанной со сменой политического представительства в большинстве стран – членов ЕС, стал переход значительной части избирателей, до недавнего времени голосующих за партии мейнстрима (консерваторов, социал-демократов и либералов) к праворадикальным и популистским партиям, которые в своих программах, помимо традиционных для них тем, связанных с противодействием миграции, всё больше внимания стали уделять вопросам занятости, безопасности, социальной поддержки граждан и т.д. Результаты этих выборов свидетельствуют о том, что модель политического представительства в ЕС меняется в соответствии с изменениями социальной структуры европейского общества и политических предпочтений граждан.

Список литературы

Алексеев Е.С. Политический процесс в современной Италии: антиполитика и популизм эпохи Второй республики. – Москва : Институт Европы РАН, 2023. – 218 с. – DOI: 10.15211/9785981632136.

Белов В.Б. Апрельские коалиционные тезисы ХДС/ХСС и СДПГ // Аналитические записки Института Европы РАН. – 2025. – № 12 (380). – С. 12–18. – DOI: 10.15211/analytics21220251218.

Ведерников М.В. Парламентские выборы в Чехии: триумф оппозиции // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2021. – № 5. – С. 68–76. – DOI: 10.15211/vestnikieran520216876.

¹⁷ Городецкая В. Итоги голосования по восторгу недоверия фон дер Ляйен потрясли Брюссель // Ведомости. – 2025. – 10 июля. – URL: <https://vz.ru/news/2025/7/10/1344391.html>, (дата обращения: 20.09.2025).

Гуселетов Б.П. Итоги европейских и парламентских выборов в Австрии 2024: рост политической нестабильности и усиление позиций правых радикалов // *PolitBook*. – 2025. – № 1. – С. 60–77. – DOI: 10.24412/2227-1538-2025-1-62-74.

Гуселетов Б.П. Итоги парламентских выборов во Франции и их влияние на российско-французские отношения // *Наука. Культура. Общество*. – 2022а. – Т. 28, № 3. – С. 8–20. – DOI: 10.19181/nko.2022.28.3.1.

Гуселетов Б.П. Новый состав Европарламента: прогнозы и результаты // *Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции* / под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. – Москва : ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, 2019. – С. 26–29. – DOI: 10.20542/978-5-9535-0559-8.

Гуселетов Б.П. Общеевропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы. – Москва : Институт Европы РАН, 2022b. – 196 с. – DOI: 10.15211/report22022_388.

Гуселетов Б.П. Политические трансформации в Польше: приведет ли смена правительства к смене курса // *Наука. Культура. Общество*. – 2024. – Т. 30, № 1. – С. 94–108. – DOI: 10.19181/nko.2024.30.1.7.

Гуселетов Б.П. Праворадикальные общеевропейские партии накануне общеевропейских выборов 2024 // *Актуальные проблемы Европы*. – 2023. – № 4. – С. 38–60. – DOI: 10.31249/ape/2023.04.03.

Клинова М.С. Националистические силы в Европарламенте 2019 // *Выборы*

в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции / под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. – Москва : ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, 2019. – С. 36–41. – DOI: 10.20542/978-5-9535-0559-8.

Ривера Э., Дэвис М., Буневич Д. «Идентичность и демократия» : ультраправые в Европарламенте / под ред. В.Ю. Крашенинниковой. – Москва : Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2019. – 54 с.

Федоров С.М. Французские выборы 2024: двойное поражение Макрона // *Аналитические записки Института Европы РАН*. – 2024. – № 16(348). – С. 5–11. – DOI: 10.15211/analytics31620240511.

Joannin P. Une poussée à droite mais la coalition majoritaire sortante devrait être reconduite // *Robert Schuman Foundation*. – 2024. – 10 juin. – Франц. яз. – URL: <https://www.robert-schuman.eu/questions-d-europe/752-une-poussee-a-droite-mais-la-coalition-majoritaire-sortante-devrait-etre-reconduite> (дата обращения: 20.12.2024).

Müller M. European Parliament seat projection (February 2024): EPP extends lead, far-right surge slowed down // *Foederalist.eu*. – 2024. – February 29. – URL: <https://www.foederalist.eu/2024/02/ep-seat-projection-february-2024.html> (дата обращения: 20.09.2025).

Persson T., Karlsson C., Mårtensson M. (2022). The influence of Eurosceptic challenger parties on mainstream party behaviour: Is oppositional behaviour contagious? // *Party Politics*. – 2022. – Vol. 29, N 1. – P. 100–111. – DOI: 10.1177/13540688211051.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.03

The Results of the Parliamentary Elections in the European Union and Its Leading Member States in 2019–2024: A New Stage in the Transformation of Party and Political Systems

Boris P. GUSELETOV

Dr. Sc. (Political Sciences), Chief Researcher

Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences

Mokhovaya Street, 11/3, Moscow, Russian Federation, 125009

E-mail: bguseletov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6256-5013

CITATION: Guseletov B.P. (2025). The Results of the Parliamentary Elections in the European Union and Its Leading Member States in 2019–2024: A New Stage in the Transformation of Party and Political Systems. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 5, pp. 42–58 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.05.03

Received: 21.09.2025.

Revised: 11.10.2025.

ABSTRACT. *The article analyzes the results of the national and pan-European parliamentary elections in the European Union and its leading member states: Austria, Germany, Italy, the Netherlands, Poland, Portugal, France, Sweden, Finland, held in 2019–2024, and their impact on the transformation of their party and political systems. According to the results of the study, the balance of power between pro-European and Eurosceptic forces represented in both national parliaments and the European Parliament has significantly changed in these countries, which has influenced their own future development and that of the European Union. Based on the election results, the author concludes that al-*

though pro-European forces (conservatives, socialists, liberals and greens) have retained a dominant role in the governments of their countries and in EU political institutions, dissatisfaction among a significant number of European citizens with the lack of democracy and transparency in the formation and activities of their leadership persists and, in some countries, is growing. Following the results of the 2024 Eurovision elections, the third largest right-wing conservative Eurosceptic group, Patriots for Europe, was formed in the European Parliament, declaring itself the main opposition force of the pro-European coalition. The most radical members of the European Parliament, united around the Alternative for Germany par-

ty, formed the even more rigidly eurosceptic Europe of Sovereign Nations group, which, although the smallest in number, may pose a great danger to Euro-optimists and their supporters in the future. In the near future, this may lead to real threats to the stability of the political institutions of the EU and its member states.

KEYWORDS: parties, elections, European Union, European Parliament, European Commission, national parliaments, national governments, Euro-optimists, Eurosceptics, populists.

References

- Alekseenkova E.S. (2023). *The Political Process in Modern Italy: Anthropology and Populism of the Era of the Second Republic*. Moscow: Institute of Europe RAS, 218 pp. (in Russian). DOI: 10.15211/9785981632136.
- Belov V.B. (2025). The April Coalition Theses of the CDU/CSU and the SPD. *Analytical Notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. No. 12 (380), pp. 12–18 (in Russian). DOI: 10.15211/analytics21220251218.
- Fedorov S.M. (2024). The French elections of 2024: Macron's double defeat. *Analytical Notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. No. 16 (348), pp. 5–11 (in Russian). DOI: 10.15211/analytics31620240511.
- Guseletov B.P. (2019). New composition of the European Parliament: forecasts and results. In: Kvashnin Yu.D., Kudryavtsev A.K., Pleuko N.S., Schweitzer V.Ya. (eds.). *Elections to the European Parliament – 2019: National responses to the dilemmas of European integration*. Moscow: IMEMO RAS, IE RAS, pp. 26–29. (in Russian). DOI: 10.20542/978-5-9535-0559-8.
- Guseletov B.P. (2022a). The results of the parliamentary elections in France and their impact on Russian-French relations. *Science. Culture. Society*. 2022, Vol. 23, no. 3, pp. 8–20. DOI: 10.19181/nko.2022.28.3.1.
- Guseletov B. (2022b). *Trans European Political Parties in 21st Century: Formation, Development and Prospects*. Moscow: Institute of Europe RAS, 196 pp. (in Russian). DOI: 10.15211/report2022_388.
- Guseletov B. (2023). Right-wing pan-European on the eve of the pan-European elections 2024. *Current Problems of Europe*. No. 4, pp. 38–60 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2023.04.03.
- Guseletov B.P. (2024). Political transformations in Poland: will a change of government lead to a change of course? *Science. Culture. Society*. 2024. Vol. 30, no. 1, pp. 94–108 (in Russian). DOI: 10.19181/nko.2024.30.1.7.
- Guseletov B.P. (2025). The results of the European and parliamentary elections in Austria in 2024: the growth of political instability and the strengthening and strengthening of the positions of right-wing radicals. *PolitBook*. No. 1, pp. 60–77 (in Russian). DOI: 10.24412/2227-1538-2025-1-62-74.
- Joannin P. (2024). A shift to the right, but the incumbent majority coalition is expected to be returned to power. *Robert Schuman Foundation*. June 10 (in French). Available at: <https://www.robert-schuman.eu/questions-d-europe/752-une-poussee-a-droite-mais-la-coalition-majoritaire-sortante-devrait-etre-reconduite>, accessed 20.12.2024.
- Klinova M.S. Nationalist forces in the European Parliament 2019. In: Kvashnin Yu.D., Kudryavtsev A.K., Pleuko N.S., Schweitzer V.Ya. (eds.). *Elections to the European Parliament – 2019: National responses to the dilemmas of European integration*. Moscow: IMEMO RAS, IE RAS, pp. 36–41 (in Russian). DOI: 10.20542/978-5-9535-0559-8.
- Müller M. (2024). European Parliament seat projection (February 2024): EPP extends lead, far-right surge slowed down.

Foederalist.eu. February 29. Available at: <https://www.foederalist.eu/2024/02/ep-seat-projection-february-2024.html>, accessed 20.09.2025.

Persson T., Karlsson C., Mårtensson M. (2022). The influence of Eurosceptic challenger parties on mainstream party behaviour: Is oppositional behaviour contagious? *Party Politics*. Vol. 29, no. 1, pp. 100–111. DOI: 10.1177/13540688211051.

Rivera E., Davis M., Bunevich D. (2019). *“Identity and Democracy”: The Ultra-right in the European Parliament*. Moscow: Institute for Foreign Policy Studies and Initiatives, 54 pp. (in Russian).

Vedernikov M.V. (2021). Parliamentary elections in the Czech Republic: the triumph of the opposition. *Scientific and Analytical Bulletin of IE RAS*. No. 5, pp. 68–76 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran520216876.

УДК 323:329(1*PL)
DOI: 10.31249/kgt/2025.05.04

Популизм и правые консервативные проекты в партийной системе Польши (1990–2025)

Анджей Артурович ГАБАРТА

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра иберийских исследований
Институт Европы РАН
ул. Моховая, д. 11, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 125009
E-mail: a.habarta@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-4236-3777

Елизавета Андреевна ГАБАРТА

преподаватель секции кафедры английского языка № 6 Факультета управления и политики
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
ул. Новоспортивная, д. 3, г. Одинцово, Московская область, Российская Федерация, 143007
E-mail: elisa.habarta@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2813-0571

ЦИТИРОВАНИЕ: Габарта А.А., Габарта Е.А. Популизм и правые консервативные проекты в партийной системе Польши (1990–2025) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 5. С. 59–81.
DOI: 10.31249/kgt/2025.05.04

Статья поступила в редакцию 23.10.2025.
Исправленный текст представлен 23.11.2025.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются истоки и траектория развития популистских проектов в партийной системе Польши в 1990–2025 гг., свидетельствующие о том, что в данной стране популизм возник в результате радикализации партий мейнстрима. Нарастание противоречий в польском обществе, неудовлетворенном результатами системных преобразований и неолиберальных реформ, привело к росту недовольства как национальными элитами, так и бюрократией.

Неспособность мейнстримных политических сил преодолеть накопившиеся кризисы подорвала их авторитет и способствовала росту популярности радикально-правых политических идеологий. Отмечается, что 2015 г. стал переломным моментом, когда миграционный кризис вывел на первый план вопросы безопасности и суверенитета, что обеспечило электоральный успех правоконсервативной повестки. Этот перелом был также связан с перераспределением влияния

внутри правого лагеря и консолидацией национал-консервативного блока вокруг партии «Право и Справедливость» («Пис»). Однако в 2023 г. популисты утратили монополию на исполнительную власть. Выборы 2025 г. не смогли положить конец популизму в Польше, а, напротив, привели к трансформации институциональных форм его присутствия. В статье также проводится анализ идейно-программного профиля популистских партий Польши с применением методологии Chapel Hill Expert Survey.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Польша, популизм, партийная система, национальная идентичность, «Право и Справедливость», Конфедерация.

Предпосылки зарождения польского популизма

В последние десятилетия популистские партии и движения стали одним из ключевых факторов трансформации партийно-политических систем в Европе. Польша в этом смысле представляет особый интерес. С одной стороны, она демонстрирует общие для Центральной и Восточной Европы тенденции, такие как рост поддержки правоконсервативных и евроскептических сил, поляризация вокруг вопросов идентичности, миграции и суверенитета. С другой стороны, польский опыт укоренен в долгой традиции «народнических» и республиканских представлений о народе, государстве и справедливости, формировавшихся еще в межвоенный период и в дискуссиях послевоенной эмиграции.

Современное понимание политической идеологии начало формироваться в период Американской войны за независимость (1775–1783) и Великой французской революции (1789–1799), когда изменились представления о том,

как устроено общество и откуда берется власть. Вместо власти монарха источником власти был признан народ [Steger, 2013]. При этом интеллектуальные корни идеологических споров уходят к античной политической мысли, но именно на рубеже XVIII–XIX вв. им была придана форма массовых политических доктрин. В этот момент идеологии были вынуждены конкурировать с религиозными доктринами и при этом во многом уподоблялись им, стремясь увязать этические, культурные и политические сферы жизни общества. Подобно религии, они оперировали понятиями «добро» и «зло», апеллировали к эмоциям и обещанию справедливого порядка. Нередко идеологии служили оправданием экономических интересов тех или иных классов и обеспечивали легитимность доминирующих властных групп. В то же время они вносили существенный вклад в формирование коллективных идентичностей. Идеология становилась всеобъемлющей системой убеждений, состоящей из упорядоченных идей и претензий на истину. Любая политическая система убеждений, однако, не может анализироваться в отрыве от конкретного исторического контекста.

Важно различать политические идеологии и популизм. Идеология выступает относительно устойчивой системой ценностей и представлений, существующей в течение долгого исторического периода. Популизм же представляет собой не самостоятельную идеологию, а специфический стиль и стратегию политического действия, которые могут встраиваться в разные идеологические модели. Посредством популистского дискурса радикализируются существующие идеологии. Они сосредотачиваются вокруг упрощенной дихотомии «народ против элит», обвинительных нарративов и обеща-

ния возвращения власти настоящему народу. В этом контексте народ понимается не как открытое и меняющееся гражданское сообщество, а как замкнутый, мифологизированный коллективный субъект, связанный общим происхождением, традициями и исторической судьбой, что изначально идет вразрез с либерально-демократическим, плюралистическим пониманием нации. Тем самым популизм сам по себе не заменяет идеологию, а делает уже существующие идеологии более эмоциональными и конфликтными. В дальнейшем, говоря о «популистских идеологиях», мы условно имеем в виду идеологические проекты правых и праворадикальных партий, в которых популистский дискурс становится ключевым механизмом радикализации и политической мобилизации.

После Второй мировой войны в общественном сознании Запада возникло ощущение разрыва с прошлым. Образы, люди и материальные потоки стали свободнее выходить за рамки национальных границ, что вело к размыванию представлений о национальном государстве как о сообществе, привязанном к четко очерченной территории с относительно однородным населением. Идентичности, основанные на национальной принадлежности, начали дестабилизироваться. Звучали идеи о конце идеологии. Противники данной теории отмечали рост новых идеологий, связанный с процессами деколонизации и подъемом новых общественных движений.

Расширяющиеся и усиливающиеся связи между государствами в современном мире, свидетельствующие о происходящих глобализационных процессах, неизменно ведут к формированию новых космополитических и гибридных идентичностей, а также к трансформации политических систем убеждений и идеологического

ландшафта [Osterhammel, 2013]. Существенные аспекты ключевых идеологий модерности были отброшены или гибридизированы с новыми понятиями. Вызванные глобализацией социальные изменения разделили население мира на победителей, извлекающих выгоду из растущей открытости во всех сферах, и проигравших, для которых глобализация напрямую сопряжена с рисками.

Апологеты англосаксонского рыночного глобализма (неолиберализма), ставшего в 1990-е годы всеобъемлющей идеологией, увидели в глобализации безликую машину, которая рано или поздно поглотит весь мир и будет способствовать распространению либеральной демократии. Рыночный глобализм впитал элементы «великих» идеологий и привнес новые идеи. В результате была сформирована новая политическая система убеждений. Ее главными положениями стали глобализация как либерализация и глобальная интеграция рынков, неизбежность и необратимость глобализационных процессов, отсутствие руководящего центра глобализации, повсеместная выгода от нее, распространение демократии и требование ведения глобальной борьбы с терроризмом. Другие модели экономической организации дискредитировались.

Однако ни одна идейная система не обладает абсолютным доминированием. К концу XX в. рыночный глобализм столкнулся с вызовом слева, который иногда именуют «глобализмом справедливости», и справа – со стороны религиозных глобализмов, в русле которых религиозные убеждения следует рассматривать как неотъемлемую часть ряда глобальных идеологий.

Именно на этой почве разрыва между обещаниями глобализации и повседневным опытом значительных групп населения в политике снова на первый

план вышли вопросы принадлежности, границ и самоуправления. Универсалистская риторика уступила место языку суверенитета и коллективной самости, а базовым понятием легитимности вновь стало понятие «нация-государство». Национализм возник в Западной Европе и Америке во второй половине XVIII в. в качестве идеологического движения ради достижения и поддержания благосостояния нации. В это время идеи начали обретать воплощение в виде притягательных лозунгов, которые отвечали интересам и устремлениям народа, привязывая их тем самым к той или иной политической программе. Нельзя не отметить, что рассмотрение национализма в качестве идеологического движения неизбежно ведет к вопросу о возможности его рассмотрения одновременно в виде самостоятельной политической идеологии и общего источника вдохновения для разнообразных политических систем убеждений. Сторонники «надстраивающегося» понимания национализма, такие как Бенедикт Андерсон, возражали против трактовки национализма как отдельной идеологии и видели в нем ключевой компонент современного социального воображаемого, фон коллективного бытия [Steger, 2013]. Сегодня распространено представление, что политические общества, претендующие на легитимность, оформляются как национальные государства, а нация служит центральным элементом любого политического сообщества. В начале XXI в. национальная идея всё чаще соединялась с популистской логикой, то есть с противопоставлением «настоящего народа» коррумпированным элитам и внешним врагам как средством политической мобилизации в условиях социально-экономической и культурной неопределенности [de Cleen, 2017]. Применительно к странам Центральной и Восточной Европы

(ЦВЕ), в частности к Польше, целесообразно сочетать эти подходы: популизм не создает законченной системы взглядов, но задает специфическую моральную основу, которая может быть встроена в правоконсервативные, либеральные или иные идеологические проекты. В польском случае эта база накладывается прежде всего на правоконсервативную и национал-католическую повестку, сторонники которой воспринимают глобализацию и европейскую интеграцию как угрозу культурной и политической самобытности [Неменский, 2018].

Как только население государств ЦВЕ стало сталкиваться с тяготами переходного периода после крушения коммунизма, реакция против элит стала неизбежной. Исходящие от властей инициативы по реформированию всей государственной системы и недовольство населения позволили популистам оперировать простыми, но при этом убедительными нарративами вины, солидарности и морального утешения. В связи с этим популизм с радикальных позиций можно рассматривать как ответ на либеральную политику посткоммунистического переходного периода [Stanley, 2017]. В польском случае трансформационный кризис сопровождался длительным поиском устойчивой партийной архитектуры и перераспределением позиций внутри политической элиты, сформировавшейся на стыке бывшей номенклатуры и оппозиции времен «Солидарности» [Жуковский, 2011].

Преобладание радикально правых форм популизма в Западной Европе изначально побуждало исследователей сосредоточиться на потенциале возникновения именно такого популизма в ЦВЕ. Ожидалось, что, так как переход к демократии был навязан населению сверху в виде политического проекта, популизм станет неотъемлемой чертой

политики в посткоммунистический период на фоне ухудшения экономической ситуации.

Первоначально популизм ассоциировался со страхом, что демагоги попытаются извлечь выгоду из недовольства населения последствиями реформ переходного периода. Однако при новых партийных системах он позволил агрегировать поддержку различных групп населения, недовольных курсом мейнстримных партий. Согласно центристской теории, популисты пользуются неудовлетворенностью населения политиками, но не отвергают политический курс перехода как таковой.

Если сторонники теории радикального популизма исходят из того, что партийная политика ЦВЕ со временем станет более идеологически структурированной при существенной роли популизма в этом процессе, то центристы утверждают, что в сравнении с Западной Европой партийная политика ЦВЕ отстает, при этом популистские партии будут более умеренными. Апологеты центристского подхода уверены, что наследие коммунизма тормозило развитие идеологически дифференцированных политических партий, при этом большинство из них в регионе создавалось сверху вниз и обладало рыхлыми организационными структурами.

Гражданам бывших коммунистических стран свойственен политический цинизм, что в наше время ведет к антиидеологическим и антипартийным настроениям, а также появлению установок «мы против них». Население не согласно не с идеологией партий истеблишмента, а с самим фактом их доминирования. По мнению центристов, всё это стало благодатной почвой для нахождения популизма в центре партийных систем ЦВЕ. Партии с запятнанной репутацией могли апеллировать к народу против якобы корруп-

пированных и некомпетентных элит мейнстрима.

Практический опыт показывает, что как радикальная, так и центристская теория популизма были верны. И несмотря на доминирование мейнстримных партий, в регионе ЦВЕ есть множество примеров успеха движений обеих категорий.

В начале переходного периода в странах ЦВЕ радикальные популисты в одиночку вели борьбу с элитами от лица простого народа, но всё же их привлекательность для электората была ограниченной. Кроме того, они сталкивались ровно с теми же проблемами, что и партии мейнстрима, а именно с недолговечностью, непрочной организацией и фракционностью. Большинство партий первой волны радикально правого популизма не смогли консолидироваться и заручиться прочной поддержкой населения.

Кейс Польши показывает, что популистские проекты развиваются не на пустом месте. Межвоенные дискуссии между национал-демократами и санацией, полемика вокруг моделей польского государства на страницах журнала *Kultura* в 1970–2000-е годы, а также опыт «Солидарности» как массового, но не партийного движения с сильной «народнической» составляющей закрепили приоритет консервативно-католического и национал-демократического дискурса как ключевого канала артикуляции массовых ожиданий [Лыкошина, 2016; Неменский, 2018]. Эта конфигурация расколов задолго до 1989 г. сформировала устойчивое противостояние двух конкурирующих проектов польского государства, что в последующие десятилетия закрепились в образе «польско-польской войны» [Лыкошина, 2015a]. На этом фоне перелом 1989 г. и переход к рыночной демократии сопровождались как появлением харизматических, вне-

системных популистов (например, кандидатуры С. Тыминьского на президентских выборах 1990 г.), так и постепенным становлением более устойчивых партийных форм.

«Народ против элит»: генезис польских популистских партий

Зарождение и становление популистских партий в Польше в 1990-е и начале 2000-х годов тесно связано с институциональной турбулентностью переходного периода и особенностями расколов посткоммунистического общества. На раннем этапе, после 1989 г., ключевым был раскол по линии «бывшие коммунисты – бывшие диссиденты». Доминировали элиты и диссиденты коммунистического периода, которые в новой системе стали равноправными игроками. При этом все основные политические силы, несмотря на различия, разделяли мнение о необходимости демократических реформ в политике и либеральных реформ в экономике. Открытая антисистемная критика демократического порядка и рыночных преобразований не наблюдалась [Stanley, 2018]. Популистские акторы существовали на периферии, но оставались маргинальными, объединялись с более крупными партиями или не проходили в общенациональный парламент [Sikk, 2012; Stanley, 2017].

На первых демократических парламентских выборах 1991 г. были зафиксированы радикальное дробление партийной системы и кризис доверия к элитам «Солидарности». В Сейме оказался широкий спектр малых и ситуативных партий, от националистической «Конфедерации независимой

Польши» до откровенно протестной Партии любителей пива, набравшей почти 3% голосов¹. Это отражало низкую институционализированность партий, их неумение идти на компромисс и высокую электоральную волатильность [Буневич, 2021b]. Партии дробились, раскалывались, исчезали и возникали вновь, а избиратели легко переносили предпочтения от одной силы к другой [Sikk, 2012]. Такая конфигурация, с одной стороны, ослабляла возможности для устойчивой популистской мобилизации, с другой – закладывала привычку к протестному голосованию и скепсис по отношению к любым элитам, что в перспективе способствовало восприятию риторики «народ против элит». Политический класс первых лет посткоммунистической Польши представлял собой консенсусную элиту, в которой бывшая номенклатура и активисты «Солидарности» сходились в поддержке курса на либеральную демократию и рыночные реформы, сохраняя при этом различия в социальном происхождении и политическом опыте [Жуковский, 2013; Лыкошина, 2016].

На парламентских выборах 1993 г. значительный успех одержали посткоммунистические левые силы. Коалиция «Союза демократических левых сил» (СДЛС) и Польской крестьянской партии (ПКП) сформировала правительство, предложив избирателям повестку стабилизации и социальной защиты в рамках продолжения рыночных реформ. В последующее десятилетие левый лагерь занимал ключевые позиции в политической системе. Александр Квасьневский дважды выигрывал президентские выборы, а в 2000 г. стал единственным по-

1 Obwieszczenie Państwowej Komisji Wyborczej z dnia 31 października 1991 r. o wynikach wyborów do Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej, przeprowadzonych w dniu 27 października 1991 r. // Monitor Polski. – 1991. – N 41. – Pozycja 288. – Пол. яз. – URL: <https://dziennikustaw.gov.pl/MP/1991/s/41/288> (дата обращения: 20.11.2025).

литиком посткоммунистической Польши, победившим уже в 1-м туре с результатом около 54%. В 2001 г. партия СДЛС под руководством Лешека Миллера получила порядка 41% голосов на парламентских выборах. Именно в период президентства Квасьневского и премьерства Миллера Польша была принята в НАТО и Европейский союз. В то же время коррупционные скандалы, внутренние расколы и противоречия реформ подрывали доверие к левым силам и открыли пространство для правых и правопопулистских проектов. Этот результат был во многом связан с усталостью общества от непрерывных рыночных реформ и социальной ценой трансформации, но не означал отказ от либерально-демократического курса. Напротив, ведущие силы по-прежнему сходились на необходимости продолжения реформ, хотя и предлагали различные темпы и модели их реализации. В то же время политическая сцена оставалась крайне конфликтной, споры вокруг люстрации, «права на прошлое» и оценки Польской Народной Республики усиливали поляризацию общества и подталкивали часть электората к более резким, антиэлитистским альтернативам [Jasiewicz, 2009; Markowski, 2010].

Правоцентристское правительство Ежи Бузека (1997–2001), опиравшееся на коалицию Избирательной акции «Солидарность» и ее партнеров, воплотило в жизнь четыре крупные реформы: административную, пенсионную, реформу системы образования и здравоохранения. Эти преобразования радикально изменили правила игры и усилили конфликт вокруг распределения издержек переходного периода. Параллельно была официально закреплена «политика памяти». В 1998 г. был принят закон об Институте национальной памяти, создавший публично-правовой каркас для борьбы за ин-

терпретацию прошлого. Сочетание масштабных реформ «сверху» и проведение политики памяти модернизировало государство, но одновременно усилило запрос на политиков, «говорящих языком нравственного возмездия, декоммунизации» и «восстановления справедливости» [Flis, Kwiatkowska, 2018]. Тем самым постепенно формировалась почва для того, чтобы будущий проект «Права и Справедливости» вписал лозунги «закона и справедливости» в более широкие популистские лозунги.

Польша на рубеже веков характеризовалась сочетанием высокой электоральной и партийной волатильности со сравнительно низкой политической значимостью популистских акторов, не связанных с правящими элитами. Раскол по линии «бывшие коммунисты против бывших диссидентов» постепенно истощивал мобилизационный потенциал, однако по инерции оставался главной линией политического соперничества. Партии мейнстрима, несмотря на конкуренцию, сохраняли базовый консенсус относительно демократических процедур и рыночной экономики, что ограничивало пространство для открытой антисистемной риторики [Stanley, 2018]. Вместе с тем накопление социального недовольства, рост безработицы, ощущение несправедливости распределения выгод и издержек модернизации и тревога по поводу дальнейшего пути страны после окончания переходного периода создавали эмоционально-идеологический фон, благоприятный для последующего подъема популизма [Millard, 2006].

Выборы 2001 г. стали отправной точкой укоренения популистских партий в польской партийной системе. Наряду с новой либерально-центристской «Гражданской платформой» (ГП, 12,7% голосов) в Сейм вошли аграрно-про-

тестная «Самооборона Республики Польша» Анджея Леппера (10,2% голосов) и национал-католическая «Лига польских семей» (7,9% голосов)². Правый фланг заняла созданная братьями Качиньскими национал-консервативная партия «Право и Справедливость» (9,5% голосов). Впервые аграрно-протестный и национал-консервативный популизм получили устойчивое парламентское представительство [Stanley, 2018; Жуковский, 2011; Немецкий, 2018]. «Самооборона» сочетала левые социальные требования, такие как списание долгов фермеров и защита от приватизации, с националистическими мотивами и эпатажным стилем Леппера, образ которого строился на противостоянии простого крестьянина коррумпированному истеблишменту. «Лига польских семей» предлагала жесткий «национально-католический» курс, тесно связанный с окружением «Радио Мария», и мобилирующий электорат вокруг традиционной морали и защиты католической идентичности [Ploski, 2016; Жуковский, 2011; Немецкий, 2018]. «ПиС» в этот период выступала как умеренно консервативная, национал-либеральная сила, акцентируя внимание на декоммунизации, люстрации и борьбе с коррупцией, но еще не являясь откровенно популистской партией [Millard, 2006; Stanley, 2017].

Руководство СДЛС и ПКП (2001–2005), возникшее как «левый реванш» после периода доминирования правого лагеря, столкнулось с затяжными коррупционными скандалами, что привело к падению доверия со стороны населения к правящим кругам. Вступление Польши в Европейский союз в 2004 г.

вызвало краткий всплеск оптимизма, но не сняло структурных напряжений. Часть общества воспринимала европейскую интеграцию и проводимую элитами политику как угрозу национальной и социальной справедливости. Общенациональное беспокойство о дальнейшем векторе развития после окончания переходного периода, тревога и недоверие к элитам усиливали чувствительность избирателей к популистским лозунгам [Millard, 2006; Stanley, 2018]. В этих условиях «Самооборона» и ЛПС выражали интересы проигравших от трансформации, критикуя элиты переходного этапа за рост неравенства и зависимость от внешних центров силы, тогда как «ПиС» постепенно училась заимствовать их язык и темы.

К 2005 г. оформилась конкуренция между партиями «Право и Справедливость» и «Гражданская платформа» на фоне ослабления левых сил и стабилизации спроса на простые решения. Парламентские выборы 2005 г. принесли победу правоконсервативным и популистским силам. В Сейм прошли «ПиС» (27% голосов), ГП (24,1%), «Самооборона» (11,4%) и ЛПС (8%)³. Сразу после выборов «Право и Справедливость» сформировала правительство меньшинства под руководством Казимежа Марцинкевича (31 октября 2005 г.). В 2006 г. партия заключила коалиционное соглашение сначала с «Самообороной» и «Национальной парламентской группой», а позднее к коалиции присоединилась и «Лига польских семей». Концепция «Четвёртой Речи Посполитой», разработанная «ПиС» еще в ходе парламентской кампании 2005 г. как набор тезисов,

2 Wybory do Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej i Senatu Rzeczypospolitej Polskiej 23 września 2001 // Państwowa Komisja Wyborcza (PKW). – Пол. яз. – URL: https://wybory2001.pkw.gov.pl/sjw1_k.html (дата обращения: 20.11.2025).

3 Wyniki wyborów do Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej przeprowadzonych w dniu 25 września 2005 r. // Państwowa Komisja Wyborcza (PKW). – Пол. яз. – URL: <https://wybory2005.pkw.gov.pl/SJM/PL/WYN/W/index.htm> (дата обращения: 20.11.2025).

предполагающих усиление президентских полномочий, реформу судебной системы и переопределение принципа разделения властей, зафиксирована в программных материалах партии и служила идеологическим обоснованием курса на «очищение» государства и завершение посткоммунистического переходного периода⁴. Лозунги закона и справедливости и очищения элит трансформировались в курс на люстрацию, усиление исполнительной власти и установление более строгих моральных стандартов управления. Символом эпохи стала метафора «две Польши»: «солидарная Польша» (традиционалистская, провинциально-религиозная) и «либеральная Польша» (урбанистическая, проевропейская) [Szczerbiak, 2007]. Она описывала не только различия электоральной географии, но и устойчивые расколы по типу поселения, уровню образования, отношению к рынку и европейской интеграции [Jasiewicz, 2009; Markowski, 2010]. Именно представление о существовании «двух Польш» сформировало устойчивую институциональную и ценностную траекторию развития польской политики, в рамках которой последующие кампании, включая выборы 2015 г., всё чаще воспринимались как очередной «решающий бой» между двумя лагерями, а не как обычный электоральный цикл [Markowski, 2016; Tworzecki, 2019].

Начиная с середины 2000-х годов две правые партии стабильно контролировали около 4/5 мандатов в Сейме и подавляющее большинство мест в Сенате, что позволяет говорить о формировании системы с двумя доминирующими партиями и характерной для нее «тяге к двухпартийности» [Путинцев, 2023].

Правый популизм в Польше в 2015–2023 гг.: институционализация и трансформация

Период нахождения «Права и Справедливости» в оппозиции (2007–2015) стал для партии временем выстраивания специфической комбинации популистской и национально-консервативной повестки. После поражения на выборах 2007 г. партия системно работала с темой «преданной солидарной Польши» и моральной деградации элит, формируя образ либеральной Польши как страны коррумпированного истеблишмента и чуждых ценностей. Центральное место в этой стратегии заняла катастрофа под Смоленском 10 апреля 2010 г., в которой погибли президент Лех Качиньский и часть высшего руководства страны. «ПиС» интерпретировала катастрофу не только как национальную трагедию, но и как символ жертвенности истинных патриотов и безразличия правящей элиты, что позволило выстроить вокруг памяти о Смоленске устойчивую систему политико-религиозных ритуалов и символов: регулярные мессы, годовщины, марши памяти и риторика «незавершенной миссии» [Буневич, 2021a; Markowski, 2019]. Такой подход укреплял мессианский образ Ярослава Качиньского как лидера, который продолжает дело погибшего брата и выражает голос народа.

Одновременно руководство «Гражданской платформы» во главе с Дональдом Туском (2007–2014) ассоциировалось с периодом экономического роста, углубления европейской интеграции и модернизации инфраструктуры. Однако позитивные макроэкономические показатели не устраняли

4 Prawo i Sprawiedliwość: Program 2005. IV Rzeczpospolita Sprawiedliwość dla Wszystkich. – Warszawa: Prawo i Sprawiedliwość, 2005. – Пол. яз. – URL: https://pislegionowo.pl/Pliki/Dokumenty_PiS/program_2005.pdf (дата обращения: 20.11.2025).

структурных проблем. Сохранились региональные и социальные диспропорции, устойчиво высокими оставались культурные и ценностные расколы между крупными городами и провинцией, усиливалась миграция молодежи в Западную Европу. Либеральные партии к этому моменту утратили значительную часть прежней социальной базы и не смогли предложить убедительную альтернативную повестку, способную конкурировать с комбинацией идентичностного консерватизма и патерналистских социальных программ [Михалев, 2018].

Либеральная повестка ГП воспринималась значительной частью консервативного и провинциального электората как чуждые нормы, а часть реформ – как угроза социальной безопасности. В сочетании с накопившейся усталостью от многолетнего пребывания ГП у власти это создавало благоприятный фон для популистской критики высокомерных и оторванных от общества элит Варшавы и Брюсселя [Markowski, 2016]. Длительное пребывание у власти, внутренняя фрагментация и кризис лидерства после перехода Д. Туска на работу в европейские институты постепенно подрывали способность «Гражданской платформы» удерживать статус партии праволиберального центра [Михалев, 2018].

Переломным годом в польской политике стал 2015 г., хотя в экономическом плане ситуация выглядела относительно благополучной. За электоральный цикл 2011–2015 гг. в стране вырос ВВП, уменьшилось неравенство, укрепился авторитет Польши в ЕС, а около 70% респондентов, по данным польского Центра исследования общественного мнения (CBOS), заявляли об удовлетворении уровнем жизни и собственным благосостоянием [CBOS, 2015a]. Президентские и парламентские выборы 2015 г.

стали триумфальным возвращением «Права и Справедливости» к власти и зафиксировали правый поворот в партийной системе «Третьей Речи Посполитой» [Лыкошина, 2015b]. Выборы 2015 г. были в меньшей степени «экономическими» и во многом превратились в плебисцит по вопросам самоопределения, идентичности, отношения к прошлому и месту Польши в Европейском союзе. На этом фоне еще ярче проявилась хроническая для польской политики проблема глубокого недоверия к элитам и партиям, слабая идентификация граждан с существующими политическими силами и растущая озабоченность воздействием глобальных процессов на польское общество [CBOS, 2013; CBOS, 2014]. В 2015–2023 гг. правоконсервативный лагерь превратил разрозненные популистские импульсы в устойчивый, опирающийся на социальные трансферты и националистический дискурс проект долговременного доминирования, сопровождаемый эрозией механизмов сдержек и противовесов [Ябборовская, 2016; Путинцев, 2023].

Внешним катализатором популизма стал сирийский миграционный кризис и инициатива ЕС по введению общеевропейских квот на прием беженцев, интерпретированные национал-консервативным лагерем как символ навязанной солидарности и утраты контроля над собственными границами [Глухова, Савенков, 2019]. Тема миграции, ранее периферийная для политической повестки стран ЦВЕ, стремительно вышла на первый план [CBOS, 2015a; CBOS, 2015b]. Одноименное движение польского музыканта Павла Кукиза «Кукиз'15» сумело соединить общеевропейский кризис доверия к истеблишменту с польским недоверием к партийной системе. На президентских выборах 2015 г. сам П. Кукиз как протестный канди-

дат получил 20,8% голосов и занял 3-е место⁵, что обеспечило ему статус выразителя антипартийного и антиэлитного протестного электората. На парламентских выборах его движение, принципиально не регистрировавшееся как партия и выступавшее против доминирования в политике двух крупнейших партий, «ПиС» и «Гражданской платформы», построило кампанию вокруг отказа от общеевропейских квот, требования вынести вопрос о беженцах на референдум и жесткой критики немецких инвестиций. Это позволило «Кукиз'15» пройти в Сейм и стать 3-й политической силой, закрепив тренд на популизм [Millard, 2016]. Через списки этого движения в парламент впервые после 1989 г. прошла более организованная группа радикальных националистов, связанных с «Национальным движением» и средой молодежного национализма, что усилило присутствие националистической повестки [Лыкошина, 2016].

Дополнительным фактором усиления праворадикальных акторов стало активное использование социальных сетей и цифровых платформ для мобилизации сторонников и распространения антиэлитистских и евроскептических посланий. Исследователи отмечают, что правый популизм в Польше в 2010-е годы всё чаще опирался на соцсети, что особенно заметно в предвыборных кампаниях право-консервативных сил и их союзников [Lipiński, Stępińska, 2018].

«Право и Справедливость», столь же резко критиковавшая схему обязательного распределения беженцев между странами ЕС, воспользовалась и общеевропейской волной правопопулистских настроений, и накопленным недовольством польским

истеблишментом постсоциалистического периода. Победа Анджея Дуды на президентских выборах и успех «ПиС» на парламентских выборах 2015 г. закрепили «правый поворот» польской политической системы. Эти выборы стали первыми в новейшей истории страны, когда победившая партия смогла самостоятельно сформировать правительство. Коалиция «ПиС» с небольшими союзниками («Польша вместе», «Солидарная Польша») получила около 52% мест в Сейме [Szczerbak, 2017]. Существенная часть традиционного электората Польской крестьянской партии, сельские жители и аграрии были перехвачены «ПиС» благодаря энергичной мобилизационной стратегии, апелляциям к солидарной и традиционной Польше и обещанию более справедливого перераспределения богатства [Markowski, 2016].

Уже в 2015 г. «Право и Справедливость» стала самой внутренне сплоченной и внешне закрытой партией. Ее сторонники демонстрировали одновременно высокое одобрение своей партии и выраженное неприятие всех остальных политических сил, тогда как у конкурентов наблюдалось недоверие и к собственным, и к чужим партиям [Tworzecki, 2019]. Именно эта конфигурация политического ландшафта, сочетание глубокого недоверия к остальным элитам и благоприятной международной конъюнктуры правопопулизма создали для «ПиС» возможность не только для смены курса, но и для изменения институциональных основ польской демократии. Уже в первые годы правления партия начала модернизацию конституционной архитектуры в логике правопопулистского конституционализма: подчинение

5 Wybory do Sejmu i Senatu Rzeczypospolitej Polskiej 2015 // Państwowa Komisja Wyborcza (PKW). – Пол. яз. – URL: https://parlament2015.pkw.gov.pl/349_Wyniki_Sejm/0/0/1.html (дата обращения: 20.11.2025).

Конституционного Суда и судебной системы политическому большинству, реформу Национального судебного совета, изменение правил назначения судей Верховного Суда, реформу Национального совета по радиовещанию и телевидению и усиление контроля над государственными СМИ, а также перераспределение государственной поддержки в пользу лояльных СМИ [Markowski, 2019]. Параллельно запуск флагманской программы «500+» (ежемесячная выплата 500 злотых на ребенка), поэтапное снижение пенсионного возраста и введение «13-й пенсии» для пенсионеров позволили «ПиС» закрепить образ защитника обычных поляков и перевести правый популизм из разряда протестного движения в устойчивый, институционально закрепленный проект.

Сочетание жесткой идентичностной политики с адресной социальной повесткой сформировало так называемую клиентелистскую модель власти. Часть общества стала воспринимать социальные трансферты и преференции как награду за политическую лояльность, а критику институтов верховенства права и независимых СМИ – как элемент борьбы против «чуждых» элит [Markowski, 2019]. При этом институциональные изменения, предпринятые «ПиС» в 2015–2019 гг., имели долгосрочный характер. Даже смена правительства не позволила автоматически восстановить баланс ветвей власти, поскольку ключевые позиции в судах, органах надзора и публичных СМИ остаются заняты лояльными кадрами.

Парламентские выборы 2019 г. подтвердили устойчивость правопопулистов. «Право и Справедливость» сохранила большинство в Сейме, хотя и проиграла оппозиции в Сенате, что сделало верхнюю палату ареной борьбы за контроль [Markowski, 2020].

На правом фланге закрепились новая сила – «Конфедерация свободы и независимости», объединившая либертарианские, националистические и ультраконсервативные группировки. Если «ПиС» представляет собой правую партию с заметным социальным компонентом и акцентом на национальном суверенитете, то «Конфедерация» выступает за ультра рыночную, антиперераспределительную модель, сочетающую жесткий евроскептицизм с радикальной антииммиграционной и антилиберальной риторикой. В результате в польской политике оформилось фактическое противостояние двух вариантов правого популизма: проекта партии «Право и Справедливость», который поэтапно усиливает концентрацию власти и опирается на социально-патерналистскую повестку, и проекта «Конфедерации», характеризующегося более жесткими рыночными установками и сильным акцентом на национальной идентичности, которые вместе сдвигают политический дискурс вправо и сокращают пространство для компромиссов по ключевым вопросам повестки [Markowski, 2020].

2020–2023 гг. стали временем усиления поляризации и наслоения новых кризисов на уже существующую институциональную конфигурацию. Пандемия COVID-19 сопровождалась конфликтами вокруг ограничений, организации выборов и качества государственного управления. На президентских выборах 2020 г. Анджей Дуда переизбрался с минимальным перевесом, что подтвердило раскол общества между лагерем правопопулистской правительственной коалиции и либерально-оппозиционным блоком [Markowski, 2020]. Решение Конституционного Суда по вопросу абортосенью 2020 г. спровоцировало крупнейшую волну протестов за весь период правления «ПиС», особенно среди

женщин и молодежи крупных городов, и продемонстрировало, что популистский курс не только мобилизует сторонников, но и радикализирует противников [Tworzecki, 2019].

На этом фоне показателен кейс протестов польских аграриев в 2023–2024 гг., связанных с поставками украинского зерна после начала специальной военной операции на Украине. Общая для ЕС проблема функционирования зернового рынка и санкционной политики в польской повестке была переосмыслена через призму защиты польского крестьянина от несправедливой конкуренции и давления Брюсселя. Разные партии предлагали разные варианты разрешения проблемы – от временного запрета импорта и расширения субсидий до радикального пересмотра правил торговли в ЕС, но все они апеллировали к популистским лозунгам, противопоставляя обычных производителей далеким от реальности элитам.

Конфликт с институтами ЕС по вопросам верховенства права, независимости судов и свободы СМИ усиливал ощущение, что польская политическая система вошла в фазу длительного противостояния между правопопулистским проектом и либерально-демократическим пониманием конституционного строя. Оспаривание приоритетности права Евросоюза, критика брюссельских элит и опора на образ «Европы наций» превратили этот конфликт в часть более широкого национал-консервативного поворота во внешней политике Польши и переконфигурации союзов в Центральной Европе [Клемешев, Ворожеина, 2018]. Выборы 2023 г. привели к смене парламентского большинства и формированию правительства либерально-центристской оппозиции. Итогом выборов стало не столько резкое сокращение поддержки «Права и Справедливости», сколько утрата коалиционного потен-

циала и формирование большинства трех оппозиционных сил, консолидировавшихся вокруг задачи отстранения прежнего правительства [Михалев, 2023]. «ПиС» смогла сохранить статус крупнейшей отдельной партии, а президент, избранный в 2025 г., остается ключевым актором, способным блокировать или тормозить реформы.

Анализ идейно-программного профиля правых партий

В последние годы значительная часть политических публикаций в польских СМИ демонстрирует явную ангажированность, особенно это актуально в предвыборные периоды. Из-за несинхронных сроков полномочий (4–5 лет) в Польше фактически сложился «длинный избирательный цикл». Почти раз в год или два проходят крупные избирательные кампании: местные, парламентские, выборы в Европейский парламент и президентские. Следующими выборами в Польше станут парламентские: если нынешнее коалиционное правительство, состоящее из представителей партии «Гражданская платформа» Д. Туска и его партнеров по коалиции («Третий путь» и «Левые»), сможет проработать до окончания своего мандата, то выборы в Сейм должны пройти в 2027 г.; если коалиция распадется, то, возможно, это наступит уже в 2026 г. В такой ситуации становится трудно найти беспристрастные аналитические обзоры партийной сцены, поскольку многие редакции занимают четкие политические позиции. Чтобы минимизировать влияние медийной поляризации и получить сопоставимую картину польского политического ландшафта, в данной работе используется методология *Chapel Hill Expert Survey (CHES)*. Такой инструментарий дает более нейтральную основу для анализа правых и популистских сил в Польше.

Проект *Chapel Hill Expert Survey* представляет собой серию экспертных опросов о позициях политических партий Европы, в рамках которых в каждой стране оцениваются политические партии по шкале «лево – право», а также по отношению к европейской интеграции, экономической и социальной политике, миграции, экологической политике. Индикаторы сопоставляются между избирательными волнами, что позволяет строить тренды по политическим партиям и странам с 1999 г.⁶ С 2002 г. в проект *Chapel Hill Expert Survey* была включена Польша.

Экспертные опросы *Chapel Hill Expert Survey* считаются надежным источником данных об идейно-программном профиле политических партий и позволяют проводить сравнительные исследования на больших выборках. Благодаря тому, что существующие партии изучаются циклично раз в несколько лет, существует возможность сопоставлять позиции партий в более длительный временной отрезок.

Исследователи CHES измеряют позиции партий по нескольким осям: общей («лево – право»), экономической и мировоззренческой GAL-TAN (*green, alternative, libertarian* против *traditional, authoritarian, nationalist*). Эксперты оценивают партии по шкале от 0 до 10, где 0 – крайние левые взгляды, 10 – максимально правые позиции. Аналогично оцениваются экономические взгляды, где 0 – за активное вмешательство государства, 5 – центр, 10 – за свободный рынок. Здесь учитывается отношение к приватизации, налогам, дерегулированию, сокращению расходов и элементов социального государства. Шкала GAL-TAN также оценивается от 0 до 10, где 0 – либертари-

анские, постматериалистские позиции (расширение личных свобод, включая аборт, разводы, однополые браки), 5 – центр, 10 – традиционные, авторитарные установки, где упор делается на порядок, традиции и роль государства как морального арбитра⁷.

Согласно данным экспертных опросов *Chapel Hill*, в экономическом плане «Право и Справедливость» стабильно занимает позиции правой партии, совмещающая рыночные подходы с выраженным социальным компонентом – признанием активной роли государства в снижении уязвимости домохозяйств и поддержке национальных производителей. На культурной оси партия демонстрирует устойчиво высокий TAN-профиль, подчеркивая ценность традиций, католицизма и национального суверенитета. Критика Брюсселя и отсылки к «Четвёртой Речи Посполитой» используются как инструмент давления на оппонентов и внутриполитической мобилизации. Популизм «ПиС» проявляется в резкой критике либеральных и посткоммунистических элит, делегитимации оппонентов и постоянном противопоставлении настоящих поляков космополитическим городским массам. В польской научной литературе всё чаще подчеркивается, что тем самым партия приобретает черты «неоавторитарного проекта». Политика описывается как поле непримиримой борьбы «своих» и «чужих», а демократические институты рассматриваются прежде всего через призму их лояльности или нелояльности «воле народа» [Gdula, 2018; Markowski, 2018].

Эволюцию идейно-программного профиля «Права и Справедливости» условно можно разделить на несколько этапов. На первом этапе (2001–2005) партия выступала как умеренно кон-

6 Chapel Hill Expert Survey. – URL: <https://www.chesdata.eu> (дата обращения: 01.10.2025).

7 Ibid.

сервативная сила, сочетающая национально-либеральные экономические позиции с акцентом на декоммунизацию и люстрацию. Второй этап (2005–2007) связан с участием в правительственной коалиции с «Самообороной» и ЛПС и усилением популистской риторики вокруг проекта «Четвёртой Речи Посполитой». Третий этап (2007–2015) – оппозиционный, он характеризовался наращиванием правопопулистской повестки, использованием темы Смоленска и «преданной Польши», укреплении связей с католическими средствами массовой информации (СМИ) и консервативными кругами. Наконец, после 2015 г. популистский стиль «ПиС» начал сочетаться с усилением централизации власти и ослаблением независимых институтов. Партия усилила акцент на исключительном праве народа говорить от имени Польши, а также на необходимости очищения институтов от посткоммунистических и либеральных веяний. [Markowski, 2018]. Эту динамику подтверждают и изменения в программных документах партии. В материалах предвыборной кампании 2005 г. доминировали отсылки к завершению переходного периода, борьбе с коррупцией и построению «Четвёр-

той Речи Посполитой». В программах последующих лет всё более выраженными становились темы социальной справедливости, критики либеральных реформ и защиты семей, а к 2015–2019 г. центральное место заняли конкретные обещания перераспределить доходы (прежде всего программа «500+») в сочетании с риторикой защиты национального суверенитета и традиционных ценностей⁸.

Однако именно различия между основными правыми силами формируют внутреннюю динамику правого лагеря Польши. В экономическом плане «ПиС» представляет собой правую партию с выраженным социальным компонентом. Она сочетает рыночные подходы с заметной долей социального патернализма и выборочного протекционизма. Проще говоря, «ПиС» признает активную роль государства там, где нужно снизить уязвимость домохозяйств и поддержать национальных производителей. На культурной оси партия занимает устойчиво высокий TAN-профиль, связывая национальную идентичность с католицизмом, исторической памятью и сильным государством. Критика ЕС и брюссельской бюрократии служит не только

8 Prawo i Sprawiedliwość: Program 2005. IV Rzeczpospolita Sprawiedliwość dla Wszystkich. – Warszawa: Prawo i Sprawiedliwość, 2005. – Пол. яз. – URL: https://pislegionowo.pl/Pliki/Dokumenty_PiS/program_2005.pdf; Silne rolnictwo, zdrowa żywność, nowoczesna wieś. Program rolny Prawa i Sprawiedliwości, IV Kongres Prawa i Sprawiedliwości, Warszawa, 15.02.2014. – Warszawa: Prawo i Sprawiedliwość. Archiwum Partii Politycznych ISP PAN, 2014. – Пол. яз. – URL: <https://app.isppan.waw.pl/wp-content/uploads/2024/04/1.72.14.1.pdf>; Zdrowie, Praca, Rodzina. Program Prawa i Sprawiedliwości 2014. – Warszawa: Prawo i Sprawiedliwość. Archiwum Partii Politycznych ISP PAN, 2014. – Пол. яз. – URL: <https://app.isppan.waw.pl/wp-content/uploads/2024/04/1.72.14.1.pdf>; Myśląc Polska. Konwencja Programowa Prawa i Sprawiedliwości oraz Zjednoczonej Prawicy, Katowice, 3–5 lipca 2015 r. Materiały Konferencyjne, oprac. P. Gliński. – Warszawa: Prawo i Sprawiedliwość. Archiwum Partii Politycznych ISP PAN, 2015. – Пол. яз. – URL: <https://app.isppan.waw.pl/wp-content/uploads/2024/04/1.72.15.1.pdf>; Myśląc Polska, Prawo i Sprawiedliwość 2015–2019. – Warszawa: Prawo i Sprawiedliwość. Archiwum Partii Politycznych ISP PAN, 2019. – Пол. яз. – URL: <https://app.isppan.waw.pl/wp-content/uploads/2024/04/1.72.19.1.pdf>; Myśląc Polska, 5–7 lipca 2019 r., Katowice. Konwencja Programowa Prawa i Sprawiedliwości oraz Zjednoczonej Prawicy. Materiały Konferencyjne, oprac. P. Gliński wraz z zespołem. – Warszawa: Prawo i Sprawiedliwość. Archiwum Partii Politycznych ISP PAN, 2019. – Пол. яз. – URL: <https://app.isppan.waw.pl/wp-content/uploads/2024/04/1.72.19.2.pdf>; Polski model państwa dobrobytu. Program Prawa i Sprawiedliwości 2019. – Warszawa: Prawo i Sprawiedliwość. Archiwum Partii Politycznych ISP PAN, 2019. – Пол. яз. – URL: <https://app.isppan.waw.pl/wp-content/uploads/2024/04/2.2.10.2.1.pdf>; Solidarna Polska, Polski Ład. – Warszawa: Prawo i Sprawiedliwość. Archiwum Partii Politycznych ISP PAN, 2021. – Пол. яз. – URL: <https://app.isppan.waw.pl/wp-content/uploads/2024/04/1.72.21.1.pdf>; Polski Ład dla Polskiej Wsi. – Warszawa: Prawo i Sprawiedliwość. Archiwum Partii Politycznych ISP PAN, 2021. – Пол. яз. – URL: <https://app.isppan.waw.pl/wp-content/uploads/2024/04/1.72.21.2.pdf>; Bezpieczna przyszłość Polaków. – Warszawa: Prawo i Sprawiedliwość. Archiwum Partii Politycznych ISP PAN, 2023. – Пол. яз. – URL: <https://app.isppan.waw.pl/wp-content/uploads/2024/04/2.2.11.4.1.pdf> (дата обращения (у всех): 01.10.2025).

инструментом внешнеполитического давления, но и важным ресурсом внутривластной мобилизации.

«Конфедерация», напротив, представляет собой более радикальный и антисистемный проект. В экономике ее позиция ультрарыночная, она выступает за низкие налоги, дерегулирование, скептически относится к перераспределению доходов и государственным социальным программам. На культурной оси она также занимает высокий TAN-профиль, но он сочетается с более жестким евроскептицизмом и радикальной риторикой по вопросам миграции и идентичности. В программных документах «Конфедерации» приоритетными направлениями считаются радикальное снижение налогов, дерегулирование и приватизация, жесткое сопротивление социальной инженерии со стороны ЕС, а также отрицательное отношение к миграции и мультикультурализму⁹.

В конце 2010-х годов ключевым лицом «Конфедерации» стал Славомир Менцен, который смог сформировать самостоятельный политический бренд. Его риторика сочетает в себе радикальный экономический либерализм, в частности отрицание прогрессивного налогообложения, критику перераспределительных программ и социального государства, с антиэлитизмом и жестким евроскептицизмом.

В совокупности это приводит к фактическому противостоянию двух вариантов правого популизма: проекта «ПиС» с постепенной централизацией власти и социально-патерналистской повесткой и ультрарыночного, ради-

кально националистического проекта «Конфедерации», которые вместе сдвигают политический дискурс вправо и сокращают пространство для компромиссов по ключевым вопросам повестки – от верховенства права и отношений с ЕС до миграции. Оба проекта принадлежат к консервативно-националистическому лагерю, но образуют два отличающихся течения: правящий блок «Объединенных правых» и альтернативное правое крыло, отличающееся степенью радикализма и подходом к внешней политике [Дец, Савенков, 2022].

Трансформация конституционных институтов во время правления партии «Право и Справедливость»

Вышеописанные процессы можно рассматривать как особый подход правых популистских партий к конституционным институтам, при котором Конституция и верховенство права используются для закрепления курса правящей партии. В правопопулистском дискурсе Конституция должна не ограничивать власть большинства, а служить инструментом очищения государства от «чужих» элит, меньшинств и наднациональных влияний. В результате конституционные суды и независимые органы надзора воспринимаются как препятствия на пути к реализации народного суверенитета и используются для закрепления курса правящей партии.

Для польского случая это означает, что судебная реформа и давление

9 Konfederacja Wolność i Niepodległość: Polska dla Ciebie. Piątka Konfederacji. Program Konfederacji Wolność i Niepodległość, 2019. Archiwum Partii Politycznych ISP PAN. – Пол. яз. – URL: <https://app.isppan.waw.pl/wp-content/uploads/2024/04/2.2.10.4.1.pdf>; Polska na nowo. Program dla Polski po lockdownie, 2021. Archiwum Partii Politycznych ISP PAN. – Пол. яз. – URL: <https://app.isppan.waw.pl/wp-content/uploads/2024/04/1.25.3.1.pdf>; Po stronie Polski. Program merytorycznej alternatywy dla Polski, 2022. Archiwum Partii Politycznych ISP PAN. – Пол. яз. – URL: <https://app.isppan.waw.pl/wp-content/uploads/2024/04/1.25.4.1.pdf>; Konstytucja Wolności. Program wyborczy, 2023. Archiwum Partii Politycznych ISP PAN. – Пол. яз. – URL: <https://app.isppan.waw.pl/wp-content/uploads/2024/04/1.25.5.1.pdf> (дата обращения (у всех): 01.10.2025).

на СМИ были не только политикой усиления политического контроля над государственными институтами, но и попыткой переформатировать саму конституционную основу демократии в логике этнонационального, мажоритарного правления. Подчинение Конституционного Суда, изменения в составе Национального судебного совета и Верховного Суда, реформы государственных СМИ и перераспределение ресурсов в пользу лояльных СМИ превратили систему сдержек и противовесов в асимметричную конструкцию, где исполнительная власть получила преобладающие позиции [Markowski, 2018]. Последовательное перераспределение полномочий в пользу исполнительной власти, ограничение автономии судебной системы и подчинение органов контроля логике партийной лояльности вписываются в логику «неоавторитарного реванша» и превращения демократических процедур в элементы фасадной демократии [Яжборовская, 2016].

Заключение

Из всего вышеизложенного видно, что история формирования и становления популизма в Польше представляет собой длительный процесс, начавшийся как реакция общества на высокие трансформационные издержки 1990-х годов и противоречивые результаты глобализации в XXI в. Польский популизм опирается на две взаимосвязанные опоры: социальную (высокая безработица в 1990–2000-е годы, рост неравенства по доходам, эпизодическое снижение уровня жизни) и ценностную (защита традиций, устоявшегося социального порядка, четкое деление на «своих» и «чужих»). Начиная с 2000-х годов эти установки стали последовательно воплощаться в партийной политике. Партия «Право и Справедливость», придя к власти, инициировала кампа-

нию по очищению элит, придавала особое значение вопросам безопасности, национального суверенитета и морального порядка, проводила консервативный курс и одновременно расширяла адресные социальные программы (включая флагманскую программу «500+»).

Поворотным моментом стал 2015 г., когда миграционный кризис вывел на первый план тему защиты границ, культурной и религиозной идентичности. В этих условиях правопопулистская повестка получила дополнительный импульс. Образ народа, находящегося под угрозой как со стороны внешних врагов, так и либеральных элит, стал центральным элементом политического дискурса. Параллельно происходило переподчинение ключевых институтов исполнительной власти, что привело к эрозии механизмов сдержек и противовесов. Эти процессы можно описать как специфическую политику партии «Право и Справедливость» в отношении Конституции и судебной системы, при которой Конституция и верховенство права рассматриваются как инструмент закрепления власти народа и его лидеров, а независимые суды и органы надзора – как препятствия реализации народного суверенитета.

В настоящее время на польской политической сцене соперничают два популистских проекта. Популизм «Права и Справедливости» опирается на институциональную консолидацию суверенитета, сочетающую жесткую защиту полномочий национальных институтов в рамках ЕС с расширением социальной поддержки «своих» граждан. Популизм «Конфедерации» представляет собой более радикальный вариант, в основе которого лежит постулат о максимальной опоре на свободный рынок, жесткий евроскептицизм и строгие позиции по вопросам миграции и идентичности. Во втором десятилетии XXI в. оба варианта поль-

ского популизма сохраняются и совместно сдвигают политический дискурс вправо, сокращая пространство для компромиссов прежде всего по отношению к ЕС, верховенству права, миграции и моральным нормам.

Новая конфигурация власти после парламентских выборов 2023 г. и президентских 2025 г. не положила конец популизму, а привела к трансформации институциональных форм его присутствия. Сосуществование президента из правого лагеря и правительства из либеральной коалиции приводит к ситуации, когда каждая значимая реформа превращается в своего рода мини-плебисцит. Правительство формирует законодательную повестку, но президент задает темп и тон конфликта, переводя многие вопросы из технико-правовой плоскости в морально-политическую, апеллируя к необходимости защиты народа от элит и чуждых влияний. Возможность вынесения спорных тем на референдум усиливает этот эффект. Пока у парламентского большинства нет достаточного числа голосов для преодоления президентского вето, популизм остается легальным каналом влияния на политическую повестку.

Кейс Польши показывает, что популизм является не временным сбоем системы, а устойчивым структурным фактором политического развития, встроенным в саму архитектуру институтов и линий раскола польского общества.

Список литературы

Буневич Д.С. Правый популизм в современной Польше. К Четвертой Речи Посполитой? // *Польша в современном мире* / под общ. ред. В.В. Воротникова. – Москва : МГИМО-Университет, 2021а. – С. 57–65.

Буневич Д.С. Формирование партийно-политического ландшафта в

Польше: динамическая многопартийность // *Польша в современном мире* / под общ. ред. В.В. Воротникова. – Москва : МГИМО-Университет, 2021б. – С. 38–49.

Глухова А.В., Савенков Р.В. Новый авторитаризм в польском облачении // *Полис. Политические исследования*. – 2019, № 4. – С. 181–191.

Дец И.Я., Савенков Р.В. Два течения консервативного национализма в современной Польше: внешнеполитический аспект // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология*. – 2022. – Т. 24, № 2. – С. 279–290. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-279-290.

Жуковский И.И. Партийная система Республики Польша : учебное пособие. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. – 218 с.

Жуковский И.И. Структурные изменения политической элиты современной Польши // *Власть*. – 2013. – Т. 21, № 8. – С. 173–177.

Клемешев А.П., Ворожеина Я.А. Национал-консервативный «поворот» Польши в геополитическом контексте // *Полис. Политические исследования*. – 2018. – № 5. – С. 17–28. – DOI: 10.17976/jpps/2018.05.03.

Лыкошина Л.С. Десять лет спустя: о выборах 2015 г. в Польше // *Современная Европа*. – 2015б. – № 6 (66). – С. 89–98.

Лыкошина Л.С. Национализм в современной Польше // *Россия и современный мир*. – № 2 (91). – С. 71–89.

Лыкошина Л.С. «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши : монография. – Москва : ИНИОН РАН, 2015а. – 258 с.

Михалев О.Ю. Результаты парламентских выборов 2023 г. в Польше // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. – 2023. – № 6 (36). – С. 42–53. – DOI: 10.15211/vestnikieran620234253.

Михалев О.Ю. Состояние и перспективы либеральных партий в Польше // Современная Европа. – 2018. – № 7. – С. 61–72.

Неменский О.Б. Крайне правые в современной Польше // Правый радикализм в Восточной Европе : сб. науч. трудов / отв. ред. Л.Н. Шаншиева. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – С. 22–81.

Путинцев И.С. «Тяга к двухпартийности» в политической системе Польши: проявления, причины, перспективы // Балтийский регион. – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 18–33. – DOI: 10.5922/2079-8555-2023-1-2.

Яжборовская И.С. Польша 2015–2016 гг. Хроника неоавторитарного реванша // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 5. – С. 49–65. – DOI: 10.17976/jpps/2016.05.05.

CBOS. Jakiej partii potrzebują Polacy? // Warszawa: Centrum Badania Opinii Społecznej. – 2013. – Wrzesień. – 16 s. – Пол. яз. – URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2013/K_123_13.PDF (дата обращения: 01.10.2025).

CBOS. Kim są wyborcy Pawła Kukiza? // Warszawa: Centrum Badania Opinii Społecznej. – 2015b. – Czerwiec. – 18 s. – Пол. яз. – URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2015/K_086_15.PDF (дата обращения: 01.10.2025).

CBOS. Komunikat z badań. Tożsamość narodowa i postrzeganie praw mniejszości narodowych i etnicznych // Warszawa: Centrum Badania Opinii Społecznej. – 2015a. – Lipiec. – 22 s. – Пол. яз. – URL: https://cbos.pl/SPISKOM.POL/2015/K_106_15.PDF (дата обращения: 01.10.2025).

CBOS. Stosunek do instytucji państwa oraz partii politycznych po 25 latach // Warszawa: Centrum Badania Opinii Społecznej. – 2014. – Maj. – 20 s. – Пол. яз. – URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2014/K_068_14.PDF (дата обращения: 01.10.2025).

De Cleen B. Populism and Nationalism // The Oxford Handbook of Populism / Ed. by C. Rovira Kaltwasser, P. Taggart, P. Ochoa Espejo, P. Ostiguy. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – P. 342–362.

Flis J., Kwiatkowska A. Polski system partyjny – idee i identyfikacje // Zmierzch demokracji liberalnej / Pod red. K.A. Wojtaszczyk, P. Stawarz, J. Wiśniewska-Grzelak. – Warszawa : Instytut Europeistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2018. – S. 587–606. – Пол. яз.

Gdula M. Nowy autorytaryzm. – Warszawa : Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2018. – 112 s. – Пол. яз.

Jasiewicz K. The Past is Never Dead: Identity, Class, and Voting Behavior in Contemporary Poland // East European Politics & Societies. – 2009. – Vol. 23, N 4. – P. 491–508.

Kosowska-Gąstoł B. Te same, ale czy takie same? Analiza oblicza ideowo-programowego polskich partii politycznych – różne perspektywy metodologiczne // Postulaty polityczne i wyborcze partii politycznych / Pod red. A. Kruk. – Zielona Góra : Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego, 2021. – S. 17–35. – Пол. яз.

Lipiński A., Stępińska A. Polish Right-Wing Populism in the Era of Social Media: The Unexpected Careers of Paweł Kukiz and Janusz Korwin-Mikke // Problems of Post-Communism. – 2018. – Vol. 66, N 1. – P. 71–82.

Markowski R. Creating Authoritarian Clientelism: Poland After 2015 // Hague Journal on the Rule of Law. – 2019. – Vol. 11, N 3. – P. 111–132. – DOI: 10.1007/s40803-018-0082-5.

Markowski R. Plurality Support for Democratic Decay: the 2019 Polish Parliamentary Election // West European Politics. – 2020. – Vol. 43, no. 7. – P. 1513–1525. – DOI: 10.1080/01402382.2020.1720171.

Markowski R. Populism and Nationalism in CEE: Two of a Perfect Pair? When Populism Meets Nationalism: Reflections

on Parties in Power / ed. by A. Martinelli. Milan: ISPI; Ledizioni, 2018. P. 71–94.

Markowski R. The Polish Parliamentary Election of 2015: a Free and Fair Election that Results in Unfair Political Consequences // *West European Politics*. – 2016. – Vol. 39, N 6. – P. 1311–1322.

Markowski R. The Polish Political Party System and Democracy // *Democracy in Poland 1989–2009: Challenges for the Future* / Ed. by J. Kucharczyk, J. Zbieranek. Warsaw : Institute of Public Affairs, 2010. – P. 1–18.

Millard F. Poland's politics and the travails of transition after 2001: The 2005 elections // *Europe-Asia Studies*. – 2006. – Vol. 58, no. 7. – P. 1007–1031.

Osterhammel J. Nationalism and Globalization // *The Oxford Handbook of the History of Nationalism* / Ed. by J. Breuilly. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – P. 694–709.

Płoski M. Liga Polskich Rodzin jako aktor społeczny. – Wrocław : Wydawnictwo Instytutu Socjologii Uniwersytetu Wrocławskiego, 2016. – 356 s. – Пол. яз.

Sikk A. Newness as a winning formula for new political parties // *Party Politics*. – 2012. – Vol. 18, no. 4. – P. 465–486.

Stanley B. A New Populist Divide? Correspondences of Supply and Demand in

the 2015 Polish Parliamentary Elections // *East European Politics & Societies*. – 2018. – Vol. 33, N 1. – P. 17–43. – DOI: 10.1177/0888325418783056.

Stanley B. Populism in Central and Eastern Europe // *The Oxford Handbook of Populism* / Ed. by C. Rovira Kaltwasser, P. Taggart, P. Ochoa Espejo, P. Ostiguy. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 140–160.

Steger M.B. Political Ideologies in the Age of Globalization // *The Oxford Handbook of Political Ideologies* / Ed. by M. Freeden, M. Stears. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – P. 214–231.

Szczerbiak A. An anti-establishment backlash that shook up the party system? The October 2015 Polish parliamentary election // *European Politics and Society*. – 2017. – Vol. 18, N 4. – P. 404–427. – DOI: 10.1080/23745118.2016.1256027.

Szczerbiak A. 'Social Poland' defeats 'Liberal Poland'? The September–October 2005 Polish parliamentary and presidential elections // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. – 2007. – Vol. 23, N 2. – P. 203–232.

Tworzecki H. Poland: A Case of Top-Down Polarization // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2019. – Vol. 681, N 1. – P. 97–119. – DOI: 10.1177/0002716218809322.

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.04

Populism and Right-Wing Conservative Projects in the Polish Party System (1990–2025)

Andrzej A. HABARTA

PhD (Econ.), Leading Researcher of the Centre for Iberic Studies of the Department of Country Studies
Institute of Europe RAS
Mokhovaya Street, 11-3, Moscow, Russian Federation, 125009
E-mail: a.habarta@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-4236-3777

Elizaveta A. GABARTA

Lecturer, Odintsovo Branch, School of Governance and Politics, Section of the English Department No. 6
MGIMO-University
Novosportivnaya Street, 3, Odintsovo, Moscow Region, Russian Federation, 143007
E-mail: elisa.habarta@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2813-0571

CITATION: Habarta A.A., Gabarta E.A. (2025). Populism and Right-Wing Conservative Projects in the Polish Party System (1990–2025). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 5, pp. 59–81 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.05.04

Received: 23.10.2025.

Revised: 23.11.2025.

ABSTRACT. *The article analyses the origins and trajectory of populist projects in the Polish party system in 1990–2025, demonstrating that in this country populism emerged as a result of the radicalisation of mainstream parties. Growing tensions in Polish society, dissatisfied with the outcomes of systemic transformations and neoliberal reforms, led to rising discontent with both national elites and the Brussels bureaucracy. The inability of mainstream political forces to overcome accumulated crises undermined their authority and contributed to the growing popularity of radical right-wing political ideologies. It is noted that 2015 became a turning point, when the migration crisis brought issues of security and sovereignty to the forefront, ensuring the*

electoral success of a right-wing conservative agenda. This shift was also linked to the redistribution of influence within the right-wing camp and the consolidation of a national-conservative bloc around the Law and Justice party. However, in 2023 populists lost their monopoly on executive power. The 2025 elections did not put an end to populism in Poland; on the contrary, they led to a transformation of the institutional forms of its presence. The article also analyses the ideological and programmatic profile of Polish populist parties using the Chapel Hill Expert Survey methodology.

KEYWORDS: Poland, populism, party system, national identity, Law and Justice (PiS), Konfederacja.

References

Bunevich D. (2021a). Right-Wing Populism in Contemporary Poland: Towards the Fourth Republic? In: Vorotnikov V.V. (ed.). *Poland in the Contemporary World*. Moscow: MGIMO-University, pp. 57–65 (in Russian).

Bunevich D. (2021b). The Formation of Poland's Party-Political Landscape: A Dynamic Multi-Party System. In: Vorotnikov V.V. (ed.). *Poland in the Contemporary World*. Moscow: MGIMO-University, pp. 38–49 (in Russian).

CBOS (2013). What party do Poles need? *Warszawa: Centrum Badania Opinii Społecznej*. September, 16 pp. (in Polish). Available at: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2013/K_123_13.PDF, accessed 01.10.2025.

CBOS (2014). Attitude to state institutions and political parties after 25 years. *Warszawa: Centrum Badania Opinii Społecznej*. May, 20 pp. (in Polish). Available at: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2014/K_068_14.PDF, accessed 01.10.2025.

CBOS (2015a). Research report. National identity and perception of the rights of national and ethnic minorities. *Warszawa: Centrum Badania Opinii Społecznej*. July, 22 pp. (in Polish). Available at: https://cbos.pl/SPISKOM.POL/2015/K_106_15.PDF, accessed 01.10.2025.

CBOS (2015b). Who are the voters of Paweł Kukiz? *Warszawa: Centrum Badania Opinii Społecznej*. June, 18 pp. (in Polish). Available at: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2015/K_086_15.PDF, accessed 01.10.2025.

De Cleen B. (2017). Populism and Nationalism. In: Rovira Kaltwasser C. et al. (eds). *The Oxford Handbook of Populism*. Oxford: Oxford University Press, pp. 342–362.

Diec J.A., Savenkov R.V. (2022). Two trends of conservative nationalism in contemporary Poland: Foreign policy aspect. *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 24, no. 2, pp. 279–290 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-279–290.

Flis J., Kwiatkowska A. (2018). Polish party system: ideas and identifications. In: Wojtaszczyk K.A. et al. (eds.). *The Twilight of Liberal Democracy*. Warszawa: Instytut Europeistyki Uniwersytetu Warszawskiego, pp. 587–606 (in Polish).

Gdula M. (2018). *The New Authoritarianism*. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 112 pp. (in Polish).

Glukhova A.V., Savenkov R.V. New Authoritarianism in Polish Vestment. *Polis. Political Studies*. 2019. No. 4. P. 181–191 (in Russian).

Jasiewicz K. (2009). The Past is Never Dead: Identity, Class, and Voting Behavior in Contemporary Poland. *East European Politics & Societies*. Vol. 23, no. 4, pp. 491–508.

Klemeshev A.P., Vorozheina Ya.A. (2018). National-Conservative “Turn” of Poland in Geopolitical Context. *Polis. Political Studies*. No. 5, pp. 17–28 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2018.05.03.

Kosowska-Gąstoł B. (2021). The same, but are they the same? Analysis of the ideological and programmatic face of Polish political parties – different methodological perspectives. In: Kruk A. (ed.). *Political and Electoral Demands of Political Parties*. Zielona Góra: Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego, pp. 17–35 (in Polish).

Lipiński A., Stepińska A. (2018). Polish Right-Wing Populism in the Era of Social Media: The Unexpected Careers of Paweł Kukiz and Janusz Korwin-Mikke. *Problems of Post-Communism*. Vol. 66, no. 1, pp. 71–82.

Lykoshina L.S. (2015a). “The Polish-Polish War”: *Political Life in Contemporary Poland*. Moscow: INION, 258 pp. (in Russian).

Lykoshina L.S. (2015b). Ten Years Later: On the 2015 Elections in Poland. *Contemporary Europe*. No. 6 (66), pp. 89–98 (in Russian).

Lykoshina L.S. (2016). Natsionalizm v sovremennoj Pol'she. *Rossiya i sovremennyy mir*. No. 2 (91). Pp. 71–89 (In Russian).

Markowski R. (2010). The Polish Political Party System and Democracy. In: Kucharczyk J., Zbieranek J. (eds.). *Democracy in*

Poland 1989–2009: Challenges for the Future. Warsaw: Institute of Public Affairs, pp. 1–18.

Markowski R. (2016). The Polish Parliamentary Election of 2015: a Free and Fair Election that Results in Unfair Political Consequences. *West European Politics*. Vol. 39, no. 6, pp. 1311–1322.

Markowski R. (2019). Creating Authoritarian Clientelism: Poland After 2015. *Hague Journal on the Rule of Law*. Vol. 11, no. 3, pp. 111–132. DOI: 10.1007/s40803-018-0082-5.

Markowski R. (2020). Plurality Support for Democratic Decay: the 2019 Polish Parliamentary Election. *West European Politics*. Vol. 43, no. 7, pp. 1513–1525. DOI: 10.1080/01402382.2020.1720171.

Mikhalev O.Yu. (2018). The state and prospects of liberal parties in Poland. *Contemporary Europe*. No. 7, pp. 61–72 (in Russian).

Mikhalev O.Yu. (2023). Results of parliamentary elections 2023 in Poland. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. No. 6 (36), pp. 42–53 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran620234253.

Millard F. (2006). Poland's politics and the travails of transition after 2001: The 2005 elections. *Europe-Asia Studies*. Vol. 58, no. 7, pp. 1007–1031.

Nemensky O.B. (2018). The Far Right in Contemporary Poland. In: Shanshieva L.N. (ed.). *Right-Wing Radicalism in Eastern Europe: Collection of Scientific Papers*. Moscow: INION, pp. 22–81 (in Russian).

Osterhammel J. (2013). Nationalism and Globalization. In: Breuilly J. (ed.). *The Oxford Handbook of the History of Nationalism*. Oxford: Oxford University Press, pp. 694–709.

Płoski M. (2016). *League of Polish Families as a Social Actor*. Wrocław: Wydawnictwo Instytutu Socjologii Uniwersytetu Wrocławskiego, 356 pp. (in Polish).

Putintsev I.S. (2023) The two-party tendency in Poland's political system: manifestations, causes and prospects. *Baltic Region*. Vol. 15, no. 1, pp. 18–33. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-1-2.

Sikk A. (2012). Newness as a winning formula for new political parties. *Party Politics*. Vol. 18, no. 4, pp. 465–486.

Stanley B. (2017). Populism in Central and Eastern Europe. In: Rovira Kaltwasser C. et al. (eds.). *The Oxford Handbook of Populism*. Oxford: Oxford University Press, pp. 140–160.

Stanley B. (2018). A New Populist Divide? Correspondences of Supply and Demand in the 2015 Polish Parliamentary Elections. *East European Politics & Societies*. Vol. 33, no. 1, pp. 17–43. DOI: 10.1177/0888325418783056.

Steger M.B. (2013). Political Ideologies in the Age of Globalization. In: Freedman M., Stears M. (eds.). *The Oxford Handbook of Political Ideologies*. Oxford: Oxford University Press, 2013, pp. 214–231.

Szczerbiak A. (2007). 'Social Poland' defeats 'Liberal Poland'? The September–October 2005 Polish parliamentary and presidential elections. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 23, no. 2, pp. 203–232.

Szczerbiak A. (2017). An anti-establishment backlash that shook up the party system? The October 2015 Polish parliamentary election. *European Politics and Society*. Vol. 18, no. 4, pp. 404–427. DOI: 10.1080/23745118.2016.1256027.

Tworzecki H. (2019). Poland: A Case of Top-Down Polarization. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 681, no. 1, pp. 97–119. DOI: 10.1177/0002716218809322.

Yazhborovskaya I.S. (2016). Poland 2015–2016 Chronicle of the neo-authoritarian revenge. *Polis. Political Studies*. No. 5, pp. 49–65 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.05.05.

Zhukovsky I.I. (2011). *The Party System of the Republic of Poland: A Textbook*. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University, 218 pp. (in Russian).

Zhukovsky I.I. (2013). Structural Changes in the Political Elite of Modern Poland. *Vlast*. Vol. 21, no. 8, pp. 173–177 (in Russian).

Проблемы Старого Света

УДК 324(1*RO)

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.05

Электоральный пейзаж румынского общества в ходе президентских кампаний 2024–2025 гг.: проблемы и решения

Татьяна Георгиевна БИТКОВА

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: tgbitkova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8471-1576

ЦИТИРОВАНИЕ: Биткова Т.Г. Электоральный пейзаж румынского общества в ходе президентских кампаний 2024–2025 гг.: проблемы и решения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 5. С. 82–102. DOI: 10.31249/kgt/2025.05.05

Статья поступила в редакцию 16.08.2025.

Исправленный текст представлен 09.10.2025.

АННОТАЦИЯ. Драматические события, которые произошли в Румынии после 1-го тура президентских выборов в ноябре 2024 г., вызвали политический кризис в стране и обеспокоенность со стороны евроатлантических структур. Результаты этих выборов, на которых неожиданно победил правый радикал Кэлин Джорджеску, были отменены, но они показали властям, социологам и политтехнологам необходимость более внимательно изучать и понимать, что представляет собой реальный румынский электорат, как строить избирательный процесс, чтобы избежать опасных кренов в политической жизни страны. Итоги ноябрьских выборов 2024 г. стали результатом сильной зависимости

избирателей от недобросовестной пропаганды в социальных сетях. Подтвердились также прежние выводы социологов о том, что электоральный ландшафт Румынии имеет сильную зависимость от регионализации и демографических факторов. Регионы с высокой степенью экономического развития, урбанизации и образования поддерживают праволиберальные проевропейские дискурсы и менее склонны доверять суверенистам. Жители малых городов и сельскохозяйственных регионов более восприимчивы к дискурсу популистских праворадикальных формирований. Как показал 1-й тур президентских выборов 2024 г., они легче поддаются политтехнологиям и манипуляциям в социальных сетях.

Всё это было учтено при организации нового раунда выборов. Либералу и европеисту Никушору Дану победа на повторных президентских выборах в мае 2025 г. далась нелегко, но показала, как активизация материально обеспеченных и высокообразованных избирателей больших городов изменила электоральный ландшафт Румынии в пользу евроатлантического курса, против праворадикальных националистов, выступающих за объединение с Республикой Молдова, разжигающих ненависть к многочисленной венгерской диаспоре внутри страны, ностальгирующих по легионерскому прошлому «Великой Румынии», часть территорий которой находится сегодня вне пределов румынского государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Румыния, электоральный ландшафт, регионализация, президентские выборы, Европейский союз, НАТО, правый радикализм, национализм, евроатлантическая ориентация.

Введение

Исследователи электоральной географии Румынии давно пришли к выводу, что распределение голосов на любых выборах в основном следует региональному делению. Это объясняется исторической эволюцией экономических и социальных структур в различных регионах страны. Трансильвания и Банат, регионы с более развитой экономикой и высокой степенью урбанизации, последовательно поддерживают праволиберальные, проевропейские партии, в то время как сельскохозяйственные регионы Мунтения и Молдова более восприимчивы к дискурсу популистских левых и праворадикальных формирований. Эти различия усиливаются демографическими факторами, такими как возраст избирателей

и уровень их образования, что напрямую влияет на политическое участие и предпочтения.

Что касается взаимосвязи между урбанизацией и электоральным поведением, исследования выявляют четкую корреляцию между плотностью населения и политической ориентацией. «Крупные города – полюса экономического роста, особенно университетские, – характеризуются более активным и открытым к изменениям электоратом, в то время как сельские районы – более консервативным голосованием и большей стабильностью электоральных предпочтений. Распределение экономической инфраструктуры и различия в доступе к ресурсам также влияют как на участие в голосовании, так и на политический выбор» [Gabor, Iftimoaei, 2025, p. 54].

Не ставя целью проанализировать все конкретные детали прошедших выборов, хотелось бы ответить на вопросы, насколько упомянутые наблюдения и выводы оказались применимы к президентским кампаниям 2024–2025 гг., как специфика предыдущих румынских выборов проявилась в политических реалиях, неожиданно возникших в завершении полного электорального цикла 2024 г., когда румынам пришлось избирать депутатов в местные органы власти, в парламент своей страны и Европейский парламент. Но президента, как планировалось, избрать им не удалось.

Несостоявшиеся итоги президентских выборов 2024 г.

Когда Конституционный Суд отменил результаты выборов, прошедших 24 ноября 2024 г., Румыния оказалась в эпицентре внимания не только отечественных и мировых средств массовой информации (СМИ), но и исследователей румынской политической жизни по обе стороны границы (в том числе:

[Биткова, 2025a; Биткова, 2025b; Биткова, 2025c; Кандель, 2025a; Кандель, 2025b; Кочедыков, 2024; Кочедыков, 2025; Путинцев, 2025; Ткачук, 2025; Трухачев, 2024; Csaky, 2025a; Csaky, 2025b; Carp, 2025; Gabor, Ifimoaei, 2025; Armand Goşu..., 2025; Motoc, 2025; Stoica, 2025]).

Накануне электоральный ландшафт представлялся идентичным тому, который продемонстрировали итоги местных, европейских и парламентских выборов, состоявшихся в том же году. Все они показали, что, хотя в Румынии, как и в ряде стран Европы, наблюдается рост праворадикальных, националистических настроений, большинство румынских избирателей всё же ориентировано на либеральные и социал-демократические ценности Запада, поэтому не стоит ожидать сюрпризов, а следовательно, внутренняя и внешняя политика страны серьезно не изменится, в том числе в отношении России.

Прозападный тренд подтверждался опросами. Так, согласно выводам одной из ведущих социологических служб INSCOP по результатам опросов, проводившихся с 7 по 12 ноября 2024 г., в 1-м туре лидировал действующий премьер-министр и председатель левоцентристской Социал-демократической партии (СДП, PSD) Марчел Чолаку (25,3% голосов), за ним следовал Джордже Симион – глава ультраправой националистической партии «Альянс за объединение румын» (AUR), главной идеей которой является унионизм – присоединение Республики Молдова к Румынии для воссоединения молдавских братьев с «родиной-матерью» (19,1% голосов). Далее шла Елена Ласкони, лидер правоцентристского либерального «Союза спасения Румынии»

(USR) (14,3% голосов), затем бывший заместитель генерального секретаря НАТО и экс-председатель СДП Мирча Джоанэ, баллотировавшийся как независимый кандидат (13,3% голосов), и последним в этом ряду был Николае Чукэ, бывший премьер-министр и председатель Национал-либеральной партии (PNL) (9,1%)¹.

Никто из упомянутых кандидатов не подвергал сомнению евроатлантический курс Румынии, хотя критические нотки в адрес институтов и ряда проектов Евросоюза (ЕС) встречались в декларациях правого радикала Дж. Симиона, который сегодня является евродепутатом и вице-председателем Партии европейских консерваторов и реформистов.

Вопреки ожиданиям, результаты 1-го тура оказались далеки от электорального расклада, представленного социологическими службами и ожидавшегося основными системообразующими формированиями: Социал-демократической партией и Национал-либеральной партией.

Всего было зарегистрировано 14 кандидатов, но всех опередил неизвестный широкой публике независимый кандидат Кэлин Джорджеску, который первоначально имел менее 1% поддержки потенциальных избирателей. Правда, некоторые социологические службы обнаружили, что за две недели до выборов К. Джорджеску по какой-то причине стал набирать очки, и, по опросам, у него ожидалось уже около 5–8,6% поддержки.

13 ноября компания INSCOP в результате телефонных опросов зафиксировала поддержку Кэлина Джорджеску в 5,5%, 15 ноября служба Verifel также по телефонным опросам отметила

1 Sondaj INSCOP la comanda Libertatea – Alegeri prezidențiale: candidații cu cele mai mari șanse să intre în turul 2 // Libertatea. – 2024. – 15 noiembrie. – Рум. яз. – URL: <https://www.libertatea.ro/stiri/sondaj-inscop-la-comanda-libertatea-alegeri-prezidentiale-candidatii-cu-cele-mai-mari-sanse-sa-intre-in-turul-2-5082288> (дата обращения: 12.12.2024).

8,6%. Компания *Atlasintel* 22 ноября обнаружила еще более резкий скачок симпатий к нему. Результаты последнего опроса *Verifel* были следующими: Марчел Чолаку – 23,7%, Елена Ласкони – 17,8%, Джордже Симион – 16,9%, Николае Чукэ – 14%, Кэлин Джорджеску – 8,1%².

Скачок симпатий был налицо, но социологи не увидели за ним результата, который ошеломил буквально всех: К. Джорджеску получил 22,93% голосов. Его конкурентом стала председатель правоцентристской либеральной партии «Союз за спасение Румынии» Елена Ласкони (19,16%). Ее выход во 2-й тур также не ожидался. Правда, Е. Ласкони опередила лидера опросов и экзитполов премьера М. Чолаку всего на 0,03%.

В СМИ стало появляться всё больше сведений о «неведомом» кандидате К. Джорджеску. Он не проводил обычной избирательной кампании, имел программу неопределенную, скорее, с экологическим уклоном. Несколько лет К. Джорджеску представлял Румынию в ООН, в структурах, связанных как раз с экологией. Теперь широкая публика узнала, что он – экономист, опубликовавший несколько трудов антиглобалистского и антизападного характера, где обещал рай на румынской земле, если страна обратится к мелкому производству и изолирует себя от внешнего мира [Georgescu, 2023]. Взывая к патриотизму, он в популистской манере критиковал прозападную политику Румынии, ее безусловную ориентацию на НАТО, наличие в стране натовских баз и военного контингента [Биткова, 2025a].

Благожелательная оценка со стороны Кэлина Джорджеску деятелей межвоенной Румынии Корнелиу Кодряну и Иона Антонеску еще в 2022 г. привела к возбуждению судебного разбирательства, которое, однако, вскоре было прекращено. Эти исторические лица расцениваются как военные преступники, связанные с профашистским легионерским движением. Ранее К. Джорджеску был недолго членом образованной в 2019 г. праворадикальной партии «Альянс за объединение румын», где теперь председательствовал Джордже Симион.

Только после отмены выборов К. Джорджеску стал активно давать интервью и выступать перед избирателями, обещая новую прекрасную жизнь своей стране. «Кэлин Джорджеску, – писал видный румынский социолог К.А. Стойка, – с апломбом сыграл свою роль апокалиптического провидца, смесь современной Кассандры и пророка из пригорода, проповедуя конец коррумпированной системы, не давая нам увидеть начало чего-либо, размахивая химерами легионерства, религиозного фундаментализма и геополитики трущоб» [Stoica, 2025, p. 7].

Когда-то К. Джорджеску положительно высказался о деятельности российского президента В. Путина, назвав его лидером и патриотом своей страны. Эту оценку он стал упорно повторять после отмены выборов³. Теперь в СМИ К. Джорджеску квалифицировали как пророссийского националиста и антизападника, возмнившего себя Мессией.

Совершенно открытая для всех информация, на которую раньше не обра-

2 Ce arată sondajele pentru alegerile prezidențiale (2024) // Hotnews.ro. – Рум. яз. – URL: <https://alegeri.hotnews.ro/ce-arata-sondajele-pentru-prezidentiale/> (дата обращения: 12.08.2025).

3 Călin Georgescu continuă să îl laude pe Vladimir Putin: «Este un lider, un patriot» (2024) // Stilire pro tv. – 2024. – 5 decembrie. – Рум. яз. – URL: <https://stilireprotv.ro/alegeri/prezidentiale/2024/calin-georgescu-a-vorbit-din-nou-despre-liderul-de-la-kremlin-znu-sunt-fan-putin-ce-spune-despre-intrarea-in-schengen.html> (дата обращения: 12.12.2024).

щали внимания, заставила власти и соответствующие службы предпринять срочные действия для нахождения причин неожиданного продвижения такой «сомнительной личности» на национальный политический Олимп и такого ошеломительного несоответствия итогов реального голосования той электрокартальной картине, которую еще накануне представляли как общепризнанную данность. Были срочно пересчитаны голоса, но на итог это не повлияло.

Результатом молниеносного предварительного расследования стало коммюнике Высшего совета обороны страны (CSAT), где говорилось, что на национальный избирательный процесс решительно повлияла социальная платформа *TikTok*. Именно в ней обнаружилось влияние из-за рубежа, в первую очередь России. Дальнейшее расследование показало необычайно интенсивное онлайн-присутствие К. Джорджеску, нашедшее широкий отклик в виртуальной среде. Оказалось, что за относительно короткий период видео кандидата набрали миллионы просмотров, а ранее неизвестные аккаунты инфлюенсеров начали активно продвигать его идеи.

Служба внутренней разведки (SRI) выявила, что за 2 недели до 1-го тура президентских выборов «была активирована сеть из 25 тыс. аккаунтов *TikTok*, и хотя многие из этих аккаунтов были созданы в 2016 г., их активность была минимальной до ноября 2024 г., когда они мобилизовались для продвижения кандидатуры Кэлина Джорджеску»⁴. Эта информация была неоднозначно воспринята за рубежом. В частности, один из авторов *Frankfurter Allgemeine*

Zeitung писал: «В Румынии президентские выборы были аннулированы. Предположительно, ими манипулировал Кремль. Или же политический класс в Бухаресте просто играл в азартные игры?»⁵ [Martens, 2025]. В румынских СМИ также появились подобные предположения. «Обе системообразующие партии, Социал-демократическая и Национал-либеральная, могли продвигать эту фигуру, ведь ее, как они могли полагать, легче всего было победить во 2-м туре» [Биткова, 2025а, с. 45]. Как отмечал И. Кочедыков, «победа в 1-м туре беспартийного кандидата Кэлина Джорджеску спутала все карты как архитекторам румынской политической системы, так и Брюсселю. В итоге было решено не допустить победы Джорджеску любой ценой» [Кочедыков, 2024].

Тем временем были опубликованы сведения о связях экс-кандидата с членами неформальных групп, взгляды которых квалифицировались как неолегонерские. Более того, обнаружилось контакты с некими парамилитарными структурами, обыски в местах пребывания которых выявили большие суммы наличных средств в иностранной валюте, слитки золота и оружие. Вскоре Прокуратура при Высоком кассационном суде (ICCJ) возбудила дело по обвинению Джорджеску «в распространении заведомо ложных сведений и подстрекательстве к совершению деяний против конституционного строя». По сути, речь шла о подготовке государственного переворота. Правда, в августе 2025 г. дело было переквалифицировано как «соучастие в покушении на совершение деяний против консти-

4 RETROSPECTIVĂ 2024. De la rețelele sociale la elita politică, dezinformarea într-un an eminamente electoral // Agerpres.ro. – 2024. – 17 decembrie. – URL: <https://agerpres.ro/politic-extern/2024/12/16/retrospectiva-2024-de-la-retelele-sociale-la-elita-politica-dezinformarea-intr-un-an-eminamente-elec-1404242> (дата обращения: 13.07.2025).

5 Martens M. Der Mythos von der russischen Einmischung // Frankfurter Allgemeine. – 2025. – 8. Januar. – Нем. яз. – URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/praesidentenwahl-in-rumaenien-der-mythos-von-der-russischen-einmischung-110216282.html> (дата обращения: 04.02.2025).

туционного строя и распространение заведомо ложных сведений»⁶. А. Гошу, известный историк-русист и советолог, высказывал сомнения в отношении российского участия в продвижении Джорджеску, предположив, что прямой связи тут нет, но возможны его связи с румынскими спецслужбами, в частности с военной разведкой. На самом деле государственный переворот, готовившийся в декабре 2024 г., утверждал А. Гошу, организовывался силовыми структурами, не затронутыми деятельностью Управления по расследованию организованной преступности и терроризма (DIICOT). «Кэлин Джорджеску – персонаж, вышедший из румынских спецслужб и, скорее всего, всё еще действующий, что объясняет причину того, что документы о нем были очищены из архивов» [Armand Goșu..., 2025].

Хотя скоропалительная отмена итогов 1-го тура вызвала вопросы как внутри страны, как и за рубежом, в том числе со стороны Венецианской комиссии⁷, он состоялся.

Так каким же был на самом деле электоральный пейзаж Румынии накануне 1-го тура выборов 2024 г.? Теперь уже встал вопрос об аутентичности опросов реальным настроениям и о том, как могут влиять скрытые технологии и манипуляции в социальных сетях на избирательный процесс с его открытой соревновательностью. Ведь К. Джорджеску не только не проводил офлайн-кампанию в свою пользу,

но и заявил, что потратил на нее ноль средств. А вот его онлайн-кампания, как выяснилось позже, стоила, по некоторым оценкам, порядка 50 млн евро. Расследование было продолжено.

Неординарная ситуация, возникшая в ходе избирательного процесса, привела экспертов к выводу, что социальные сети коренным образом изменили электоральный ландшафт Румынии, открывая как возможности, так и проблемы. С одной стороны, они обеспечили прямое и быстрое общение между политиками и избирателями, но с другой – открывали возможности для манипуляций и дезинформации. «Эффективное управление этими платформами и разработка надежных механизмов защиты демократических процессов будут иметь решающее значение для политического будущего Румынии», – писал Э. Ионеску вскоре после отмены результатов 1-го тура⁸.

Популярным стало утверждение о кризисе политических элит и подрыве доверия к традиционным лидерам и партиям, о том, что усилилось недоверие граждан к основным СМИ, подтолкнувшее их к поддержке правого популизма в условиях непростой экономической ситуации. Социальные сети закрыли эту лауну, но отмеченный сдвиг, по мнению авторов, отражает более широкую европейскую тенденцию, когда цифровая политическая коммуникация подрывает демократи-

6 Călin Georgescu a fost chemat la Parchetul General. Procurorii au schimbat acuzațiile (2025) // Digi24. – 2025. – 4 august. – Рум. яз. – URL: <https://www.digi24.ro/stiri/actualitate/justitie/calin-georgescu-a-ajuns-la-parchetul-general-de-ce-l-au-chemat-procurorii-3356051> (дата обращения: 04.08.2025).

7 В докладе Венецианской комиссии указывается, что решение о признании выборов недействительными должно быть обосновано явным указанием на нарушение избирательных норм, а также доказательствами этих нарушений. «Кроме того, информация, предоставленная спецслужбами, не может быть единственным доказательством, обосновывающим признание результатов выборов недействительными». См.: Ilie A. Comisia de la Veneția, despre anularea alegerilor din România: «Aceste decizii trebuie să indice clar încălcările și probele»/Ce spune raportul despre informațiile de la serviciile secrete // HotNews. – 2025. – 18 martie. – Рум. яз. – URL: <https://hotnews.ro/comisia-de-la-venetia-despre-anularea-alegerilor-din-romania-aceste-decizii-trebuie-sa-indice-clar-incalcările-si-probele-ce-spune-raportul-despre-informatiile-de-la-serviciile-s-1927940> (дата обращения: 03.05.2025).

8 Ionescu E. Cum influențează rețelele sociale rezultatele electorale în România? // Magazin-virtual. – Рум. яз. – URL: <https://magazin-virtual.net/cum-influenceaza-retelele-sociale-rezultatele-electorale-in-romania/> (дата обращения: 03.07.2025).

ческую стабильность. «Пока Румыния борется с этими проблемами, влияние альтернативных СМИ, дезинформации и политических манипуляций ставит под вопрос устойчивость демократических институтов в цифровую эпоху, а также обнажает отсутствие авторитетного политического руководства» [Мотос, 2025, р. 87]. Именно в этих условиях и возникла, по удачному выражению А. Момота, неожиданная для всех «невидимая Румыния».

И всё же вопрос абсолютного несоответствия результатов 1-го тура и данных опросов оставался открытым, и социологи сделали на этот счет ряд предположений. По мнению К.А. Стойки, помимо возможных ошибок выборки, провал предвыборных опросов можно объяснить следующими известными факторами:

- разной степенью участия в опросе (или степенью реагирования) избирателей в отношении некоторых кандидатов;
- эффектом социальной желательности;
- проявлением «спирали молчания».

Речь идет о влиянии отказа отвечать на вопросы анкеты (отказа от сотрудничества), что приводит к так называемой систематизации неотвеченных. Другими словами, предвыборные опросы сталкиваются с проблемой недооценки или переоценки намерений избирателей из-за отказа респондентов участвовать в опросе. Еще одной причиной ошибок в предвыборных опросах является эффект социальной желательности, который, по сути, означает, что респонденты дают ответы на вопросы, предвосхищая то, что будет социально приемлемым. Третьей причиной ошибок в опросах является эффект «спирали молчания», подразумевающий ситуацию, когда люди считают, что знают мнение большинства, и, обнаружив, что не согласны с ним,

предпочитают себя цензурировать [Stoica, 2025].

Серьезной проблемой при оценке избирательных намерений на президентских выборах 2024 г. стал отказ респондентов от участия в социологических исследованиях. Об этом также писал социолог Ч.К. Ифтимоей – автор рецензии на книгу К.А. Стойки «Второй тур, которого не было». С этим явлением социологи сталкиваются уже давно. «Исходя из своего опыта работы в Управлении статистики уезда Яссы, я могу подтвердить растущую тенденцию к отказу от участия в статистических опросах» [Ifitmoaei, 2025].

Позже социологи пришли к выводу, что отмена итогов выборов привела и к изменениям в стратегиях политических партий. Действительно, такие сдвиги произошли. Теперь социал-демократы и национал-либералы сумели выдвинуть единого кандидата – Крина Антонеску, опытного политика, правда, давно покинувшего эту сферу деятельности в связи с возрастом.

Исследователи задались также вопросами, что же необходимо сделать, чтобы гарантировать честность избирательного процесса, как защититься от влияния социальных сетей, скрыто воздействующих на электоральный ландшафт. Ведь существует серьезное противоречие между сроками, отведенными на избирательную кампанию, скоростью воздействия на алгоритмы социальных сетей и мерами, которые можно принимать в режиме реального времени.

Как отмечалось в румынских СМИ, самая болезненная и неприятная истина заключалась в том, что избиратели, так массово голосовавшие за К. Джорджеску, не являлись верными приверженцами его доктринальных идей и не разделяли его предвыборную программу. Программы этой они, как правило, не знали. «Они просто

услышали, как он говорит, да и проголосовали»⁹.

Политолог Р. Карп предложил в связи с этим пересмотреть весь механизм избирательных кампаний. Одним из вариантов может быть, по его мнению, мониторинг большого числа лидеров, реальных или просто имеющих онлайн-поддержку, в качестве потенциальных «кандидатов». За этими людьми следует вести более пристальное наблюдение, чтобы выяснить, инвестируют ли посторонние государственные структуры в их кампании. «Правда, такой постоянный мониторинг профилей людей, которые могут или не могут участвовать в политике, сам по себе, возможно, противоречит демократии», – замечал автор.

Р. Карп рассмотрел и другой вариант: социальные сети должны раскрыть свои алгоритмы продвижения и гарантировать, что эти алгоритмы не изменятся из-за вмешательства внешних структур. Не исключено, что в конечном итоге единственным решением, гарантирующим честный избирательный процесс, является баланс между социальными сетями. Такое равновесие возможно, если на глобальном рынке социальных сетей будет существовать орган, выполняющий роль арбитра. «Пока это равновесие не будет достигнуто, мы обречены наблюдать, казалось бы, необъяснимый рост числа кандидатов, позиционирующих себя как «независимые», пришедших из ниоткуда, но на самом деле связанных невидимыми нитями с государственными субъектами, имеющими конкретную цель – вмешаться в избирательный процесс» [Carp, 2025, p. 157].

Сам по себе румынский случай аннулирования результатов выборов не является уникальным – такие отмены происходили в Европе, но Румыния, как отмечала эксперт Центра европейских реформ Ж. Чаки, стала первой страной, где это произошло «из-за непрозрачного использования социальных сетей» [Csaky, 2025b]. Пока, правда, нет полностью достоверной информации на этот счет.

Особенности нового раунда президентских выборов (май 2025 г.)

Президентские выборы, проходившие 4 и 18 мая 2025 г., не были отягощены серьезными проблемами влияния социальных сетей. Центральное избирательное бюро регулярно сообщало об удалении аккаунтов, распространявших ложную информацию, противоречивших национальному законодательству либо направленных на подрыв доверия граждан к государственным институтам. Под жесткий контроль было также поставлено финансирование избирательной кампании каждого из кандидатов.

18 мая, в день 2-го тура выборов, пресс-секретарь Министерства иностранных дел Румынии А. Цэрня выступил с осуждением «российского вмешательства» в президентские выборы, предупредив о наличии кампании по распространению фейковых новостей, проводимой на платформе *Telegram* и других социальных сетей¹⁰. Вместе с тем в румынских СМИ со ссылками на западные источники выражались опасения в способности государства

9 Copăceanu M. De ce peste 2 milioane de români au votat Călin Georgescu? 10 adevăruri! // adevarul.ro. – 2024. – 25 noiembrie. – URL: <https://adevarul.ro/blogurile-adevarul/de-ce-pest-2-milioane-de-romani-au-votat-calin-2404289.html> (дата обращения: 01.12.2024).

10 MAE denunță o «interferență rusească» în timpul alegerilor prezidențiale din România (2025) // Atitudinea. – 2025. – 18 mai. – Рум. яз. – URL: <https://atitudinea.ro/mae-denunta-o-interferenta-ruseasca-in-timpul-alegerilor-prezidentiale-din-romania/> (дата обращения: 01.08.2025).

эффективно отслеживать и контролировать информационное пространство, особенно в сети Интернет¹¹.

Высоко оценив организацию выборов 2025 г., О. Мерфи, глава миссии наблюдателей Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, обратил внимание на недочеты как раз в контроле над социальными сетями: «Избирательная кампания проходила преимущественно в Интернете, и недобросовестное поведение стало проблемой, на которую ни власти, ни онлайн-платформы не отреагировали в достаточной мере, несмотря на недавние заметные попытки более эффективно решать подобные проблемы. Из-за ограниченности информации о том, как власти пытаются действовать в онлайн-сфере, была упущена возможность информировать общественность о мерах государства по повышению честности выборов»¹². Однако результаты опросов, проводившихся накануне нового раунда выборов, в целом соответствовали раскладу политических предпочтений, которые определились в результате голосования. Хотя и на этот раз не обошлось без сюрпризов, но они были достаточно ожидаемы в представлении тех, кто пытался смотреть на ситуацию внимательно и объемно.

На этот раз Кэлин Джорджеску не был утвержден в качестве кандидата. Зато его националистический «коллега» Джордже Симион бросил все силы и ресурсы для своего продвижения в президентское кресло, и это ему чуть было не удалось.

При этом было совершенно очевидно, что общество переутомилось

от большого количества политических пертурбаций и в известной мере впало в оцепенение. Новые исследования избирательских предпочтений констатировали высокую степень неопределенности на румынском избирательном ландшафте. В атмосфере недоверия и отсутствия четких предпочтений агентство *МКОР* 26–28 марта 2025 г. провело независимое исследование, чтобы понять, кем на самом деле являются румынские избиратели и каковы механизмы формирования их намерений. Многое удалось прояснить и даже понять, чего следует ожидать во 2-м раунде президентских выборов.

При ответе на вопрос «За кого бы вы проголосовали?» 45,3% респондентов не смогли назвать имя или отказались отвечать. Это отсутствие спонтанного выбора подтверждало высокий уровень нерешительности и политической разобщенности, сигнализируя о том, что у значительной части электората не было предпочитаемого кандидата или опрашиваемые недостаточно мотивированы, чтобы сделать четкий выбор.

Намерения избирателей оказались достаточно неопределенными: более 45% румын в возрасте от 18 до 65 лет не могли спонтанно определить кандидата, за которого они проголосовали бы в мае, а результаты 2-го тура казались неопределенными. Уже тогда исследователями был сделан четкий вывод: в этой поляризованной избирательной среде абсентеизм и нерешительность могут радикально повлиять на конечный результат выборов [*Ситроска*, 2025]. Прогноз того, что президентские выборы 2025 г. обещают стать самыми

11 Alegerile din România sub semnul întrebării: Presa internațională și factorii de decizie se uită la provocările cu care se confruntă procesul electoral // *Defense. România*. – 2025. – 4 mai. – URL: https://www.defenseromania.ro/alegerile-din-romania-sub-semnul-intrebării-presa-internaționala-evidențiază-provocările-si-ingrijorările-cu-care-se-confruntă-procesul-electoral_633584.html (дата обращения: 25.07.2025).

12 În ciuda eforturilor notabile de a crește integritatea electorală, aspecte cheie ale alegerilor prezidențiale din România au rămas fără o supraveghere suficientă: observatori internaționali // *OSCE*. – 2025. – 5 mai. – Рум. яз. – URL: <https://www.osce.org/ro/odihr/elections/590333> (дата обращения: 04.08.2025).

непредсказуемыми за последние годы, действительно подтвердился.

По опросам, в 1-м туре новых президентских выборов должен был лидировать председатель националистического «Альянса за объединение румын» Джордже Симион, получивший на отмененных выборах 19,1% голосов. В первоначальном варианте 22,4% респондентов говорили, что проголосовали бы за Симиона, но его оценка увеличивалась до 31,2% после перераспределения действительных голосов, исключая неопределившихся, пустые бюллетени и отказы отвечать.

Такое позиционирование делало Симиона фаворитом на старте президентской гонки с видимым преимуществом перед другими конкурентами: новый участник выборов – независимый кандидат и мэр Бухареста Никушор Дан получил бы 16,2% в первоначальном виде и 22,7% после перераспределения голосов, а единый кандидат от социал-демократов и национал-либералов Крин Антонеску – 13,5% (18,8% после перераспределения).

Однако этот результат, как справедливо полагали авторы исследования, не переводится в политическое или электоральное большинство. Дело в том, что более 27% респондентов выражали отрицательную или неопределенную позицию: 16,2% не определились, 5,9% заявляли, что проголосовали бы пустыми бюллетенями, а 5,3% говорили, что вообще не будут голосовать. «Такой электоральный контекст предполагает, что окончательный результат выборов будет зависеть не только от результатов 1-го тура, но и от способности кандидатов мобилизовать колеблющийся электорат и сократить неявки во 2-м туре» [Ситроса, 2025]. И эти прогнозы подтвердились полностью!

Благодаря умелым политтехнологиям Джордже Симион в 1-м туре получил даже значительно больше,

чем предполагали опросы, – 40,96% голосов. Его соперником стал Никушор Дан, получивший всего 20,99% поддержки. И вот теперь в борьбу за электорат вступили не только политтехнологи, но и сами кандидаты, вышедшие на открытые дебаты, а также СМИ, которые массово «топили» Симиона и всемерно прославляли Дана.

За плечами евродепутата и лидера партии «Альянс за объединение румын» Дж. Симиона были хулиганские акции, националистические унионистские манифестации, в том числе на территории Республики Молдова, а также участие в антивенгерских выступлениях в румынской Трансильвании и звание «персона нон грата» со стороны властей Молдавии и Украины. Кроме того, СМИ открыли публике связи Симиона с унионистским сообществом «Братство Креста» и представителями спортивных фанатов, известных своими хулиганскими акциями во время мирных антикоррупционных протестов в 2017 г. «Братство Креста» характеризуется в СМИ как молодежная организация легионеров, которая возрождается на глазах у властей. Да и демонстрация дружбы с Кэлином Джорджеску, которым вплотную занялись следственные органы, не могла идти Дж. Симиону на пользу. Его выступления против помощи Украине наводили на мысль, что он имеет какие-то связи с Кремлем. Еще раньше публиковались никем публично не подтвержденные сведения со ссылками на украинские спецслужбы о его тайных встречах с представителями российских разведывательных служб. Симион всё отрицал, но избиратель слышал и видел, а это не могло не иметь последствий.

«Возникает вопрос, почему такого кандидата, который получил в международной прессе ярлык радикала, власти не отстранили от участия в выборах или не аннулировали результаты голосования, как в 2024 г. Дело в том, что

Дж. Симион гораздо более предсказуемый политик, чем К. Джорджеску. Если у последнего иррациональный или даже, как пишут в румынской прессе, «мистический политический профиль», то лидер *AUR* считается более договороспособным» [Кочедыков, 2025]. Нельзя не присоединиться к этому заключению.

Независимый кандидат Никушор Дан представлялся в СМИ просто ангелом во плоти. Математик, получивший докторскую степень в Сорбонне, научный работник, многолетний активист, занимавшийся спасением исторического и культурного наследия Бухареста, учредитель либеральной партии «Союз за спасение Румынии», мэр Бухареста, избранный на 2-й срок в 2024 г., государственный и антикоррупционер. Его программа имела либерально-реформистский характер, была выстроена логично и доходчиво [Биткова, 2025a]. Что касается Республики Молдова, он не акцентировал внимание на этнических вопросах, а ратовал лишь за усиление связей и поддержку со стороны Румынии политики вступления соседней страны в Евросоюз. Вопросов этнической общности он не касался. Следует отметить, что Дан в комментариях западных источников массово квалифицировался как «центрист»¹³, а не либерал, хотя его программа как независимого кандидата несла черты сугубо либеральные.

Но как всё же продвинуть этого «ангела», чтобы убрать с пути «дракона» Симиона, – такой вопрос задавали себе приверженцы дальнейшей евроинтеграции. Очевидно, необходимо было адресно обращаться к электорату, в первую очередь к неопределившемуся, а также инициировать тех, кому близки идеи и программа Дана. Конечно, это были образованные слои общества, жите-

ли больших, университетских городов и промышленных районов. Их призвали оставить свою лень и прийти на избирательные участки, так как «родина в опасности». Нужны были эмоции и даже запугивание, и всю эту волну подняли средства массовой информации. В результате участие в выборах выросло более чем на 11% именно за счет населения больших городов. Явка во 2-м туре составила 64,7%, в то время как в 1-м была 53,21%. Проснулись неопределившиеся и безучастные. Процесс этот не был одномоментным. В ходе избирательной кампании опросы показывали стремительный рост популярности Дана, который в отличие от Симиона не был политиком, примелькавшимся на общенациональном политическом форуме.

Ближе ко дню выборов рейтинги кандидатов были приблизительно равны [Stan, 2025], а «неожиданный» рывок симпатий к Никушору Дану был вполне предсказуем, хотя не абсолютно очевиден.

Еще в начале новой избирательной кампании исследование *MKOR* выявило резкую социально-демографическую поляризацию между сторонниками основных кандидатов на президентских выборах 2025 г. Румынский электорат разделился на 2 различных мира, определяемых местом проживания, уровнем образования и социально-экономическим статусом.

Джордже Симион имел однородное и предсказуемое ядро сторонников с социально-демографической точки зрения:

- 58% его избирателей – жители сельской местности;
- 50% заявляли о низком доходе;
- 59% имеют среднее образование;
- 44% из них – неактивные люди.

13 Centrist wins Romania's tense presidential race over hard-right nationalist // npr. – 2025. – 18 mai. – Рум. яз. – URL: <https://www.npr.org/2025/05/18/nx-s1-5402901/romania-election-nicutor-dan-president> (дата обращения: 12.06.2025).

Доминирующей мотивацией сторонников Дж. Симиона являлось стремление к переменам и антисистемная позиция (32%), что отражает выбор скорее реактивный, чем активный [Cimprosa, 2025]. Не следует при этом упускать из виду, что поддержка Дж. Симиона не ограничивается только «простым» народом. Обладая даром уличного трибуна и пропагандиста, он давно имеет на своей стороне также много представителей молодежи – не только из маленьких городов и сельской местности.

Никушор Дан, согласно исследованиям, в большей степени привлекал городской, образованный электорат с доходом выше среднего:

- 72% его избирателей проживают в городских районах;
- 72% заявляли о среднем и высоком доходе;
- 43% имеют высшее образование.

Мотивация этого электората была сосредоточена на честности и высоких качествах личности кандидата (44%), а стремление к переменам имело скорее реформистский, нежели радикальный подтекст [Cimprosa, 2025]. Именно этот электорат кардинально повлиял на исход выборов. Среди этого электората, конечно, были и те, кто в 1-м туре голосовал за других «европеистов».

Авторы исследования, проводившегося агентством MKOR, пришли к однозначному выводу, что социально-демографическая поляризация в целом отразила две электоральные Румынии: городскую, образованную, с доходом выше среднего, ориентированную на целостность и стабильность, и сельскую, с низким доходом, со средним образованием, мотивированную отрицанием и недоверием к системе (последняя составляет около половины населения). В этом контексте президентские выборы 2025 г. должны были стать не просто демократическим упражнением,

но и «явным выражением социального и экономического разрыва между двумя электоральными мирами» [Cimprosa, 2025]. Об усилении региональной поляризации, обусловленной экономическими и демографическими факторами, писали и другие исследователи [Gabor, Ifimoaei, 2025, p. 55]. Однако некоторые социологи эту идею не поддерживают, полагая, что на самом деле нет четкой границы между «европеистами» и «суверенистами» [Stoica, 2025].

Прогнозы прогнозами, но день выборов ощущался в стране как момент истины, как некая грань, за которой могли последовать события малопредсказуемые. Поскольку за Дж. Симионом был след неподтвержденных связей с Москвой, на фоне украинских событий это внушало страх. В результате избиратели оказались на стороне мэра Бухареста: Никушор Дан получил 53,60% голосов, а Джордже Симион – 46,40%. Это была победа настолько очевидная, что серьезно доказать обратное не представлялось возможным. Венгерская диаспора Румынии почти поголовно проголосовала против Дж. Симиона (95%), а она составляет более 1 млн чел. при общей численности населения Румынии около 19 млн.

Правда, за пределами страны, где проживает много румынских трудовых мигрантов, итоги 2-го тура выборов, напротив, показали преимущество Дж. Симиона (55,86%). Н. Дан получил меньшую поддержку (44,14%). Дж. Симион набрал больше всего голосов в Западной Европе, где находятся самые многочисленные румынские диаспоры. Н. Дан победил в странах Восточной Европы и Азии, включая Россию, Молдавию, Украину, Белоруссию, Китай, а также в странах Южной и Северной Америки. В особенности выделилась Республика Молдова, где за Н. Дана проголосовало 88% избирателей с румынскими паспортами, а за Дж. Симиона – лишь 12%.

К тому же явка во 2-м туре оказалась на 75% выше, чем в первом¹⁴.

По средним показателям зарубежная диаспора накануне 2-о тура оказалась оторванной от внутрирумынского избирательного поля. Причиной могла послужить активная пропагандистская деятельность Дж. Симиона на европейском пространстве, которое в наибольшей степени заселено румынскими трудовыми мигрантами. В массе они как раз представляют не высокообразованное население крупных румынских городов, а «простых» людей со средним образованием, которые и составляют в Румынии главный ресурс для праворадикальных политиков. В большинстве своем это строители, водители, кладовщики, горничные, уборщики, продавцы и т. д. Как правило, они приехали из бедных районов Румынии. Среди них, как отмечалось также наблюдателями в Европе, редко можно встретить бухарестцев или людей из крупных процветающих городов Трансильвании. Уровень их образования чаще всего невысокий, в значительной степени они «политически неграмотны, с полным непониманием демократического процесса, роли и разделения властей в государстве и т. д.»¹⁵. В их высказываниях слышен лейтмотив: «Мы хотим вернуться домой, но не можем из-за этих людей, которые правят Румынией 35 лет». Они надеялись, что Румыния изменится под руководством К. Джорджеску или Дж. Симиона и тогда они смогут вернуться¹⁶.

После 1-го тура Дж. Симион отправился в турне по европейским столи-

цам, понимая, что его ресурс внутри страны почти исчерпан, а диаспора всегда заметно влияла на исход румынских выборов. И она действительно повлияла, но недостаточно, чтобы выиграть президентскую гонку евроскептику и правому радикалу, хотя Дж. Симион не скупился на обещания новой прекрасной жизни в родной для мигрантов Румынии и воздерживался от антиевропейского дискурса. Дж. Симиону противостояли румынские проевропейские либеральные СМИ, которые прямо обращались к своим соотечественникам за рубежом со своим дискурсом.

«Фактор румынской трудовой миграции – один из ключевых, и его политическая эволюция оказалась одним из главных сюрпризов прошедших выборов» [Путинцев, 2025]. Удивляло то, что до сих пор зарубежная диаспора твердо поддерживала праволиберальный тренд. В том числе благодаря ей в 2014 г. президентом стал либерал Клаус Йоханнис, в 1-м туре уступавший социал-демократу Виктору Понте около 10%. Предположения, что среди сегодняшней диаспоры более значительное место, чем несколько лет назад, занимают люди неустроенные, не очень образованные, живущие между двумя мирами в некотором психологическом неравновесии и поэтому восприимчивые к популистским речам, возможно, в известной мере объясняют крен в сторону праворадикального популизма, но представляется, что проблема значительно глубже и многограннее и она нуждается в отдельном глубоком исследовании.

14 Georgescu A. Cum s-au împărțit voturile în diaspora între Nicușor Dan și George Simion – HARTĂ. Diferența dintre cei doi a fost de 191.000 de voturi (2025) // HotNews. – 2025. – 19 mai. – Рум. яз. – URL: <https://hotnews.ro/cum-s-au-impartit-voturile-in-diaspora-alegeri-prezidentiale-2025-turul-doi-nicusor-dan-george-simion-1980235> (дата обращения: 20.05.2025).

15 Clej P. Votul în Diaspora: Influența factorului de clasă în succesul lui George Simion // rfi. – 2025. – 5 mai. – Рум. яз. – URL: <https://www.rfi.fr/ro/rom%C3%A2nia/20250505-votul-%C3%AEn-diaspora-influen%C8%9Ba-factorului-de-clas%C4%83-%C3%AEn-succesul-lui-george-simion> (дата обращения: 20.05.2025).

16 Там же.

Намечается ли сегодня, после столь высокого напряжения, равновесие в румынском обществе внутри страны? Кажется, что пока нет. Так, по крайней мере, оценивают ситуацию многие румынские политологи. Они отмечают, что после 1990 г. в обществе всегда существовал разлад, но он никогда не достигал духа мести и ненависти, свойственных нынешнему времени. Неслучайно после объявления предварительных итогов выборов Никушор Дан обратился ко всем избирателям – как к своим сторонникам, так и к противникам, – подчеркнув, что «пришло время бороться за одну единственную Румынию»¹⁷.

Что имел в виду избранный президент? Румынское общество, несомненно, переживает раскол. Подъем праворадикальных настроений и углубляющееся недоверие к системным политическим элитам подрывает сложившуюся проевропейскую и проамериканскую ориентацию общественного мнения. И Румыния неоригинальна в этом отношении. Этот тренд очевиден также в ряде других европейских стран. Наиболее отчетливо он проявился с середины 2010-х годов, а сегодня находится на подъеме. Нельзя не согласиться с П.Е. Канделем, что «выборы 2014 г. в некоторых странах Юго-Восточной Европы выявили новые тенденции: усиление протестного голосования, запрос на обновление политической сцены, влечение к несистемным, прежде маргинальным популистским и (или) националистическим силам и лидерам» [Кандель, 2015]. Правда, Румыния в этом отношении несколько запоздала. Протестные настроения ярко проявились в ходе массовых антикоррупционных демонстраций 2017–2018 гг.,

но правый радикализм уверенно стал осваивать политическое пространство только после 2020 г., когда свежее испеченная националистическая партия «Альянс за объединение румын» уверенно прошла в парламент.

Заключение

Только благодаря активизации населения больших городов, людей наиболее обеспеченных, имеющих более высокое образование, Никушору Дану удалось выиграть президентские выборы. Решающую роль, без сомнения, сыграла пропаганда, развернутая в его пользу в СМИ. Правда, не следует недооценивать и роль самого претендента, который, как выяснилось в ходе дебатов, обладает талантом располагать к себе публику. Кампания в СМИ, благодаря которой удалось привлечь на участки много жителей больших городов, подтвердила прежние выводы социологов о том, что электоральный ландшафт в Румынии имеет сильную зависимость от регионализации и демографических факторов. Там, где более развита экономика и в наличии высокая степень урбанизации и образования, избиратели и на этот раз поддержали праволиберальный проевропейский тренд, в то время как жители маленьких городов и сельскохозяйственных регионов (а их около половины) по-прежнему оказались более восприимчивы к популистскому дискурсу праворадикальных формирований. Они, как показал 1-й тур президентских выборов 2024 г., легче поддаются политтехнологиям и манипуляциям в социальных сетях. Всё это было учтено при организации выборов 2025 г., и правый радикализм не стал

17 Alegeri prezidențiale 2025. Mesajul lui Nicușor Dan după apariția primelor rezultate: «E timpul să luptăm pentru o singură Românie» // Digi24. – 2025. – 18 mai. – Рум. яз. – URL: <https://www.digi24.ro/alegeri-prezidentiale-2025/alegeri-prezidentiale-2025-mesajul-lui-nicutor-dan-dupa-aparitia-primelor-rezultate-e-timpul-sa-luptam-pentru-o-singura-romania-3246069> (дата обращения: 26.05.2025).

преобладающей линией государственной политики страны, являющейся членом Евросоюза и НАТО [Биткова, 2025а; Биткова, 2025с]. Но не всё так однозначно. Как уже отмечалось, не все социологи поддерживают четкое разграничение «город – село» при определении предпочтений избирателей. Например, Дж. Симион, имеющий богатый опыт уличных акций, популярен среди молодежи.

Камнем преткновения для организаторов 2-го раунда президентских выборов стали социальные сети, их влияние на выборный процесс. Румынские социологи и государственные службы внимательно изучали и отслеживали, насколько возможно, этот процесс. Как свидетельствовала румынская и зарубежная пресса, новую президентскую кампанию удалось провести достаточно прозрачно.

Нельзя не отметить и международный аспект описанных событий. Президентско-парламентская форма правления, характеризующая румынское государство, предоставляет президенту исключительные полномочия в области обороны, безопасности и внешней политики. Поэтому исход выборов 2025 г. не был безразличен для евроатлантических структур, что отразилось и в средствах массовой информации. «Все ведущие европейские СМИ, стремясь перетянуть румынскую диаспору на сторону Н. Дана, развернули бурную кампанию против Дж. Симиона, а Европейская комиссия недвусмысленно сообщила, что его победа поставит под вопрос дальнейшее финансирование Румынии из европейских фондов, благо непомерный дефицит государственного бюджета давал к тому формальные основания» [Кандель, 2025b, с. 41]. Победа Никушора Дана была с облегчением воспринята в структурах Евросоюза, эксперты которых отмечали, что эти выборы «стали испытанием

на устойчивость демократии, но, подтвердив статус-кво в отношении большинства направлений политики ЕС, показали, что антисистемные настроения сохранятся» [Csaky, 2025a].

На протяжении всего посткоммунистического периода Румыния была твердым геостратегическим партнером НАТО, находящимся на юго-восточной границе этой организации, и это рассматривалось как данность, которую нежелательно терять. Институты Евросоюза, в свою очередь, не были расположены получить в своих рядах еще одного евроскептика в качестве главы государства. Поэтому формирование благоприятной для Запада электоральной среды стало ответственной задачей румынской политической элиты на финальной стадии многомесячной избирательной гонки. И с этой задачей ей удалось справиться.

Румыния, как известно исследователям этой страны, в дилемме США – Европа всегда предпочитала следовать за США во всех их внешнеполитических инициативах, вызывая порой недовольствие Франции и Германии. Однако выступление вице-президента США Д.Д. Вэнса на Мюнхенской конференции с критикой отмены 1-го тура президентских выборов в Румынии как примера слабости европейской демократии вызвало недоумение румынских властей, и не только их. «Главный эффект речи Вэнса – эффект непредсказуемости и неожиданности. Судя по озабоченным лицам в зале и жидким аплодисментам, аудитория не была готова к такой отповеди» [Хисямова, 2025].

В среде аналитиков было замечено, что дилемма США – Европа оказалась непростой для румынских политиков: «Внезапно для себя румынские власти, уверенные в поддержке Запада и пытавшиеся не слишком ловко разыграть карту «борьбы с российским вмешательством», должны были выбирать

между Брюсселем и Вашингтоном» [Путинцев, 2025]. Однако вскоре новый румынский президент не только подтвердил евроатлантический курс страны и линию на дальнейшую поддержку Украины, но и сообщил, что сделаны шаги по выравниванию отношений с США [Биткова, 2025а, с. 51].

Что касается подчеркнутого «трампа» Дж. Симиона в период президентской кампании, о чем активно писали румынские СМИ, эта новость является лишь одним из многих сюжетов политического театра этого деятеля, который постоянно меняет акценты своего дискурса.

Вообще, при анализе сегодняшней политической жизни Румынии и особенностей электорального пейзажа страны, в частности, не следует преувеличивать внешнеполитический контекст и «фактор Трампа», тем более что, как справедливо отмечают некоторые западноевропейские эксперты, очевидна непредсказуемость американского президента: «Такие кульбиты наглядно иллюстрируют хаотичность внешней политики Трампа: постоянная импровизация и шоковые формулы, преследующие одну-единственную цель – заключить сделку, какой бы ничтожной она ни была»¹⁸.

Завершая тему румынских президентских выборов, хотелось бы подчеркнуть, что сегодняшнее противостояние европейцев и евроскептиков не является чем-то уникальным. На самом деле это – модификация исторически сложившейся темы, определяющей специфику румынской цивилизации во всех ее ипостасях с начала XIX в. (подробнее см.: [Биткова, 2020]). Эту линию очень емко представил в своем недавнем интервью историк М. Ткачук: «С одной стороны, очень тонкая цивилизацион-

но-либеральная пленка, которая всегда была характерна для Румынии, ревниво вопрошающая в сторону просвещенного европейского Запада, а с другой стороны, всё это сложно сочетаемое варено-унионизма, хищно претендующего на всё вокруг себя и не желающего смириться с разнообразием, которое, безусловно, свойственно Румынии и всему этому региону» [Ткачук, 2025].

Такая особенность присуща Румынии по многим историческим причинам, в том числе потому, что эти земли находились около трех веков под экономическим и политическим контролем Османской империи, характеризовались преимущественно сельскохозяйственной экономикой, местные элиты были в значительной мере оторваны от политических и культурных течений Западной Европы. Население сельскохозяйственных регионов и сегодня очень традиционно в повседневной культуре и доверчиво в отношении популистского дискурса, насаждаемого праворадикальными политиками. Это в целом и определило электоральный разрыв между большими городами и селом на президентских выборах 2024–2025 гг. Растущее повсеместно недоверие к уже привычным проевропейским политическим элитам тоже сыграло свою роль в углублении такого разрыва.

Список литературы

Биткова Т. Битва евроскептиков и еврооптимистов: чего ждать от повторных выборов в Румынии // ТАСС. – 2025b. – 25 апреля. – URL: <https://tass.ru/opinions/23775501> (дата обращения: 25.04.2025).

Биткова Т. Кто привел к победе на президентских выборах в Румынии Ни-

¹⁸ De Meeûs D. Trump improvise, Poutine insiste // La libre. – 2025. – 29 septembre. – Рум. яз. – URL: <https://www.lalibre.be/debats/edito/2025/09/24/trump-improvise-poutine-persiste-HLUKE2HOSBDILMKZNPBGDD7LLA/> (дата обращения: 30.09.2025).

кушора Дана? // ТАСС. – 2025с. – 20 мая. – URL: <https://tass.ru/opinions/23990997> (дата обращения: 20.05.2025).

Биткова Т. Политический театр Румынии: от выборов до выборов // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. – 2025а. – № 77 (93). – С. 38–51.

Биткова Т.Г. Румынский европеизм и проблема национальной идентичности (современная ситуация в историческом контексте). – Москва : ИНИОН РАН, 2020. – 132 с.

Кандель П.Е. Выборы в Молдове, Румынии и Хорватии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2025а. – № 1. – С. 42–50. – DOI: 10.15211/vestnik-ieran120254250.

Кандель П.Е. Подозрительная кардиограмма, или кризис доверия // Власть. – 2015. – Т. 23, № 3. – С. 161–166.

Кандель П.Е. Президентские выборы в Румынии. Дубль 2 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2025b. – № 3. – С. 42–50. – DOI: 10.15211/vestnikieran320254250.

Кочедыков И. В условиях поляризации: кто потягается во втором туре за президентство в Румынии // ТАСС. – 2025. – 13 мая. – URL: <https://tass.ru/opinions/23928855> (дата обращения: 20.05.2025).

Кочедыков И. Системный ответ на вызов системе // Коммерсантъ. – 2024. – 9 декабря. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7362688> (дата обращения: 20.12.2024).

Путинцев И. «Суверенизм»: румынская версия // Россия в глобальной политике. – 2025. – 8 августа. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/suverenizm-rumyniya-putincev/> (дата обращения: 20.09.2025).

Ткачук М. Молодой, злой, ультраправый: новый национализм в Восточной Европе // Россия в глобальной политике. – 2025. – 2 июня. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zloj-ultrapravyyj->

[mark-tkachuk/](https://globalaffairs.ru/articles/zloj-ultrapravyyj-mark-tkachuk/) (дата обращения: 20.09.2025).

Трухачев В. Румынская сенсация // Известия. – 25 ноября. – URL: <https://iz.ru/1796662/vadim-truhacev/rumynskaa-sensacia> (дата обращения: 02.12.2024).

Хисямова А.Р. Мюнхенская конференция по безопасности – 2025: эффект Вэнса // ИМЭМО РАН. – 2025. – 18 февраля. – URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/munich-security-conference-2025-the-vance-effect> (дата обращения: 22.09.2025).

Armand Goșu: «Calin Georgescu, nu cred ca este creatia rușilor. Mai degraba a ieșit din spuma serviciilor românești» // Monitorul alegerilor. – 2025. – 8 martie. – Рум. яз. – URL: <https://monitorulalegerilor.ro/alegeri-prezidentiale/turul-2/calin-georgescu/armand-gosucalin-georgescu-nu-cred-ca-este-creatiarusilor-mai-degraba-a-iesit-din-spumaserviciilor-romanesti/> (дата обращения: 03.07.2025).

Carp R. Emițător – receptor – emițător și jocul „oglinzilor paralele”: ecuația prin care alegerile din România au fost fraudate cu intervenția unor actori externi // Revista Polis. – 2025. – Vol. 47, N 1. – P. 147–158. – Рум. яз. – URL: <https://revistapolis.ro/wp-content/uploads/2025/03/Polis-nr-47-BT-mart2025-F.pdf> (дата обращения: 20.07.2025).

Cimpoca C. Studiu MKOR: România Electorală, prinsă între Vot, Absenteism și Polarizare la 1 Aprilie 2025 // MKOR. – 2025. – 1 aprilie. – Рум. яз. – URL: <https://mkor.ro/studii/romania-electoral-a-aprilie-2025/> (дата обращения: 20.07.2025).

Csaky Z. Elections in Poland and Romania: What do the results mean for Europe? // Center for European Reform. – 2025а. – June 13. – URL: https://www.cer.eu/sites/default/files/ZC_Poland_Romania_13.6.25.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Csaky Z. France and-Romania should far right candidates be banned running

presidency // Center for European Reform. – 2025b. – April 25. – URL: <https://www.cer.eu/insights/france-and-romania-should-far-right-candidates-be-banned-running-presidency> (дата обращения: 22.08.2025).

Gabor V.R., Iftimoaei C.C. Alegerile prezidențiale din România anului 2024 – turul I. Elemente de geografie electorală // Revista Polis. – 2025. – Vol. 47, N 1. – P. 53–70. – Рум. яз. – URL: <https://revistapolis.ro/wp-content/uploads/2025/03/Polis-nr-47-BT-mart2025-F.pdf> (дата обращения: 22.07.2025).

Georgescu C. Marea Renastere – Adevăr Libertate Suveranitate. – București : Prestige, 2023. – 256 p. – Рум. яз.

Iftimoaei C.C. O analiză sociologică a alegerilor prezidențiale din 2024 // Revista Polis. – 2025. – Vol. 48, N 2. – P. 399–407. – Рум. яз. – URL: <https://revistapolis.ro/wp-content/uploads/2025/06/Polis-nr-48-BT-iun2025.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).

Momoc A. Criza de încredere în leadershipul politic și în media. Populism

și polarizare în comunicarea digitală la alegerile prezidențiale din 2024 // Revista Polis. – 2025. – Vol. 47, N 1. – P. 87–113. – Рум. яз. – URL: <https://revistapolis.ro/wp-content/uploads/2025/03/Polis-nr-47-BT-mart2025.pdf> (дата обращения: 04.08.2025).

Stan A. EXCLUSIV. Primul mare sondaj pentru turul doi al alegerilor prezidențiale din 18 mai 2025. Luptă extrem de strânsă între George Simion și Nicușor Dan. Ce se întâmplă cu electoratul lui Crin Antonescu și Victor Ponta // Hotnews.ro. – 2025. – 13 mai. – Рум. яз. – URL: <https://hotnews.ro/exclusiv-primul-mare-sondaj-pentru-turul-doi-al-alegerilor-prezidentiale-din-18-mai-2025-lupta-extrem-de-stransa-intre-george-simion-si-nicutor-dan-ce-se-intampla-cu-electoratul-lui-crin-antonescu-1972338> (дата обращения: 06.07.2025).

Stoica C.A. Turul doi care n-a fost. Autopsia sumară a unui moment electoral (sperăm) unic. – București : Editura Humanitas, 2025. – 245 p. – Рум. яз.

Problems of the Old World

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.05

The Electoral Landscape of Romanian Society in the 2024–2025 Presidential Campaigns: Problems and Solutions

Tatiana G. BITKOVA

PhD (Philology), Leading Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: tgbitkova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8471-1576

CITATION: Bitkova T.G. (2025). The Electoral Landscape of Romanian Society in the 2024-2025 Presidential Campaigns: Problems and Solutions. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 5, pp. 82–102 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.05.05

Received: 16.08.2025.

Revised: 09.10.2025.

ABSTRACT. *The dramatic events that took place in Romania after the first round of the presidential elections in November 2024 caused a political crisis in the country and concern on the part of Euro-Atlantic structures. The results of these elections, in which the right-wing radical Calin Georgescu unexpectedly won, were annulled, but they showed the authorities, sociologists and political strategists the need to more closely study and understand what the real Romanian electorate is, how to build the electoral process in order to avoid dangerous imbalances in the country's political life. The results of the November 2024 elections were the result of voters' strong dependence on dishonest propaganda on social media. Previous findings by sociologists that Romania's electoral landscape*

is strongly dependent on regionalization and demographic factors were also confirmed. Regions with a high degree of economic development, urbanization and education support right-liberal pro-European discourses and are less inclined to trust sovereigntists. Residents of small towns and rural areas are more susceptible to the discourse of populist far-right groups. As the first round of the 2024 presidential elections showed, they are more susceptible to political technologies and manipulations on social networks. All this was taken into account when organizing the new round of elections. The victory of the liberal and Europeanist Nicusor Dan in the repeat presidential elections in May 2025 did not come easily, but it showed how the activation of wealthy and highly educated

voters in large cities changed the electoral landscape of Romania in favor of the Euro-Atlantic course, against the far-right nationalists advocating unification with the Republic of Moldova, inciting hatred towards the large Hungarian diaspora inside the country, nostalgic for the legionary past of “Greater Romania”, part of whose territories are now outside the borders of the Romanian state.

KEYWORDS: Romania, electoral landscape, regionalization, presidential elections, European Union, NATO, right-wing radicalism, nationalism, Euro-Atlantic orientation.

References

- Armand Goșu... (2025). Armand Goșu: “Calin Georgescu, I do not think it is the creation of the Russians. Rather came out of the foam of Romanian services”. *Monitorul alegerilor*. March 08 (in Romanian). Available at: <https://monitorulalegerilor.ro/alegeri-prezidentiale/turul-2/calin-georgescu/armand-gosu-calin-georgescu-nu-cred-ca-este-creatia-rusilor-mai-degraba-a-iesit-din-spuma-serviciilor-romanesti/>, accessed 03.07.2025.
- Bitkova T.G. (2020). Romanian Europeanism and the Problem of National Identity: The Current Situation in a Historical Context. Moscow: INION RAN, 132 pp. (in Russian).
- Bitkova T. (2025a). Political Theatre of Romania: From Election to Election. *European Security: Events, Assessments, Forecasts*. No. 77 (93), pp. 38–51 (in Russian).
- Bitkova T. (2025b). The Battle of Eurosceptics and EuroOptimists: What to Expect from the Repeat Elections in Romania. TASS. April 25 (in Russian). Available at: <https://tass.ru/opinions/23775501>, accessed 25.04.2025.
- Bitkova T. (2025c). Who Led Nicușor Dan to Victory in the Presidential Elections in Romania? TASS. May 20 (in Russian). Available at: <https://tass.ru/opinions/23990997>, accessed 20.05.2025.
- Carp R. (2025). Transmitter-receiver-transmitter and the game of “parallel mirrors”: the equation by which the elections in Romania were rigged with the intervention of external actors. *Revista Polis*, Vol. 47, no. 1, pp. 147–158 (in Romanian). Available at: <https://revistapolis.ro/wp-content/uploads/2025/03/Polis-nr-47-BT-mart2025-F.pdf>, accessed 20.07.2025.
- Cimpoca C. (2025). MKOR study: electoral Romania, caught between voting, absenteeism and polarization on April 1, 2025. MKOR. April 01 (in Romanian). Available at: <https://mkor.ro/studii/romania-electorala-aprilie-2025/>, accessed 20.07.2025.
- Csaky Z. (2025a). Elections in Poland and Romania: What do the results mean for Europe? *Center for European Reform*. June 13. Available at: https://www.cer.eu/sites/default/files/ZC_Poland_Romania_13.6.25.pdf, accessed 20.08.2025.
- Csaky Z. (2025b). France and Romania should far right candidates be banned running presidency. *Center for European Reform*. April 25. Available at: <https://www.cer.eu/insights/france-and-romania-should-far-right-candidates-be-banned-running-presidency>, accessed 22.08.2025.
- Gabor V.R., Iftimoaei C.C. (2025). Presidential elections in Romania 2024: first round – Elements of electoral geography. *Revista Polis*. Vol. 47, no. 1, pp. 53–70 (in Romanian). Available at: <https://revistapolis.ro/wp-content/uploads/2025/03/Polis-nr-47-BT-mart2025-F.pdf>, accessed 22.07.2025.
- Georgescu C. (2023). *The Great Renaissance – True Freedom Sovereignty*. Bucharest: Prestige, 256 pp. (in Romanian).
- Iftimoaei C.C. (2025). A sociological analysis of the 2024 presidential election. *Revista Polis*. Vol. 48, no. 2, pp. 399–407 (in Romanian). Available at: <https://revistapolis.ro/wp-content/uploads/2025/06/>

BT-Polis-nr-48-BT-iun2025.pdf, accessed 10.07.2025.

Kandel P.E. (2015). Suspicious cardiogram, or crisis of trust. *Vlast*. Vol. 23, no. 3, pp. 161–166 (in Russian). Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/2557>, accessed 20.09.2025.

Kandel P.E. (2025a). Elections in Moldova, Romania and Croatia. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. No. 1, pp. 42–50 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran120254250.

Kandel P.E. (2025b). Presidential elections in Romania. Take 2. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. No. 3, pp. 42–50 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran320254250.

Khisyamova A.R. (2025). Munich Security Conference – 2025: The Vance Effect. *MEMO RAS*. February 18 (in Russian). Available at : <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/munich-security-conference-2025-the-vance-effect>, accessed 25.09.2025.

Kochedykov I. (2024). Systemic response to the challenge of the system. *Kommersant*. December 9 (in Russian). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/7362688>, accessed 20.12.2024.

Kochedykov I. (2025). In the context of polarization: who will compete in the second round for the presidency in Romania. *TASS*. May 13 (in Russian). Available at: <https://tass.ru/opinions/23928855>, accessed 15.05.2025.

Momoc A. (2025). Crisis of confidence in political leadership and media. Populism and polarization in digital communication in the 2024 presidential election.

Revista Polis, Vol. 47, no. 1, pp. 87–113 (in Romanian). Available at: <https://revistapolis.ro/wp-content/uploads/2025/03/Polis-nr-47-BT-mart2025.pdf>, accessed 04.08.2025.

Putintsev I. (2025). “Sovereignism”: The Romanian Version. *Russia in Global Affairs*. August 8 (in Russian). Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/suverenizm-rumyniya-putinczev/>, accessed 20.09.2025.

Stan A. (2025). Exclusive. The first big poll for the second round of the presidential election on May 18, 2025. Very close fight between George Simion and Nicusor Dan. What happens to the electorate of Crin Antonescu and Victor Ponta. *Hot-news.ro*. May 13 (in Romanian). Available at: <https://hotnews.ro/exclusiv-primul-mare-sondaj-pentru-turul-doi-al-alegerilor-prezidentiale-din-18-mai-2025-lupta-extrem-de-stransa-intre-george-simion-si-nicutor-dan-ce-se-intampla-cu-electoratul-lui-crin-antonescu-1972338>, accessed 06.07.2025.

Stoica C.A. (2025). *The Second Round that Wasn't. Summary Autopsy of a (Hopefully) Unique Election Moment*. Bucharest: Editura Humanitas, 245 pp. (in Romanian).

Tkachuk M. (2025). Young, Angry, Far-Right: New Nationalism in Eastern Europe. *Russia in Global Affairs*. June 2 (in Russian). Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/zloj-ultrapravij-mark-tkachuk/>, accessed 22.09.2025.

Trukhachev V. (2024). Romanian sensation. *Izvestia*. November 25 (in Russian). Available at: <https://iz.ru/1796662/vadim-truhacev/rumynskaa-sensacia/>, accessed 02.12.2024.

УДК 321.728:324(1*DE)
DOI: 10.31249/kgt/2025.05.06

Немецкий брендмауэр: влияние запрета на сотрудничество с партией «Альтернатива для Германии» на политические и электоральные процессы в ФРГ

Мария Витальевна ХОРОЛЬСКАЯ

кандидат политических наук, научный сотрудник
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН
ул. Профсоюзная, д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1885-7729

ЦИТИРОВАНИЕ: Хорольская М.В. Немецкий брендмауэр: влияние запрета на сотрудничество с партией «Альтернатива для Германии» на политические и электоральные процессы в ФРГ // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 5. С. 103–123.
DOI: 10.31249/kgt/2025.05.06

Статья поступила в редакцию 24.09.2025.
Исправленный текст представлен 04.11.2025.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена феномену брендмауэра – существующему среди немецких партий запрету на сотрудничество с правопопулистской «Альтернативой для Германии» (АдГ, «Альтернатива»). Целью исследования является выявление того, как брендмауэр влияет на политические и электоральные процессы в ФРГ. Для выполнения поставленной цели автор анализирует исторические и теоретические корни феномена, исследует, как соответствующее ограничение влияет на формирование правительств, а также насколько прочен брендмауэр на федеральном, земельном и коммунальном уровнях. В статье сде-*

ланы следующие выводы. Брендмауэр опирается на осмысление исторического опыта и исходящую из него концепцию воинствующей демократии. Его морально-политическая природа, с одной стороны, обеспечивает устойчивость концепта, а с другой – приводит к отсутствию строгого определения и регулирования. В отличие от предыдущих практик ограничения сотрудничества с партиями, с ростом поддержки АдГ соответствующий запрет не ослабевает, а наоборот усиливается. При этом жесткие запретительные меры сосуществуют с растущим пространством «серой зоны»: взаимодействием этаблированных партий

с «Альтернативой» на коммунальном уровне и голосованием за одни и те же инициативы. Брандмауэр осложняет предвыборную борьбу и формирование коалиций. В ближайшее время вызовом для ФРГ станут земельные выборы в 2026 г. в Саксонии-Анхальт и Мекленбурге – Передней Померании, где АдГ пользуется серьезной поддержкой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Германия, брандмауэр, партии, «Альтернатива для Германии», воинствующая демократия, правительственная коалиция, выборы.

В Германии процесс формирования федерального и земельных правительств может занимать несколько месяцев после окончания выборов. В немецкой избирательной и политической системах (парламентская республика, пропорциональная избирательная система, наличие 7 эстаблированных партий) маловероятно, что одна сила получит большинство голосов и сможет сформировать правительство. После подсчета голосов начинается период коалиционных переговоров, в ходе которого обсуждаются контуры будущего правительства и политического курса.

Эстаблированные партии – это партии, которые в течение относительно длительного периода представлены в Бундестаге и ландтагах. По сравнению с 1960-ми годами в ФРГ число эстаблированных партий удвоилось. К настоящему времени их семь, если относить к ним и «Альтернативу для Германии»: выступающие на федеральном уровне блоком Христианско-демократический союз (ХДС) и Христианско-социаль-

ный союз (ХСС), Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), Свободная демократическая партия (СвДП), «Союз 90/Зелёные», Левая партия Германии и АдГ. Образованный в 2024 г. «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» (ССВ) не смог в 2025 г. преодолеть 5%-й барьер и войти в парламент, поэтому формально не может считаться эстаблированной партией. Однако из-за представленности на земельном уровне и относительно высокой поддержки в статье будет учитываться позиция и этой партии.

Избиратель не может повлиять на состав коалиции. Однако обычно гражданам известно, с кем партия готова вступить в коалиционные переговоры. Если у политической силы меняется стратегия и она готова рассмотреть новые конфигурации союзов, то это также становится известно¹. Соответственно, электорат принимает во внимание и вопрос сотрудничества. Выбор теоретических партнеров по коалиции является и частью партийной идентичности, важной для притока новых членов.

Эстаблированные партии могут ситуативно ограничивать возможность переговоров в связи с расхождениями в предвыборных программах. Отказ от взаимодействия с одной из политических сил может стать важной частью партийной идентичности, как, например, самоограничение блока ХДС/ХСС на контакты с Партией демократического социализма (ПДС) и ее наследницей Левой партией. Третьей формой ограничений является договоренность политических организаций отказаться от сотрудничества с одной из партий, которая, с их точки зрения, угрожает демократическому процессу.

1 Например, Grünen-Chef Robert Habeck schließt Koalition mit den Linken nicht mehr aus // Frankfurter Rundschau. – 2021. – Нем. яз. – URL: https://www.fr.de/politik/gruenen-chef-robert-habeck-schliesst-koalition-mit-den-linken-nicht-mehr-aus-fordert-aber-zugestaendnisse-90527588.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 15.09.2025).

В настоящее время среди партий политического мейнстрима² существует запрет на любое взаимодействие с правопопулистской АдГ. В ФРГ для этого явления используется наименование брандмауэр. В инженерном деле так называется стена здания, которая должна воспрепятствовать распространению огня. Предполагается, что отказ от сотрудничества с «Альтернативой» также должен предотвратить пожар – распространение антидемократических и правопопулистских идей и практик.

В зарубежной и российской аналитике большое внимание уделялось партийно-политической системе ФРГ и месту в ней «Альтернативы для Германии». Историю АдГ, ее политическую программу, связь партии с популизмом рассматривали С.В. Погорельская, Ф.А. Басов [Басов, 2023], А.В. Белинский [Белинский, 2018], А.Д. Лисенкова [Лисенкова, 2023], Ф.М. Фомичёв [Фомичёв, 2025]. Исследователи Е.П. Тимошенкова [Тимошенкова, 2024] и В.Б. Белов [Белов, 2024] анализируют немецкие выборы и изменения в партийно-политическом ландшафте. Немецкие авторы делают акцент на исследовании причин популярности «Альтернативы для Германии», в том числе на востоке страны [Zick, Krause, Küpper, 2015; Kraske, 2020; Funke, 2020].

Проблема брандмауэра рассматривается в различных аспектах. Во-первых, преимущественно немецкие авторы анализируют особенности политической культуры и практики ФРГ – концепцию воинствующей демократии [Jaschke, 2004] и ее связь с политикой в отношении радикальных партий [Ooyen van, 2015]. В исследова-

нии С.В. Погорельской поднимается практический вопрос о возможности сотрудничества с АдГ [Погорельская, 2024]. Исследователи из Германии обращаются к проблеме устойчивости брандмауэра [Hummel, Taschke, 2023; Schroeder, Ziblatt, Bochart, 2024].

В данной статье сделана попытка рассмотреть феномен брандмауэра, а также его влияние на электоральные и политические процессы. Для этого предполагается: проанализировать идеологические и исторические предпосылки концепции; выявить, как запрет на сотрудничество влияет на политическую систему; исследовать устойчивость брандмауэра в электоральном и законодательном процессе.

Идеологические и исторические предпосылки брандмауэра

Термин «брандмауэр» означает отказ этиблированных партий сотрудничать с АдГ. При этом в политических и партийных документах нет его определения, а также единого понимания, что такое сотрудничество.

В широком смысле под запретом сотрудничества понимается не только ограничение на создание коалиции, но и отказ от взаимодействия в рамках правительства меньшинства, договоренности о совместном голосовании, поддержке кандидата или другом вопросе.

Подобная демаркационная линия, с одной стороны, призвана показать, что партии не считают АдГ нормальным участником электоральной борьбы. С другой стороны, аналитики и политики объясняют запрет на сотрудничество

2 Под политическим мейнстримом мы понимаем «устойчивую и самовоспроизводящуюся модель взаимодействия экспертного знания и политико-административных практик, имеющую материально-практическое, научно-когнитивное и ценностно-идеологическое измерения» [Сергеев, Казанцев, Петров, 2017, с. 11]. По вопросу брандмауэра к партиям мейнстрима относятся все представленные в правительствах партии, включая Левую и ССВ. При этом по ряду внутри- и внешнеполитических вопросов Левая партия, ССВ и АдГ не относятся к политическому мейнстриму.

с «Альтернативой» стремлением обеспечить стабильность немецкой демократии [Schroeder, Ziblatt, Bochert, 2024, S. 2].

Идея о том, что для защиты демократии необходимо ограничить взаимодействие с правыми популистами, строится на осмыслении исторического опыта. Немецкие политические аналитики сделали на основе изучения европейского прошлого, особенно истории Веймарской республики, два вывода. Во-первых, радикальные антидемократические силы приходили к власти не путем государственного переворота, а с помощью демократических механизмов. Во-вторых, антидемократические силы победили не сверху, с помощью центрального правительства, а снизу, то есть благодаря работе на коммунальном уровне [Schroeder, Ziblatt, Bochert, 2024, S. 2–3]. Соответственно, демократия должна выработать способ противостоять этому.

Итогом этих размышлений стала разработка теоретического подхода к немецкой политической системе как к *wehrhafte Demokratie*, или *streitbare Demokratie*, воинствующей демократии, демократии, которая способна себя защитить.

Идея того, что демократия должна быть способна «обороняться», возникает в немецкой политической мысли еще в годы Третьего Рейха. Наибольшую известность получают размышления К. Мангейма (*streitbare Demokratie*) и К. Лёвенштейна (*militant Democracy*), которые писали о необходимости выработать законодательные и общественные механизмы, способные противостоять «сползанию демократии в фашизм» [Schroeder, Ziblatt, Bochert, 2024; Loewenstein, 1937a; Loewenstein, 1937b; Ooyen van, 2015]. Оба исследователя видели угрозу демократии как справа, так и слева.

Единая формулировка, что подразумевает под собой воинствующая демо-

кратия, отсутствует. В широком смысле это и характеристика демократической системы ФРГ, и инструментов, которые позволяют демократии защищать себя с помощью собственных правовых институтов от сил, стремящихся заменить ее новой диктатурой [Jaschke, 2004, S. 109]. При этом точные определения сил, представляющих опасность, и правовых методов борьбы с ними также отсутствуют.

В первые годы ФРГ основной целью воинствующей демократии было установление устойчивой конституционно-парламентской политической системы и предотвращение возрождения национал-социализма. В 1950–1960-е годы в условиях холодной войны к этому добавилось противостояние коммунистическим идеям [Jaschke, 2004, S. 109, 114–115]. Практической реализацией принципа воинствующей демократии стали запрет в 1952 г. правоэкстремистской Социалистической имперской партии и более сложный и спорный процесс запрета Коммунистической партии Германии в 1956 г. [Ooyen van, 2015].

Если в первые десятилетия защита демократии воспринималась как государственная задача, то позднее к этому начинает добавляться гражданский компонент. С одной стороны, возрастают требования к населению. А с другой – большее внимание начинает уделяться воспитанию гражданского общества, которое и должно стать главным гарантом устойчивости демократии [Jaschke, 2004, S. 114, 118].

Брандмауэр также не является новым явлением. Запреты на взаимодействие с крайними партиями существовали и ранее. В период оформления в Западной Германии движения, а потом и партии «Зелёные» сотрудничество между ними и центристскими партиями отрицалось и первыми, и вторыми.

В СДПГ вопрос взаимодействия с партией «Зелёные» встал в 1982 г.

в период «гессенских обстоятельств». После выборов в Гессене сложилась ситуация, когда формирование коалиции стало невозможным без союза с партией, коалиция с которой была исключена до выборов. Несмотря на противодействие тогдашнего гессенского премьер-министра Х. Бернера, часть партии, включая В. Брандта, выступила в поддержку возможного союза «большинства по эту сторону от ХДС». Итогом стало формирование правительства меньшинства при поддержке партии «Зелёные», представители которой также вошли в земельное правительство.

Для ХДС окончательный слом табу наступил в 2008 г. в Гамбурге, когда бургомистр, христианский демократ, предпочел сформировать коалицию не со СДПГ, а с партией «Зелёные», хотя теоретическая возможность «черно-зелено-желтой» коалиции на федеральном уровне обсуждалась и ранее.

После объединения Германии все эстаблированные партии ограничивали контакты с ПДС, которая считалась наследницей восточногерманской Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Так в СДПГ в первые годы после воссоединения победила точка зрения о запрете коалиции с ПДС [Holzhauser, 2014, S. 291], хотя в партии были и несогласные с таким самоограничением. Следствием внутрипартийных разногласий стало взаимодействие на муниципальном уровне, а в 1994 г. вступила в силу Магдебургская модель – сформированное в Саксонии-Анхальт в 1994 г. правительство

меньшинства СДПГ – «Зелёные», которые управляли землей при поддержке оппозиционной ПДС. Для снижения внутренних противоречий в 1998 г. социал-демократы приняли компромиссное решение: на федеральном уровне сотрудничество с посткоммунистами отвергается, а на земельном остается на усмотрении местного отделения партии [Holzhauser, 2014, S. 306]. Это решение привело к появлению земельных правительств с участием ПДС/Левой партии на востоке страны. С 2013 г. СДПГ сняла ограничение на любые коалиции, за исключением правопопулистских и правоэкстремистских партий, что открыло дорогу возможным переговорам с Левой партией³.

Среди представителей партии «Союз 90/Зелёные» также существовали круги, выступающие против взаимодействия с ПДС из-за отказа последних осудить свое восточногерманское прошлое⁴. Как и в СДПГ, первыми о возможности взаимодействия заговорили восточногерманские отделения. «Зелёные» поддержали Магдебургскую модель, а в 2014 г. присоединились к «красно-красно-зеленой» коалиции во главе с Б. Рамеловым (Левая партия) в Тюрингии. В 2021 г. сопредседатель партии Р. Хабек не исключал формирования коалиции на федеральном уровне с Левой партией⁵.

СвДП по-прежнему отрицает возможность коалиции с Левой партией. Запрет обосновывается тем, что партия не осудила режим ГДР, а также стремится заменить существующую в ФРГ политическую систему «демократическим

3. Beschlüsse des ordentlichen Bundesparteitag der SPD, Leipzig, 14. – 16. November 2013 // SPD. – 2013. – S. 161. – Нем. яз. – URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/20140811_beschlussbuch_bpt2013.pdf (дата обращения: 15.09.2025).

4. Grüne streiten über Koalition mit der PDS // taz. – 2020. – Нем. яз. – URL: <https://taz.de/Gruenen-streiten-ueber-Koalition-mit-der-PDS/!1254134/> (дата обращения: 15.09.2025).

5. Grünen-Chef Robert Habeck schließt Koalition mit den Linken nicht mehr aus // Frankfurter Rundschau. – 2021. – Нем. яз. – URL: https://www.fr.de/politik/gruenen-chef-robert-habeck-schliesst-koalition-mit-den-linken-nicht-mehr-aus-fordert-aber-zuges-taendnisse-90527588.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 15.09.2025).

социализмом». При этом свободные демократы сохраняют гибкость, считая возможным сотрудничество с левыми по отдельным вопросам, не предполагая создание коалиций⁶.

ХДС/ХСС же не только сохраняет запрет на формирование коалиции с левыми, но и отрицает возможность любой совместной работы с партией⁷. Христианские демократы объясняют, что отказ от сотрудничества лежит на нескольких уровнях: глубинном противоречии ценностей; системных отличиях во взглядах на внутреннюю и внешнюю политику; ответственности левых за преступления СЕПГ; наличии в партии левоэкстремистских групп⁸.

При этом христианские демократы не исключают возможное взаимодействие с Союзом Сары Вагенкнехт. ХДС даже вел переговоры о создании «ежевичной коалиции» с СДПГ и ССВ в 2024 г. в Саксонии и Тюрингии. Если в первой земле коалиционные переговоры закончились неудачей, то во второй добились успеха.

С идеологической точки зрения это спорное решение, так как ССВ и сама С. Вагенкнехт также ведут свою историю из ПДС и, соответственно, СЕПГ. Обозначенные выше расхождения между ХДС и Левой партией также справедливы и для ССВ, а по некоторым вопросам партия Вагенкнехт занимает даже более радикальную позицию. С прагматической точки зрения нежелание христианских демократов скрывать себя обязательствами понятно. Введение запрета на сотрудничество

с тремя силами – АдГ, Левой партией и ССВ – могло привести к тому, что в восточных землях любая коалиция большинства с христианскими демократами или даже без них рискует стать математически невозможной.

Ограничение на сотрудничество с АдГ существовало с начала образования этой силы, но в первые годы не было зафиксировано в партийных документах.

Первыми отказ от взаимодействия с правыми популистами сформулировали христианские демократы. Решение было принято на 31-м съезде партии в Гамбурге 8 декабря 2018 г. В соответствующей резолюции было зафиксировано, что «ХДС Германии отвергает коалиции и подобные формы сотрудничества как с Левой партией, так и с «Альтернативой для Германии»»⁹.

В 2020 г. после скандала в Тюрингии, о котором будет сказано ниже, отказ от взаимодействия подтвердила председатель партии А. Крамп-Карренбауэр, которая подчеркнула, что ХДС отвергает как прямое, так и косвенное сотрудничество. Партия также выпустила подробное пояснение о причинах отказа взаимодействовать с левыми и АдГ.

«Альтернатива для Германии» в документе называется «в значительной степени антидемократической, пренебрегающей уроками истории, фашистской, человеконенавистнической партией»¹⁰. АдГ охарактеризована как опасная для немецкого общества, государства, демократии, деструктив-

6 Lindner-Interview: Wir lassen uns nicht den Mund verbieten // FDP. – 2020. – Нем. яз. – URL: https://www.fdp.de/pressemitteilung/lindner-interview-wir-lassen-uns-nicht-den-mund-verbieten?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 15.09.2025).

7 Unsere Haltung zu Linkspartei und AfD // CDU. – S. 2. – Нем. яз. – URL: https://archiv.cdu.de/system/tdf/media/dokumente/cdu_deutschlands_unsere_haltung_zu_linkspartei_und_afd_0.pdf?file=1 (дата обращения: 15.09.2025).

8 Ibid. S. 8–10.

9 Sonstige Beschlüsse des 31. Parteitags der CDU Deutschlands // CDU. – S. 19. – Нем. яз. – URL: https://archiv.cdu.de/system/tdf/media/dokumente/sonstige_beschluesse_31_parteitag.pdf?file=1 (дата обращения: 15.09.2025).

10 Unsere Haltung zu Linkspartei und AfD // CDU. – Нем. яз. – URL: https://archiv.cdu.de/system/tdf/media/dokumente/cdu_deutschlands_unsere_haltung_zu_linkspartei_und_afd_0.pdf?file=1 (дата обращения: 15.09.2025).

ная, «антигражданская, отчасти право-экстремистская и антисемитская» сила. Подобная радикальная характеристика призвана снять любые дискуссии о возможном сотрудничестве.

СвДП также зафиксировала отказ от взаимодействия и зависимости от АдГ на всех уровнях в начале 2020 г. в ответ на «тюрингский инцидент». Обоснование запрета сотрудничества близко логике воинствующей демократии: «Учитывая историю Германии, мы несем особую ответственность за решительное противодействие силам, которые подвергают сомнению или отвергают принципы нашей Конституции»¹¹.

Федеральный комитетевой партии исключил взаимодействие с АдГ в марте 2024 г. СДПГ и «Зелёные» пока не выпустили подобных документов [Schroeder, Ziblatt, Bocher, 2024, S. 5]. Однако отсутствие резолюций свидетельствует не о том, что партии обсуждают возможность взаимодействия, – скорее, невозможность сотрудничества считалась сама собой разумеющейся.

Образованный в 2024 г. «Союз Сары Вагенкнехт» обвинял в близости к правым популистам, так как партия, выступающая с левыми социальными идеями, поддерживала ограничение миграции. Это повлекло за собой спекуляции о возможности сотрудничества ССВ и АдГ. В преддверии выборов в восточных землях С. Вагенкнехт выступила с заявлением, что ее однопартийцы не будут вступать в коалицию с носителями националистической идеологии. При этом она не отвергает иную форму сотрудничества с лю-

бой партий, в том числе поддержку отдельных законопроектов. ССВ будет «рассматривать предложения АдГ с точки зрения их содержания и голосовать против них только при наличии оснований»¹².

Влияние брендмауэра на политические процессы в ФРГ

Как упоминалось выше, в немецкой политической системе практически отсутствуют примеры, когда одна партия могла получить простое большинство голосов. С ростом политических сил и усложнением партийно-политического ландшафта даже две партии не всегда имеют достаточно мест для создания правительства большинства.

Одним из следствий запрета на сотрудничество является формирование коалиций меньшинства – правительств, сформированных партиями, которые в сумме не имеют большинства в парламенте. Другим – формирование коалиций из политических сил, придерживающихся разных политических взглядов, что делает их союз неустойчивым.

С 1949 г. в Западной и единой Германии действовали 30 коалиций меньшинства на земельном уровне и 5 – на федеральном. Из них 5 федеральных и 13 земельных превратились в правительства меньшинства из-за распада действующего правительства, а 17 были изначально сформированы таким образом. В преобладающем большинстве случаев (11) это связано с запретом на сотрудничество¹³.

11 Beschluss des Bundesvorstands der FDP, Berlin, 7. Februar 2020. Brandmauer gegen die AfD // FDP. – Нем. яз. – URL: <https://www.fdp.de/sites/default/files/import/2020-02/8124-2020-02-07-buvo-brandmauer-gegen-die-afd.pdf> (дата обращения: 15.09.2025).

12 Sahra Wagenknecht schließt Koalitionen mit der AfD aus // Handelsblatt. – 2024. – Нем. яз. – URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/landtagswahlen-sahra-wagenknecht-schliesst-koalitionen-mit-der-afd-aus/100063883.html> (дата обращения: 15.09.2025).

13 Расчеты автора по: Minderheitsregierungen in der Bundesrepublik Deutschland seit 1949 // Bundestag. – 2024. – Нем. яз. – URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/1029318/WD-1-022-24-pdf.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

Таблица 1. Коалиции меньшинства в землях Западной Германии и единой страны в 1949–2025 гг.

Table 1. Minority Government in the Federal States of West Germany and the reunited countries, 1949–2025

Год образования	Распад коалиции	Формирование	Вызвано ограничением сотрудничества	Федеральная земля
1950	да	нет	нет	Нижняя Саксония
1950	нет	да	нет	Северный Рейн – Вестфалия
1962	да	нет	нет	Шлезвиг-Гольштейн
1966	да	нет	нет	Северный Рейн – Вестфалия
1975	нет	да	нет	Саар
1976	нет	да	нет	Нижняя Саксония
1981	нет	да	нет	Берлин
1982	нет	да	да	Гамбург
1982	нет	да	да	Гессен
1984	нет	да	да	Гессен
1987	нет	да	да	Гамбург
1987	да	нет	нет	Гессен
1987	нет	да	нет	Шлезвиг-Гольштейн
1989	да	нет	нет	Нижняя Саксония
1990	да	нет	нет	Берлин
1994	да	нет	нет	Бранденбург
1994	нет	да	да	Саксония-Анхальт
1995	да	нет	нет	Северный Рейн – Вестфалия
1998	нет	да	да	Саксония-Анхальт
2001	да	нет	нет	Берлин
2003	да	нет	нет	Гамбург
2005	нет	да	нет	Шлезвиг-Гольштейн
2008	нет	да	да	Гессен
2010	да	нет	нет	Гамбург
2010	нет	да	да	Северный Рейн – Вестфалия
2012	да	Нет	нет	Саар
2017	да	Нет	нет	Нижняя Саксония
2020	нет	да	да	Тюрингия
2024	нет	да	да	Тюрингия
2024	нет	да	да	Саксония

Составлено автором по: Minderheitsregierungen in der Bundesrepublik Deutschland seit 1949 // Bundestag. – 2024. – Нем. яз. – URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/1029318/WD-1-022-24-pdf.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

Первое правительство меньшинства на земельном уровне, ставшее следствием запрета на сотрудничество, появляется в 1982 г., когда на политическую арену выходит новая партия – «Зелёные». Формирующиеся коалиции меньшинства в 1990-х годах стали ответом на популярность в новых федеральных землях ПДС. В 2020-х годах правительства меньшинства на востоке объясняются двумя факторами – большей поддержкой на территории бывшей ГДР Левого партии и высоким рейтингом АдГ.

При этом в случае формирования коалиций меньшинства партии прибегали к механизму принятия (*Tolerierung*) или консультаций. Политические силы, находящиеся в правительстве, а также оппозиционная партия, с которой по ряду причин невозможно сформировать коалицию, заключали устное или оформленное соглашение (*Tolerierungsvereinbarung*). Согласно этой договоренности правительство обсуждало инициативы с оппозиционной партией, которая могла поддержать предложение в ландтаге для получения большинства голосов.

В 1980-е годы в роли оппозиционной партии, поддерживающей правительство, выступали «Зелёные» (Гамбург и Гессен), а с 1990-х годов – ПДС/Левая партия. Подобный механизм поддержки позволил правительствам меньшинства в Тюрингии и Саксонии-Анхальт продержаться на своем посту весь срок. Но коалиции меньшинства с соглашением о принятии являются, скорее, паллиативом: подобные союзы или нестабильны, или испытывают сложности с проведением реформ.

Однако пример АдГ отличается от всех вышеперечисленных. Несмотря на то, что партия пользуется всё

большей поддержкой, брендмауэр запрещает взаимодействие с ней даже в формате неформального соглашения о принятии. Соответственно, рост поддержки «Альтернативы» в стране и особенно на востоке приводит к тому, что в отдельных землях всё сложнее сформировать устойчивую коалицию близких по социально-экономическим программам партий. А после выборов в 2024 г. в Тюрингии из-за высокой поддержки АдГ и левых, с которыми отказываются взаимодействовать христианские демократы, формирование коалиции большинства математически невозможно¹⁴.

Рухнут ли стены Иерихона: нарушение брендмауэра

Популярность АдГ вызывает сложности не только при формировании коалиции, но и в процессе голосования по законопроектам. К настоящему моменту официального слома брендмауэра еще не было, но на всех уровнях существуют примеры взаимодействия эстаблированных партий и АдГ в условной «серой зоне».

Коммунальный уровень

Аналитики и политики предполагают, что именно на коммунальном уровне брендмауэр наиболее зыбок.

Сторонники смягчения брендмауэра заявляют, что под ограничения должно попадать исключительно сотрудничество в законодательных органах: Европейском парламенте, Бундестаге, ландтагах [*Hummel, Taschke, 2023, S. 6*]. В частности, премьер-министр Саксонии М. Кретчмер отмечал, что крайсраты и советы общин являются не парламентами, но частью ад-

14 Thüringen. Landtagswahl 2024 // Tagesschau. – 2024. – Нем. яз. – URL: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2024-09-01-LT-DE-TH/index.shtml> (дата обращения: 15.09.2025).

министрации¹⁵. В одном из интервью Ф. Мерц, занимавший тогда пост председателя ХДС, отвергнув возможность взаимодействия с АдГ на федеральном и земельном уровне, умолчал о муниципалитетах [Schroeder, Ziblatt, Bochert, 2024, S. 6].

Основной аргумент политиков заключается в том, что когда обсуждается важный для отдельного района вопрос – прокладка дороги, финансирование школы и т. п., – партийные идеологические разногласия могут отойти на второй план.

Сторонники незыблемости брандмауэра отмечают, что муниципальные политики тоже имеют партийный мандат и несут ответственность перед своей партией. Местные проблемы также идеологически и политически окрашены. Кроме того, вспоминается, что в свое время нацисты также начинали путь к власти через укрепление на коммунальном уровне [Schroeder, Ziblatt, Bochert, 2024, S. 6; Hummel, Taschke, 2023, S. 22].

Представляется, что попытки части высокопоставленных политиков ограничить брандмауэр законодательными органами объясняются не стремлением сблизиться с АдГ, а с попытками оправдать процессы, которые уже идут на местах. В ограниченном числе случаев муниципальные власти не хотят или не могут отказаться от сотрудничества с правыми популистами.

Наиболее громким примером взаимодействия с АдГ на местном уровне стал район Бауцен в Саксонии. Несмотря

на то, что саксонское отделение ХДС подтвердило отказ от сотрудничества с «Альтернативой», ландрат, глава районного органа местного управления, У. Вичас (ХДС) заявил, что будет взаимодействовать со всеми партиями, подчеркнув, что к этому его обязывает даже устав района¹⁶. Итогом стало сотрудничество христианских демократов и «Альтернативы» по миграционному вопросу. При поддержке ХДС были приняты выдвинутые АдГ инициативы по сокращению пособий на интеграцию, прекращению выплаты пособий лицам, получившим отказ на предоставление убежища, упразднению должности уполномоченного по делам иностранцев¹⁷. А в 2024 г. представитель АдГ стал первым заместителем главы округа, вторым стал депутат от ХДС¹⁸.

Особое внимание к случаю Бауцена привлекли несколько факторов. Во-первых, данный случай представляет собой сознательную поддержку христианскими демократами инициатив правых популистов. Во-вторых, взаимодействие было не ситуативным, а повторялось. В-третьих, резонанс вызвала сама проблема: в отличие от обсуждения уличного освещения и подобных бытовых проблем, политизированность миграционной темы не вызывает сомнения.

Данные количественных исследований подтверждают, что на коммунальном уровне брандмауэр сохраняется не всегда, однако в большинстве случаев депутаты придерживаются самоограничений.

15 „Im Grundgesetz stehen keine Brandmauern“ // FAZ. – 2024. – Нем. яз. – URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/kretschmer-im-grundgesetz-stehen-keine-brandmauern-19736536.html> (дата обращения: 12.09.2025).

16 Bröckelt die Brandmauer gegen AfD? Bautzner Landrat Witschas will mit allen Parteien arbeiten // MRD. – 2024. – Нем. яз. – URL: <https://www.mdr.de/nachrichten/sachsen/bautzen/hoyerswerda-kamenz/landrat-witschas-brandmauer-parteien-kreistag-100.html> (дата обращения: 15.09.2025).

17 Nach dem Tabubruch // Tagesschau. – 2023. – Нем. яз. – URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/bautzen-asyl-cdu-afd-100.html> (дата обращения: 15.09.2025).

18 Wo die Brandmauer zur AfD Risse zeigt // Tagesschau. – 2024. – Нем. яз. – URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/brandmauer-afd-kommunen-100.html> (дата обращения: 15.09.2025).

В исследовании В. Шрёдера, Д. Ци-блатта и Ф. Бохерта проанализировано сотрудничество с АдГ на уровне муниципальных органов восточных земель, где «Альтернатива» особенно сильна. Под взаимодействием авторы понимают создание коалиции или поддержку другими партиями инициативы кандидата от АдГ. Анализ показал, что за 2020–2024 гг. предложения правых популистов получили поддержку в 20,6% случаев, в 10,2% из них была «сильная поддержка» (поддержка 5 и более депутатами других партий). В большинстве примеров взаимодействия (93%) это была поддержка предложения [Schroeder, Zibblatt, Bochert, 2024, S. 13].

Лишь в 8% случаев есть информация, какая именно партия взаимодействовала с АдГ. Из них преобладающая часть сотрудничества приходится на малые партии, затем следует ХДС (61,9%) и СвДП (50%). Даже левые и левоцентристские силы в небольшом объеме, но поддерживали инициативы «Альтернативы» [Schroeder, Zibblatt, Bochert, 2024, S. 17]. К похожему выводу приходят и другие исследователи, анализировавшие процессы в восточных землях [Hummel, Taschke, 2023].

Земельный уровень

Первая громкая попытка неофициального слома брандмауэра на земельном уровне состоялась после выборов в ландтаг Тюрингии. Левоцентристская коалиция Левая партия – СДПГ – «Зелёные» не набрала большинство голосов. ХДС и СвДП не могли к ним присоединиться из-за запрета на взаимодействие с левыми. А правительство правых и правоцентристов было невозможно из-за брандмауэра.

Наиболее вероятным развитием событий должно было стать формирование левоцентристской коалиции меньшинства, но на выборах премьер-министра произошел скандал. В 1-м и 2-м туре наилучшие результаты ожидаемо показали кандидат от Левой партии действующий премьер-министр Б. Рамелов и выдвинутый АдГ независимый кандидат К. Киндерфатер, но никто из них не набрал абсолютного большинства голосов. В 3-м туре, где достаточно относительного большинства, внезапно для многих победу одержал представитель наиболее слабой партии – СвДП – Т. Кеммерих, которого поддерживали не только однопартийцы, но и депутаты от ХДС и АдГ. Слаженность голосования делала очевидным, что между христианскими демократами, свободными демократами и «Альтернативой» состоялся сговор¹⁹.

Произошедшее вызвало скандал во всей Германии. Историки и политологи сравнивали события 2020 г. с Тюрингией в 1924 г., когда левое правительство сменили правоцентристы, близкий запрещенной НСДАП Народно-социалистический блок [Reif-Spirek, 2024, S. 73; Debes, 2021].

С критикой ситуации в Тюрингии высказались почти все значимые политики, за исключением, естественно, лидеров АдГ. А. Меркель была вынуждена скорректировать программу своего визита в ЮАР и выступить на внутриполитическую тему с резкой критикой «слома табу». Лидер СвДП К. Линднер после некоторой паузы также назвал случившееся ошибкой. Председатель ХДС А. Крамп-Карренбауэр осудила действия тюрингского отделения христианских демократов, заявив, что они действовали вопреки рекомендациям центра.

19 Хорольская М.В. Выборы премьер-министра Тюрингии: демократы играют, популисты выигрывают // ИМЭМО. – 2020. – URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/vibori-premyer-ministra-tyuringii-demokrati-igrayut-populisti-viigri-vayut> (дата обращения: 10.09.2025).

В итоге лидер ХДС в Тюрингии М. Моринг был вынужден покинуть свой пост, а вскоре с должности председателя партии ушла и А. Крамп-Карренбауэр. Т. Кеммерих подал в отставку с поста премьер-министра. Таким образом, попытка проверить брандмауэр на прочность закончилась поражением. И, как отмечалось выше, ХДС и СвДП подтвердили запрет на сотрудничество на федеральном уровне.

Другой вызов брандмауэру связан с проблемой голосования. Наличие на федеральном и земельных уровнях правительств меньшинства приводит к тому, что успех по отдельной инициативе становится возможен только при совместном голосовании с АдГ. Данная практика находится в «серой зоне», так как формально партии не заключают соглашений с правыми популистами, они как будто действуют одинаково, но не вместе. Однако подобная синхронность заставляет задуматься либо об информировании, либо о понимании, что даже без соглашения партия поддержит инициативу. К подобной «серой зоне» относятся только голосования, которые стали возможны благодаря поддержке политической силы, с которой исключены официальные контакты.

Прецедентом стало принятие закона о снижении налога на приобретение недвижимости в Тюрингии в 2023 г. В этот период земель управляло левоцентристское правительство меньшинства (Левая партия, СДПГ, «Зелёные»). Законопроект был предложен находящейся в оппозиции ХДС и принят при поддержке СвДП и АдГ. Принятие закона подверглось резкой критике правящей коалицией и обозревателя-

ми. Христианских демократов обвиняли в нормализации правых популистов и сломе брандмауэра. В свою очередь ХДС подчеркивала, что сговора с АдГ не было. Несмотря на то, что тюрингские события вызвали серьезное беспокойство, они не привели к дальнейшей нормализации взаимодействия с «Альтернативой».

В данном случае голосование по налогу на недвижимость можно назвать прецедентом потому, что сотрудничество ХДС и АдГ привело к принятию закона. При этом, если мы посмотрим материалы земельных парламентов, то увидим, что и в восточных, и в западных землях в ряде случаев за предложение АдГ голосуют больше депутатов, чем состоят во фракции «Альтернативы». В преобладающем объеме это анонимные голосования, соответственно, у нас нет информации, представители какой политической силы выступили за предложение правых популистов²⁰. Однако поддержка инициатив «Альтернативы» небольшим количеством депутатов других фракций не приводит к принятию законопроекта, соответственно, не привлекает внимание.

Рост популярности АдГ привел к ослаблению барьера между христианскими демократами и левыми. В 2020 г. после кризиса с избранием Т. Киммериха Левая партия обратилась к ХДС с предложением о взаимодействии. Центральный аппарат партии отверг возможность голосования за политика от левых Б. Рамелова, но христианские демократы и свободные демократы воздержались, что фактически дало левому политику победу в 3-м туре. После формирования правительства меньшинства тюрингские отделения

20 Например, расчеты автора по: *Parlamentsdatenbank // Hamburgische Bürgerschaft*. – Нем. яз. – URL: https://www.buerger-schaft-hh.de/parldok/suche/8_1_13____Dokumenttyp%3A%20Plenarprotokoll;„Gegen die Stimmen der FDP und AfD abgelehnt“. Wie die FDP mit der AfD zusammenarbeitet // *AfD Watch Hamburg*. – Нем. яз. – URL: <https://afd-watch-hamburg.org/gegen-die-stimmen-der-fdp-und-afd-abgelehnt/> (дата обращения: 15.09.2025).

Левой партии – СДПГ – партии «Зелёные» заключили годовой пакт стабильности с ХДС. В течение этого срока все инициативы правительства Б. Рамелова проходили через земельный парламент после переговоров с христианскими демократами. В 2024 г., вероятно, уже левые во время выборов премьер-министра поддерживали правительство меньшинства, возглавляемое христианскими демократами. По данным СМИ, в обмен на поддержку премьер-министра М. Фойгта «ежевичная коалиция» и Левая партия будут проводить регулярные консультации по значимым вопросам в формате 3+1²¹.

Федеральный уровень

Для федерального уровня также характерна ситуация расширения «серой зоны». В 2025 г. после распада «светофорного правительства» во главе государства находилась левоцентристская коалиция меньшинства. В свою очередь фракция ХДС/ХСС инициировала голосование по миграционному вопросу, поддержанное СвДП и АдГ.

Политическим событиям предшествовала трагедия. В январе 2025 г. в Ашаффенбурге страдающий от психического заболевания афганец убил ножом маленького ребенка и взрослого, пытавшегося его остановить. Председатель оппозиционной фракции ХДС/ХСС Ф. Мерц выступил с 5 пунктами, направленными на ужесточение миграционного законодательства. Его требования поддержала лидер АдГ

А. Вайдель, призвав канцлера при поддержке «Альтернативы» принять соответствующий закон, не откладывая.

Христианские демократы выбрали промежуточный вариант, фракция выдвинула соответствующие 5 пунктов на голосование в Бундестаг в форме не имеющей обязывающей силы резолюции. По некоторым данным, Ф. Мерц отметил, что ему всё равно, кто еще к этому присоединится²².

В итоге текст резолюции был принят голосами депутатов ХДС/ХСС, вышедшей из «светофорной» коалиции СвДП и АдГ²³. Несмотря на то, что технически христианские демократы не вступали в переговоры с «Альтернативой», левые и левоцентристские партии обвинили Ф. Мерца в сломе табу. Сам лидер ХДС/ХСС отметил, что сожалеет, если большинство было получено благодаря голосам правых популистов, и призвал центристские партии к сотрудничеству²⁴.

После резолюции ХДС/ХСС выступила с законопроектом, призванным ограничить миграцию. Соответствующая инициатива была поддержана преобладающей частью депутатов от фракций ХДС/ХСС, АдГ, СвДП, но не получила большинства в парламенте²⁵.

После состоявшихся 23 февраля 2025 г. выборов в Бундестаг потенциальное влияние «Альтернативы для Германии» возросло. По итогам голосования центристские партии потеряли коалиционное большинство – у ХДС/ХСС, СДПГ, «Союз 90/Зелёные» нет в сумме 2/3 мест, необходимых для принятия

21 Voigt: „Neue politische Kultur“ – Linke: „Keine Tolerierung der Koalition“ // Deutschlandfunk. – 2024. – Нем. яз. – URL: <https://www.deutschlandfunk.de/voigt-neue-politische-kultur-linke-keine-tolerierung-der-koalition-100.html> (дата обращения: 17.09.2025).

22 Nimmt Merz AfD-Unterstützung in Kauf? // Tagesschau. – 2025. – Нем. яз. – URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/aschaffenburg-messerattacke-debatte-102.html> (дата обращения: 15.09.2025).

23 Entschließungsantrag der Fraktion der CDU/CSU // Bundestag. – 2025. – Нем. яз. – URL: <https://www.bundestag.de/parlament/plenum/abstimmung/abstimmung?id=940> (дата обращения: 15.09.2025).

24 Bundestag stimmt für Unionsantrag zur Migration // Tagesschau. – 2025. – Нем. яз. – URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/migration-antrag-union-100.html> (дата обращения: 15.09.2025).

25 „Zustrombegrenzungs-gesetz“ der Fraktion der CDU/CSU // Bundestag. – 2025. – Нем. яз. – URL: <https://www.bundestag.de/parlament/plenum/abstimmung/abstimmung?id=946> (дата обращения: 15.09.2025).

закона, вносящего изменения в Основной закон. Соответственно, для принятия подобного закона правящей коалиции придется не только договариваться с партией «Зелёные», но и взаимодействовать с левыми или АдГ. В первом случае это будет означать отказ от установок ХДС/ХСС, во втором – слом брандмауэра.

Подобный расклад мест в парламенте привел к двум голосованиям, которые условно можно отнести к «серой зоне». По итогам 1-го голосования (18 марта) был принят специальный фонд на модернизацию инфраструктуры, а оборонный бюджет был выведен из-под ограниченного долгового тормоза²⁶. Парадокс заключался в том, что голосование состоялось после выборов в парламент, законопроект был разработан ХДС/ХСС и СДПГ, которые вели переговоры о создании новой правящей коалиции, а голосовал на нем старый Бундестаг. Дело в том, что до Учредительного собрания нового парламента, которое состоялось 25 марта, действующим являлся старый состав, что позволило центристским партиям – ХДС/ХСС, СДПГ и «Зелёные» – получить необходимые 2/3 голосов. По букве закона голосование было легальным, по духу – вызывало сомнение, так как волеизъявление народа уже состоялось. Подобное стремительное и спорное решение было связано с вышеупомянутыми ограничениями: центристские партии не хотели в случае чрезвычайной

ситуации (например, необходимости нарастить военные расходы) попадать в зависимость от голосов АдГ и левых.

На 2-м голосовании, которое состоялось 6 мая 2025 г., ХДС/ХСС неофициально пошли на сотрудничество с Левой партией. Когда неожиданно для многих Ф. Мерц не был избран канцлером по итогам 1-го тура голосования в Бундестаге, ему понадобилось 2/3 голосов депутатов, чтобы провести 2-й тур в этот же день²⁷, и левые оказали христианским демократам поддержку в этом вопросе.

Соответственно, несмотря на то, что брандмауэр сохраняется, на всех уровнях появляются нарушения самоограничений.

Дискуссии в партиях

Популярность АдГ и ситуативное нарушение брандмауэра приводят к голосам как за его укрепление, так и к отдельным редким высказываниям с критикой.

Наиболее открыто о взаимодействии с АдГ заявляют коммунальные политики, например, в Тюрингии, Мекленбурге – Передней Померании, Саксонии об отказе от брандмауэра говорят некоторые представители ХДС²⁸ и СвДП²⁹. На федеральном уровне лидер ССВ С. Вагенкнехт, отрицая возможность коалиции с правыми популистами, критикует брандмауэр: «Изоляция и ограничение публичных выступлений недемократичны и являются пощечиной для этих избира-

26 Gesetzentwurf zur Änderung der Artikel 109, 115 und 143h des Grundgesetzes // Bundestag. – 2025. – Нем. яз. – URL: <https://www.bundestag.de/parlament/plenum/abstimmung/abstimmung?id=951> (дата обращения: 18.09.2025).

27 Union, SPD, Grüne und Linke einigen sich auf zweiten Wahlgang noch heute // Deutschlandfunk. – 2025. – Нем. яз. – URL: <https://www.deutschlandfunk.de/union-spd-gruene-und-linke-einigen-sich-auf-zweiten-wahlgang-noch-heute-100.html> (дата обращения: 15.09.2025).

28 Vier Jahre regieren ohne Mehrheit // Tagesschau. – 2024. – Нем. яз. – URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/bilanz-regierung-thueringen-100.html> (дата обращения: 15.09.2025).

29 Schweriner FDP-Kreischef fordert als erster eine Koalition seiner Partei mit der AfD in MV // Ostsee Zeitung. – 2025. – Нем. яз. – URL: <https://www.ostsee-zeitung.de/mecklenburg-vorpommern/schwerin-erster-kreischef-der-fdp-fordert-koalition-mit-der-afd-in-mv-VYKE4DGK2ZFBXNYSFOJR2I6GW4.html> (дата обращения: 15.09.2025).

телей, что еще больше привязывает их к АдГ»³⁰.

В ХДС дискуссии о брандмауэре и АдГ привели к реальным и потенциальным расколам. Во-первых, после образования АдГ и во время миграционного кризиса часть христианских демократов покинула родную партию и вступила в укрепляющуюся «Альтернативу» (в качестве лишь примера можно назвать бывшую руководительницу «Союза изгнанных» Эрику Штайнбах).

Во-вторых, показателен пример бывшего главы Федерального ведомства по защите Конституции Х.-Г. Маасена, который был недоволен общей «центристской» линией христианских демократов, выступал за сотрудничество с АдГ. В начале 2024 г. Х.-Г. Маасен покинул ХДС и основал правую партию «Союз ценностей». Партия не отрицала сотрудничество с «Альтернативой», но показала слишком низкие результаты, чтобы оказать хоть какое-либо политическое влияние.

В-третьих, в партии ХДС всё громче звучат дискуссии о сохранении или ослаблении брандмауэра. Это стало важнейшей темой в преддверии, во время и после закрытого совещания президиума христианских демократов в октябре 2025 г.

Против ограничения на сотрудничество с АдГ выступают некоторые представители восточных отделений партии (они хотели бы и возможности сотрудничать с левыми)³¹, бывшие и нынешние представители партийной

элиты – П. Тауберг, К.-Т. цу Гуттенберг (ХСС), А. Рёддер и другие. Неоднозначно об АдГ высказался, например, глава фракции ХДС Й. Шпан, отметив, что в Бундестаге к ним надо относиться как к любой другой оппозиционной партии³². Противники запрета отмечают, что брандмауэр лишь укрепляет «Альтернативу». Кроме того, подчеркивается парадокс: большая половина избирателей поддерживает партии с правой и правоцентристской программой, но ХДС вынуждена вступать в коалиции с левоцентристами и корректировать свой курс в этом направлении.

Сторонники брандмауэра, к которым также относятся влиятельные христианские демократы – лидеры земель и руководители министерств, резко критикуют возможное взаимодействие с правыми популистами, называя это саморазрушением ХДС. Некоторые даже угрожают уходом из партии в случае сотрудничества с АдГ. Осуждает сотрудничество с «Альтернативой» и руководство ХСС. Позиции «сестринской» партии в данном случае легко понять – дилемма сотрудничества с АдГ на земельном уровне перед ХСС не стоит, но баварцы ожидаемо беспокоятся, что отказ от брандмауэра повлияет на популярность блока ХДС/ХСС на федеральном уровне. В свою очередь, Ф. Мерц еще раз подчеркнул, что сотрудничества ХДС и «Альтернативы» не будет, хотя и дистанцировался от термина «брандмауэр»³³.

«Альтернатива» также стоит перед дилеммой. Наличие в партии различ-

30 BSW-Chefin Wagenknecht zeigt sich offen für Gespräche mit der AfD // Zeit. – 2025. – Нем. яз. – URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2025-07/bsw-sahra-wagenknecht-gespraech-aef-bundesebene> (дата обращения: 16.09.2025).

31 CDU-Abgeordneter will Kooperationsverbot mit AfD beenden // Stern. – 2025. – Нем. яз. – URL: <https://www.stern.de/politik/deutschland/cdu-abgeordneter-fordert-ende-des-kooperationsverbots-mit-der-afd-36146858.html> (дата обращения: 27.10.2025).

32 Union zwischen Abgrenzung und Öffnung // Deutschlandfunk. – 2025. – Нем. яз. – URL: <https://www.deutschlandfunk.de/cdu-umgang-afd-100.html> (дата обращения: 27.10.2025).

33 Union zwischen Abgrenzung und Öffnung // Deutschlandfunk. – 2025. – Нем. яз. – URL: <https://www.deutschlandfunk.de/cdu-umgang-afd-100.html> (дата обращения: 27.10.2025).

ных влиятельных групп не позволяет ей выработать единый курс – стремление «нормализоваться» для того, чтобы стать более удобным партнером для коалиции; это может стоить ей значительной части голосов, а сохранение радикальной риторики является одним из препятствий для участия в правительствах.

Немецкие СМИ пишут о якобы попавшей в их распоряжение стратегии АдГ, направленной на расширение поддержки и снижение страха перед «Альтернативой», слом брандмауэра и вхождение в правительство. Согласно этому документу, руководство партии стремится усилить культурное противостояние между левым и правым политическим спектром, добиться раскола между членами правящей коалиции ХДС/ХСС и СДПГ и таким образом вынудить христианских демократов отказаться от брандмауэра³⁴. Однако более глубокий анализ стратегий АдГ в отношении брандмауэра не укладывается в объемы этой статьи и требует исследования в рамках отдельной работы.

Стоит отметить, что и сторонники, и противники брандмауэра для доказательства правоты своей позиции отсылают к необходимости защитить демократию. Тема сочетания брандмауэра и демократической теории представляет научный интерес и должна стать предметом изучения других академических статей.

Заключение

Брандмауэр проистекает из политической теории Западной Германии и единой страны. Он частично основывается на идеях воинствующей демократии и практиках ограничения взаимодействия с другими политиче-

скими силами. Связь с морально-политическими основами немецкой государственности делает брандмауэр устойчивым, но одновременно более зыбким явлением. Как и у всех упомянутых выше концепций, у брандмауэра отсутствует четкое определение и практики. Он представляет собой некий конструкт, соединяющий моральные представления с политическими нормами. Границы ограничений, регламентируемых брандмауэром, также неопределенны.

При этом брандмауэр отличается от предыдущих практик запрета взаимодействия с партиями. Если ранее ограничения на сотрудничество со временем меняли форму и смягчались с ростом популярности оппозиционной силы (исключением можно назвать отношения ХДС и левых), то брандмауэр, напротив, цементировался. Более того, закрепление брандмауэра стало ответом на рост попыток его обойти. Так, после попытки слома табу в 2020 г. правоцентристские партии зафиксировали отказ от любого сотрудничества с «Альтернативой». Оформление официального запрета именно этими партиями связано не столько с тем, что у них наиболее жесткая позиция в отношении правых популистов, сколько с тем, что в их кругах наиболее сильны голоса за сближение с АдГ.

При этом жесткий запрет сосуществует с растущим пространством «серой зоны». Отсутствие официального определения брандмауэра и сотрудничества приводит к тому, что земельные отделения и даже фракции партий в Бундестаге взаимодействуют с «Альтернативой». Наиболее распространенной формой такой практики является совместное голосование на коммунальном уровне, в том числе по инициа-

34 Wie die AfD an die Macht kommen will // Zeit. – 2025. – Нем. яз. – URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2025-07/strategiepapier-afd-macht-kanzleramt-spaltung/komplettansicht> (дата обращения: 27.10.2025).

тивам, предложенным АдГ. Однако подобное сотрудничество остается исключением из общей практики.

Брандмауэр оказывает большое воздействие на электоральный процесс. Во-первых, на предпочтения избирателей влияет предоставляемая партиями информация о том, какие политические силы они рассматривают для формирования коалиции.

Во-вторых, в условиях популярности АдГ партиям еще сложнее в преддверии и после выборов определять конфигурации будущей коалиции. Частота формирований правительств меньшинства на земельном уровне возрастает с появлением новой популярной партии, но рост поддержки, как было отмечено выше, ведет к ее постепенной нормализации. В случае с АдГ пока подобный сценарий не рассматривается.

В-третьих, брандмауэр создал для этаблированных партий тупиковую ситуацию. С одной стороны, отказ от сотрудничества с АдГ пока лишь увеличивает популярность «Альтернативы», так как партия может выступать с популистскими лозунгами и критиковать любые действия исполнительной власти. С другой стороны, теоретический отказ от брандмауэра для партии политического мейнстрима сопряжен со слишком большими рисками. В связи с тем, что запрет на сотрудничество с АдГ либо зафиксирован в партийных документах, либо является частью партийной идентичности, слом табу повлечет за собой раскол внутри партии и отход части избирателей.

В 2026 г. в Германии пройдут 5 выборов в ландтаги, решение ХДС о сохранении или смягчении брандмауэра серьезно повлияет на их ход, итоги и переговоры о коалициях. Серьезным

вызовом станут выборы в Мекленбурге – Передней Померании и Саксонии-Анхальт. Согласно последним опросам, в последней за АдГ готовы проголосовать 39% избирателей³⁵. Если избирательные предпочтения кардинально не изменятся, то правительство большинства без «Альтернативы» в земле можно будет собрать только из 4 партий: ХДС, Левой партии, СДПГ и ССВ. А это сложно и из-за упомянутого запрета христианских демократов на сотрудничество с левыми, и из-за слишком больших расхождений партий по социально-экономическим вопросам. Соответственно, в преддверии грядущих выборов партиям придется обсуждать и возможности коалиции, и, вероятно, точки соприкосновения в программах.

Список литературы

Басов Ф.А. Между отрицанием и признанием: взаимовлияние популизма и консерватизма в ФРГ // Актуальные проблемы Европы. – 2023. – № 4. – С. 266–288. – DOI: 10.31249/ape/2023.04.13.

Белинский А.В. «Восстание против элит»: Всплеск праворадикального популизма в Западной Европе // Актуальные проблемы Европы. – 2018. – № 2. – С. 14–36.

Белов В.Б. Выборы в Саксонии и Тюрингии – проверка устойчивости партийно-политической системы Германии // Аналитические записки Института Европы РАН. – 2024. – № 19. – С. 27–34. – DOI: 10.15211/analytics31920242734.

Лисенкова А.Д. Партии «Альтернатива для Германии» и «Левая» в восточных землях: трансформация электоральных предпочтений //

35 Neueste Wahlumfrage zur Landtagswahl in Sachsen-Anhalt // 2025. – Нем. яз. – URL: [https://dawum.de/Sachsen-Anhalt/\(дата обращения: 15.09.2025\)](https://dawum.de/Sachsen-Anhalt/(дата обращения: 15.09.2025)).

Регионология. – 2023. – Т. 31, № 3. – С. 426–441. – DOI: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441.

Погорельская С.В. Антивоенные силы в ФРГ в 2022–2023 гг.: возможен ли их союз? // Общественные науки и современность. – 2024. – № 1. – С. 106–119. – DOI: 10.31857/S0869049924010082.

Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е. Политика «мейнстрима» и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к «невозможной политике?» // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 3. – С. 8–29. – DOI: 10.17976/jpps/2017.03.02.

Тимошенкова Е.П. Европейские выборы с немецким акцентом // Современная Европа. – 2024. – № 7. – С. 71–84. – DOI: 10.31857/S0201708324070064.

Фомичёв Ф.М. Шаг влево – два шага вправо // Россия в глобальной политике. – 2025. – Т. 23, № 1. – С. 94–113. – DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-94-113.

Debes M. Demokratie unter Schock. Wie die AfD einen Ministerpräsidenten wählte. – Essen : Klartext Verlag, 2021. – 248 S. – Нем. яз.

Funke H. Die Höcke-AfD. Vom gärrigen Haufen zur rechtsextremen Flügel-Partei. – Hamburg : VSA-Verlag, 2020. – 125 S. – Нем. яз.

Holzhauser T. „Niemals mit der PDS“? Zum Umgang der SPD mit der SED-Nachfolgepartei zwischen Ausgrenzungs- und Integrationsstrategie (1990–1998) // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 2014. – H. 2. – С. 285–308. – Нем. яз.

Hummel S., Taschke A. Hält die Brandmauer? Studie zu Kooperationen mit der extremen Rechten in ostdeutschen Kommunen. – Berlin : Rosa-Luxemburg-Stiftung, 2023. – 35 S. – Нем. яз.

Jaschke H.-G. Die Zukunft der „streitbaren Demokratie“ // Totalitarismus und Demokratie. – 2004. – № 1. – С. 109–123. – Нем. яз.

Kraske M. Der Riss. Wie die Radikalisierung im Osten unser Zusammenleben zerstört. – Berlin : Ullstein Verlag, 2020. – 352 S. – Нем. яз.

Loewenstein K. Militant Democracy and Fundamental Rights, I // The American Political Science Review. – 1937a. – Vol. 31, N 3. – P. 417–432.

Loewenstein K. Militant Democracy and Fundamental Rights, II // The American Political Science Review. – 1937b. – Vol. 31, N 4. – P. 638–658.

Ooyen van R. Chr. Die Parteiverbotsverfahren vor dem Bundesverfassungsgericht // Handbuch Bundesverfassungsgericht im politischen System. – 2. Auflage. – Wiesbaden : Springer Fachmedien, 2015. – С. 527–536. – Нем. яз.

Reif-Spirek P. Die lange Linien des Thüringer Faschismus. Ein Blick auf das Thüringer Suberwahljahr aus Historischer Perspektive // Das Thüringer Schicksalsjahr 1924. Der Rechtsruck in Thüringen damals und heute. – Erfurt : RosaLuxemburg-Stiftung, 2024. – С. 71–87. – Нем. яз.

Schroeder W., Zibblatt D., Bochert F. Brandmauer – is still alive! Empirische Ergebnisse zur Unterstützung der AfD in den ostdeutschen Kommunen durch etablierte Parteien (2019–2024). – Discussion Paper SP. – Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung. – 2024. – N 503. – Нем. яз. – URL: <https://bibliothek.wzb.eu/pdf/2024/v24-503.pdf> (дата обращения: 23.09.2025).

Zick A., Krause D., Küpper B. Der Osten erhebt feindselige Stimme? // In Wut. Verachtung. Rechtspopulismus in Deutschland. – Bonn : Verlag J.H.W. Dietz Nachf., 2015. – С. 61–77. – Нем. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.06

The German Firewall: The Impact of the Prohibition on Cooperation with the “Alternative for Germany” Party on Germany’s Political and Electoral Processes

Maria V. KHOROL'SKAYA

PhD (Political Sciences), Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences (IMEMO)

Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1885-7729

CITATION: Khorol'skaya M.V. (2025). The German Firewall: The Impact of the Prohibition on Cooperation with the “Alternative for Germany” Party on Germany's Political and Electoral Processes. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 5, pp. 103–123 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.05.06

Received: 24.09.2025.

Revised: 04.11.2025.

ABSTRACT. *The article deals with the phenomenon of brandmauer (firewall), which means the prohibition on established parties cooperating with the right-wing populist party “Alternative for Germany” (AfD). The research aims to reveal the influence of the brandmauer on political and electoral processes in Germany. The author analyses the historical roots and theoretical basis of the phenomenon, the effect of the restriction on government formation, and how firm the prohibition is at the federal, state and municipal levels. The article draws the following conclusions: the brandmauer is based on a critical reflection on European and German history, as well as the concept of militant democracy. The moral and political nature of the brandmauer, on the one hand, ensures the stability of the concept but, on*

the other hand, leads to the absence of a strict definition and regulation. Unlike previous practices of restricting cooperation with parties, the brandmauer became stronger with the growth of AfD support. Nevertheless, the strict prohibition coexists with the growing “grey zone”: cooperation between established parties and the “Alternative for Germany” at the municipal level, and support for the same initiatives. The brandmauer complicates the election campaign and coalition formation. In 2026, Germany may face a challenge in the state elections in Saxony-Anhalt, where the AfD enjoys significant support.

KEYWORDS: Germany, brandmauer, parties, Alternative for Germany, AfD, militant democracy, governing coalition, elections.

References

- Basov F.A. (2023). Mutual influence of populism and conservatism in Germany. *Current Problems of Europe*. No. 4, pp. 266–288 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2023.04.13.
- Belinskii A.V. (2018). “The revolt against elites”: radical right populism surge in Western Europe. *Current Problems of Europe*. No. 2, pp. 14–36 (in Russian).
- Belov V.B. (2024). Elections in Saxony and Thuringia – a test of the stability of the party-political system of Germany. *Analytical Papers of the Institute of Europe RAS*. No. 19, pp. 27–34 (in Russian). DOI: 10.15211/analytics31920242734.
- Debes M. (2021). *Democracy Is in Shock. How the AfD Elected a Prime Minister*. Essen: Klartext Verlag, 248 pp. (in German).
- Fomichev F.M. (2025). One step to the left – two steps to the right. *Russia in Global Affairs*. Vol. 23, no. 1, pp. 94–113 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-94-113.
- Funke H. (2020). *Höcke’s AfD. From a Random Bunch to a Far-right Wing Party*. Hamburg: VSA-Verlag, 125 pp. (in German).
- Holzhauser T. (2014). “Never with the PDS”? How the SPD deals with the SED successor party between the strategy of exclusion and integration (1990–1998). *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. No. 2, pp. 285–308 (in German).
- Hummel S., Taschke A. (2023). *Does the German Firewall Hold? Study on Cooperation with the Extreme Right in East German Municipalities*. Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung, 35 pp. (in German).
- Jaschke H.-G. (2004). The Future of “Contentious Democracy”. *Totalitarismus und Demokratie*. No. 1, pp. 109–123 (in German).
- Kraske M. (2020). *The Crack. How Radicalization in the East is Destroying Our Coexistence*. Berlin: Ullstein Verlag, 352 pp. (in German).
- Lisenkova A.D. (2023). The Alternative for Germany and the Left Parties in the Eastern States: transformation of electoral preferences. *Russian Journal of Regional Studies*. No. 3, pp. 426–441 (in Russian). DOI: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441.
- Loewenstein K. (1937a). Militant democracy and fundamental rights, I. *The American Political Science Review*. Vol. 31, no. 3, pp. 417–432.
- Loewenstein K. (1937b). Militant democracy and fundamental rights, II. *The American Political Science Review*. Vol. 31, no. 4, pp. 638–658.
- Ooyen van R.Chr. (2015). Party ban procedures before the Federal Constitutional Court. In: *Handbuch Bundesverfassungsgericht im politischen System*. 2nd ed. Wiesbaden: Springer Fachmedien, pp. 527–536 (in German).
- Pogorelskaya S.V. (2024). Anti-war forces in the FRG in 2022–2023: is their alliance possible? *Social Sciences and Contemporary World*. No. 1, pp. 106–119 (in Russian). DOI: 10.31857/S0869049924010082.
- Reif-Spirek P. (2024). The long lines of Thuringian fascism. A look at the Thuringian sub-election year from a Historical Perspective. In: *The Thuringian Fateful Year of 1924. The Shift to the Right in Thuringia Then and Now*. Erfurt: RosaLuxemburgStiftung, pp. 71–87 (in German).
- Schroeder W., Ziblatt D., Bochart F. (2024). Brandmauer – still alive! Empirical results on the support of the AfD in East German municipalities by established parties (2019–2024). *Discussion Paper SP*. Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung. No. 503 (in German). Available at: <https://bibliothek.wzb.eu/pdf/2024/v24-503.pdf>, accessed 23.09.2025.
- Sergeev V.M., Kazantsev A.A., Petrov K.E. (2017). The policy of “mainstream” and its alternatives in the modern Western world: on the way from

the world economic crisis to “impossible politics?”. *Polis. Political Studies*. No. 3, pp. 8–29 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.03.02.

Timoshenkova E.P. (2024). European elections with a German accent. *Current Problems of Europe*. No. 7,

pp. 71–84 (in Russian). DOI: 10.31857/S0201708324070064.

Zick A., Krause D., Küpper B. (2015). Does the East raise a hostile voice? In: *In Rage. Contempt. Right-wing Populism in Germany*. Bonn: Verlag J.H.W. Dietz Nachf., pp. 61–77 (in German).

УДК 329(1*IT)
DOI: 10.31249/kgt/2025.05.07

Политический маркетинг в Италии (на примере успеха партий правой коалиции)

Елена Александровна МАСЛОВА

кандидат политических наук, доцент кафедры интеграционных процессов,
доцент
МГИМО МИД России
проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
E-mail: e.maslova@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-2493-3900

Артем Игоревич САМОРОДОВ

аспирант
МГИМО МИД России
проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
E-mail: samorodov_artem@inbox.ru
ORCID: 0009-0002-4377-835X

ЦИТИРОВАНИЕ: Маслова Е.А., Самородов А.И. Политический маркетинг в Италии (на примере успеха партий правой коалиции) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 5. С. 124–140. DOI: 10.31249/kgt/2025.05.07

Статья поступила в редакцию 24.09.2025.
Исправленный текст представлен 10.11.2025.

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется развитие политического маркетинга и использование маркетинговых технологий электорального успеха в Италии на примере партий ныне правящей правоцентристской коалиции («Вперед, Италия», «Лига», «Братья Италии»). Рассматриваются изменения политической системы после перехода от Первой республики ко Второй и трансформация электорального поведения граждан, включая рост числа колеблющихся избирателей. Проанализировано состояние сферы политического маркетинга в Италии, который

сочетает в себе два подхода: узкий, ориентированный на применение отдельных технологий, и широкий, предполагающий построение долгосрочных отношений с электоратом. На примере партий «Вперед, Италия» С. Берлускони, «Лига» М. Сальвини и «Братья Италии» Дж. Мелони анализируются стратегии формирования личного бренда лидера, медиастратегии, использование социальных сетей и цифровых платформ. Авторы приходят к выводу, что успех партий обеспечен комплексом факторов: персонификацией (построение сильного личного бренда

лидера), интеграцией медиастратегии, адаптацией коммуникации к цифровой среде и эффективной работой с колеблющимся электоратом путем четкого, понятного и яркого донесения основных тезисов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Италия, политический маркетинг, Дж. Мелони, М. Сальвини, С. Берлускони, электоральные технологии.

Политическая система Италии и зарождение политического маркетинга

Политическая система страны остается пластичной, претерпевает трансформации [Любин, 1997; Маслова, Шебалина, 2021]. Первая половина 1990-х годов является для Италии периодом тектонического разлома. С 1992 по 1994 г. политическая и партийная система подверглись трансформации под воздействием как внешних (окончание холодной войны и распад bipolarности), так и внутренних факторов [Левин, 1995; Зонова, 2018]. К последним можно отнести следующие: 1) изменение избирательного законодательства; 2) становление партии «Лига Севера»¹; 3) антикоррупционная кампания «Чистые руки», в ходе которой практически все традиционные партии оказались скомпрометированы.

Так, был открыт путь для политиков нового уровня, а также для более открытой конкуренции, новых партий, каждая из которых претендовала занять образовавшийся политический вакуум. Всё это дало основание разделять период так называемых Первой и Второй республик, где «водоразделом» выступает 1994 г., когда были про-

ведены общенациональные парламентские выборы по новой избирательной системе с участием новых политических партий.

Начиная с выборов 1994 г. политическая партия в Италии перестает рассматриваться исключительно в классическом смысле как общественное объединение, созданное в целях участия граждан в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, становясь маркетинговым проектом и обретая черты коммерческого бренда.

За последнее время маркетинг проник в сферу политики, в рамках которой маркетинговые стратегии используются для коммуникации с избирателями. Политический маркетинг используется в политической сфере в той же логике, как маркетинг используется на рынке: для того, чтобы тот или иной политический субъект смог определиться с курсом проводимой политики посредством понимания и изучения нужд и желаний, превалирующих в обществе. В связи с этим политический маркетинг становится важным инструментом победы на выборах.

До середины 1990-х годов электорат Италии отличался сильной идеологизацией и идеологической поляризацией, когда большинство граждан голосовали за «свою» партию. Однако транзит от Первой ко Второй республике, кризис «старых» партий и крах bipolarной системы мира изменили паттерн электорального поведения избирателя. Появился пласт колеблющихся избирателей, не привязанных к идеологии; возник феномен «проблемного голосования», когда решение определяется не партийной идентичностью, а позицией партии по конкретным вопросам повестки. Работа с этой частью электо-

¹ В 1989 г. была создана «Лига Севера» как федерация шести региональных партий из северной и северо-центральной Италии, которые в 1991 г. стали учредительными секциями национальной политической партии «Лига Севера».

рата требует наиболее активного применения маркетинговых технологий: сегментации, таргетинга, формирования персонального бренда.

В период с 1994 по 2022 г. в Итальянской Республике прошли 8 электоральных кампаний, в рамках которых происходило использование различного рода политических технологий. В фокусе исследования настоящей статьи находятся политические маркетинговые технологии 3 политических партий современной Италии («Вперед, Италия», «Лига», «Братья Италии»), которые одержали победу на последних парламентских выборах 2022 г. [Маслова, 2022] и вошли в правящую коалицию²; при этом партия «Вперед, Италия» одержала впервые электоральную победу в 1994 г., «Братья Италии» – в 2022 г.

Политический маркетинг и политические технологии

Политические технологии представляют собой комплексную систему институционализированных процедур, приемов и методов деятельности, направленных на достижение политических целей через организацию и регулирование взаимодействия между политическими акторами и обществом; они реализуются в форме электоральных, коммуникационных, имиджевых и иных практик, при этом могут носить как легальный, так и теневой характер, обеспечивая функционирование политического процесса за счет обмена информацией, ценностями и ресурсами.

Политический маркетинг является самостоятельной областью теоретического знания и практической деятельности, направленной на выявление,

формирование и удовлетворение потребностей избирателей посредством создания, коммуникации и обмена политическими идеями, ценностями и предложениями. Политический маркетинг является одновременно совокупностью технологий и системой отношений между политическими акторами (партиями) и обществом.

В российской политической науке и практике доминирует использование понятия «политические технологии» как обобщающего термина, в рамках которого «политический маркетинг» рассматривается как его составная часть, прежде всего применительно к электоральным кампаниям [Ильин, Шиковец, 2005; Шабров, 2012; Тимофеев, 2011; Васильева, 2012; Демидченко, 2015; Федорченко, 2017; Анохин, 2008; Анохин, 2000]. В то же время в США, Великобритании и странах Евросоюза преобладает термин «политический маркетинг», который выступает «зонтичным» понятием, а политические технологии интерпретируются как совокупность отдельных методов и инструментов, входящих в более широкую систему политического маркетинга [Cwalina, Falkowski, Newman, 2015; Lees-Marshment, 2012; Lees-Marshment, 2019; Newman, 1999].

До недавнего времени определения термина «политический маркетинг» во многом отражали те изменения, через которые проходил маркетинг коммерческий. Принято считать, что первое определение термина «политический маркетинг» сформулировал А. Шама (преподаватель Колледжа Б. Баруха, г. Нью-Йорк, США), который работал с известным экономистом и маркетологом Ф. Котлером. Согласно их определению,

2 В правящую правопоцентристскую коалицию входит также небольшая партия «Мы умеренные» под руководством Маурицио Лули, однако данная партия не рассматривается в настоящей работе в силу малого количества полученных голосов (0,9%).

политический маркетинг – процесс, с помощью которого политические кандидаты транслируют избирателям свои идеи, направленные на удовлетворение их потенциальных потребностей и впоследствии получение поддержки (голосов) в ответ [Shama, 1976].

Политологи конца XX в. использовали термин «политический маркетинг» в контексте политической коммуникации в предвыборный период [Harrop, 1990]. Были и попытки адаптировать упомянутое выше классическое определение маркетинга Ф. Котлера и А. Шама к политическому контексту.

В 1996 г. вышла статья за авторством профессора университета г. Лидс (Великобритания) Э. Лока и управляющего директора университета Честер Ф. Харриса [Lock, Harris, 1996], в которой подчеркивалось различие между коммерческим и политическим маркетингом. Авторы отмечают, что политический маркетинг – это совокупность реальных технологий, работа которых проверяется сразу же и в один день – в день выборов.

Многие определения сущности политического маркетинга базируются на определении маркетинга, выработанном Американской ассоциацией маркетинга: «маркетинг – это деятельность, совокупность институтов и процессов для создания, коммуникации, предоставления обмена предложениями, которые имеют ценность для потребителей, заказчиков, партнеров и общества в целом»³. Позднее сама эта ассоциация предложила определение политического маркетинга, трактуя его как маркетинг, направленный на то, чтобы заставить целевую аудиторию голосовать за конкретного человека, партию или предложение [Ormrod, 2012].

Преподаватели Австралийского государственного университета Эндрю Хьюз и Стефен Данн в своей статье «Политический маркетинг и взаимодействие с заинтересованными сторонами» [Hughes, Dann, 2009] также отмечают прочную взаимосвязь коммерческого маркетинга и его политического аналога. Отмечается, что политический маркетинг может создать такую маркетинговую структуру, которая могла бы специализироваться на формировании и предоставлении различных ценностей целевой аудитории «рынка» – избирателям, тем самым удовлетворяя потребности общества в целом.

Концептуально исследователи и практики придерживаются двух подходов к политическому маркетингу. Профессора С. Хеннеберг и Н. О’Шоннеси предлагают так называемый узкий подход [Henneberg, O’Shaughnessy, 2007], для которого характерно описание применяемых инструментов, приемов и стратегий для достижения различных политических целей. Такой подход сосредоточен исключительно на использовании политических технологий и не ставит перед собой задачу создать теоретический базис сферы политического маркетинга. Более того, логика использования политтехнологий основана на идее обмена (технология в обмен на что-либо; разовая «акция»). В рамках этого подхода происходит заимствование концепций из различных сфер, в основном из области коммерческого маркетинга. Главная опасность в таком подходе видится в том, что политический маркетинг, не являясь отдельной дисциплиной со своей теоретической базой, вынужденно выступает в роли «догоняющего» по отношению к коммерческому маркетингу.

3 American Marketing Association. – URL: <https://www.ama.org/the-definition-of-marketing-what-is-marketing/> (дата обращения: 20.08.2025).

«Широкий» подход предполагает, что политический маркетинг – это отдельная дисциплина, обладающая своей теоретической базой, которая использует (с учетом специфики политического контекста) теории и концепт коммерческого маркетинга. «Широкий» подход предлагает создание комплексной концептуальной базы, пусть даже адаптированной (из сферы коммерческого маркетинга) с учетом специфики политической сферы [Sharma, 2016; Cwalina, Falkowski, Newman, 2011; O'Shaughnessy, 1990]. Подход основывается на простой цели – построение долгосрочных отношений между политическим актором и обществом (отдельными его категориями) в содействии обмену ценностями в рамках выстроенных отношений [Hughes, Dann, 2009; Henneberg, 2004; Henneberg 2008].

Сходством двух подходов является понимание, что политический маркетинг – это обмен как в классическом понимании (обмен ценностями, идеями), так и в понимании «рыночном» (технологии – власть; деньги – товар).

Таким образом, политический маркетинг является самостоятельной областью теоретического знания и практической деятельности, направленной на выявление, формирование и удовлетворение потребностей избирателей посредством создания, коммуникации и обмена политическими идеями, ценностями и предложениями. Политический маркетинг является одновременно совокупностью технологий и системой отношений между политическими акторами и обществом.

Политический маркетинг в Италии

Как отмечают итальянские политологи, в Италии, как и в России, в отличие от таких стран, как США или Великобритания, изучение и при-

кладное использование политического маркетинга стало развиваться относительно недавно [Mellone, Gregorio, 2005]. Успех партии «Вперед, Италия» С. Берлускони в 1994 г. фактически ознаменовал внедрение политического маркетинга и политических технологий в политическую жизнь страны. Электоральная победа партии «Вперед, Италия» показала, чего можно добиться с помощью применения технологий коммерческого маркетинга в политике [Diamanti, 1994; Diamanti, Lello, 2005].

Политический маркетинг в Италии, как и в других странах Запада, воспринимается в рамках двух возможных направлений: академического и профессионального консультирования [Newman, 1999; Political marketing, 2022]. Однако зачастую довольно трудно бывает непосредственно разделить один подход от другого [Lees-Marshment, 2012]. Обычно выделяется 2 подхода. Один берет свое начало в политологии и социологии коммуникации и называется редукционистским, другой – холистический – опирается на исследования некоммерческого маркетинга и менеджмента [Mellone, Gregorio, 2004]. Редукционистский подход рассматривает политический маркетинг как технологии, применимые в рамках электоральных кампаний. То есть можно предположить, что этот подход, называя политический маркетинг адаптацией агитационной деятельности путем использования методов коммуникации или рассматривая его как описание медийных техник, технологий и опыта, заимствованных политическими кампаниями из мира коммерции [Scammell, 1995], ограничивает степень восприятия политического маркетинга определенным направлением исследований в области изучения электоральных кампаний, которое пытается осмыслить методы

разработки и управления такими кампаниями [Scammell, 1999].

Холистический подход шире; он рассматривает маркетинг как совокупность действий для достижения победы. Приверженцы холистического подхода также отмечают, что избирательные кампании в демократических системах всё чаще становятся постоянными (то есть избирательная кампания не оканчивается подведением итогов выборов, а продолжается постоянно, сопровождается непрерывной работой с избирателями), а значит, нецелесообразно делать явное различие между электоральным и неэлекторальным периодом [Sparrow, Turner, 2001]. В рамках данного подхода политический маркетинг можно охарактеризовать как применение принципов и процедур коммерческого маркетинга в политических кампаниях. Соответственно, политические партии и другие различные субъекты воспринимаются как конкуренты на политическом рынке.

Политический маркетинг в Италии сталкивается с рядом препятствий для его полноценной реализации. Главным образом возможно выделить следующие:

1. Слабость «рыночно ориентированных» партий. Долгое время партии представляли конкретные социальные группы, что препятствовало формированию универсальных организаций, гибко реагирующих на изменения «спроса». «Рыночно ориентированные» партии в Италии возникают ситуативно, чаще как ответ на какой-либо кризис.

2. Неоформленность консалтинговой отрасли. В стране отсутствуют институционализированные ассоциации политических консультантов, стандарты профессии, слабо развиты образо-

вательные программы. Большинство специалистов работают sporadически, а полноценная индустрия еще не сложилась.

3. Психология элиты. Политический класс нередко убежден, что лучше других понимает потребности общества. Это приводит к недоверию данных опросов и отказу от профессионального консалтинга.

4. Законодательные ограничения. Закон 2000 г.⁴ установил жесткие лимиты на расходы кампаний, рекламу и использование средств массовой информации (СМИ). Запрещены опросы за 2 недели до выборов, ограничено эфирное время, недопустима «негативная реклама». Кроме того, частые реформы избирательного законодательства (1993, 2005, 2015, 2017 гг.) создают ситуацию неопределенности и не позволяют партиям строить долгосрочные маркетинговые стратегии [Самородов, 2025].

Развитие политического маркетинга в Италии демонстрирует противоречивый характер этого явления. С одной стороны, всё более значимыми становятся брендинг, визуальная коммуникация и медиастратегии. С другой – сохраняются культурные и правовые ограничения, препятствующие формированию устойчивой системы. На этом фоне происходят укрепление персонализированного политического лидерства и рост роли цифровых платформ, визуальный контент и социальные сети становятся главными каналами воздействия на колеблющийся электорат, а сама политика приобретает черты «постоянной кампании».

Обратимся к партийному политическому маркетингу трех партий Италии: «Вперед, Италия», «Лига», «Братья Италии».

4 Legge 22 febbraio 2000, n.28. Presidenza del Consiglio dei Ministri. Il portale della legge vigente. – Итал. яз. – URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2000-02-22;28!vig> (дата обращения: 28.03.2024).

Победа партии «Вперед, Италия» как начало эры политического брендинга в Италии

Политическое «землетрясение» 1994 г. в Италии ознаменовало не только трансформацию партийной системы, но и рождение нового типа политического брендинга, основанного на персонализации и применении новых маркетинговых стратегий. В 1993 г. также произошло изменение избирательной системы, когда вступивший в силу закон «Матареллум» закрепил мажоритарную избирательную систему и усилил роль персонального голоса избирателя.

Воспользовавшись моментом, на политическую арену вышел опытный и успешный предприниматель, медиамагнат, владелец футбольного клуба «Милан» Сильвио Берлускони, который сумел объединить медиа, бизнес и политику в единую систему политического маркетинга. В сложившейся политической конфигурации 1994 г. С. Берлускони создает широкую коалицию «Полюс свободы», объединив партии «Вперед, Италия», «Лига Севера» и «Национальный альянс». При этом его стратегия опиралась не на идеологическую близость, а на политико-географический принцип создания гибких альянсов (альянсов выгоды). Такой подход получил название «коалиция с изменяемой геометрией» и стал первой электоральной новацией эпохи Второй республики.

Благодаря опыту медийного менеджмента, С. Берлускони применил маркетинговые технологии для по-

строения нового политического бренда. В то время, когда левоцентристы сделали ставку на лозунг «новое против старого» и очищение партийных рядов от фигурантов коррупционных дел, «Вперед, Италия» формировала образ открытого движения, ориентированного на политический рынок и активных граждан. Структурное ядро партии составляли менеджеры медийных компаний С. Берлускони *Publitalia*, *Mediaset* и *Fininvest*. Последняя стала ключевым элементом в организации коммуникационной кампании. Согласно замыслу, политическое движение должно было находиться под полным контролем медийного холдинга, а топ-менеджеров *Fininvest* целенаправленно обучали политическим коммуникациям⁵.

Центральным моментом электоральной кампании стало телевизионное обращение С. Берлускони 26 января 1994 г. В девятиминутной речи, начинавшейся со знаменитых слов «Италия – это страна, которую я люблю», он использовал эмоционально насыщенный, простой и доступный язык⁶. В речи сочетались апелляции к традиционным ценностям (семье, свободе, религии и труду) с противопоставлением «нового» и «старого». Визуальное оформление выступления (книги, фотографии семьи, массивный стол с подготовленными к подписи бумагами) служило метафорами опыта, стабильности и готовности к действиям. Особое внимание уделялось невербальной составляющей: уверенная поза, спокойный тон, нейтральная обстановка – всё это создавало образ надежного лидера. Повторение ключевого слова «свобода» каждые

5 Более подробно см.: Tribunale di Caltanissetta ufficio del giudice per le indagini preliminari. Dcreto di archiviazione art. 409 e 411 c.p.p. – Итал. яз.

6 Silvio Berlusconi – Discorso discesa in campo // YouTube. – 1994. – 26 gennaio. – Итал. яз. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aStF2b5ryJg> (дата обращения: 14.02.2024).

60–70 секунд подчеркивало центральный идейный акцент⁷.

Важнейшую роль в успехе кампании С. Берлускони сыграло телевидение. Сотрудники *Fininvest* – Роберто Гаспаротти, Паоло Дель Деббио, Джанни Летта, Чезаре Превити обеспечили профессиональную режиссуру, медийную «упаковку» и визуальный контроль всего процесса⁸. Теледебаты с Акилле Оккетто окончательно закрепили победу С. Берлускони: визуально привлекательный, уверенный и харизматичный предприниматель выглядел современнее и убедительнее своего уставшего и раздражительного оппонента⁹. Таким образом, телевизионное восприятие стало решающим фактором формирования общественного мнения, подобно тому, как это произошло в дебатах Дж. Кеннеди и Р. Никсона¹⁰ в США¹¹.

Политическая реклама партии «Вперед, Италия» реализовывалась в 2 этапа. На 1-м этапе формировались как узнаваемость бренда, так и символика движения: плакаты, гимн, визуальные атрибуты, тиражирование логотипа. На 2-м этапе фокус смещался на лич-

ный бренд лидера партии – С. Берлускони. Его изображали в деловом костюме, в открытой позе, с широкой улыбкой и на фоне символики движения. Рекламные ролики длились 20–25 секунд и включали по 2–3 простых тезиса, таких как «Вперед, Италия» – за более безопасную и справедливую страну». Такая стратегия позволяла максимально упростить политическое послание и сделать его эмоционально доступным широкому электорату.

Отдельное значение имела визуальная айдентика движения. Логотип, созданный креативным директором *Fininvest* Чезаре Приори, представлял собой наклоненный флаг в цветах итальянского триколора с надписью *Forza Italia*, которая читалась как футбольный клич¹². Такой дизайн усиливал ассоциацию с национальным единством, энергией и спортивной страстью. Выбор синего (лазурного) цвета для символики партии также имел глубокий смысл: он связывал движение с национальной футбольной командой и создавал образ легкости и надежды¹³. Ч. Приори отмечал, что логотип идеально сочетался

7 Oggiano F. Il discorso della «discesa in campo» di Silvio Berlusconi: analisi e spiegazione. Will Media // YouTube. – 2022. – 28 marzo. – Итал. яз. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JT-hiqFGWeE> (дата обращения: 14.02.2024); Bonaventura D. «L'Italia e il Paese che amo»: Silvio e la discesa in campo // Velocita media. Comunicazione e politica. – 2023. – 12 giugno. – Итал. яз. – URL: <https://velocitamedia.it/italia-e-il-paese-che-amo/> (дата обращения: 14.02.2024).

8 Более подробно см.: Tribunale di Caltanissetta ufficio del giudice per le indagini preliminari. Dcreto di archiviazione art. 409 e 411 c.p.p. – Итал. яз.

9 Lo storico braccio di ferro Tv tra Silvio Berlusconi e Achille Occhetto // YouTube. – Итал. яз. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8r5UMaiE8Uo> (дата обращения: 25.02.2024); Trocino A. I confronti tv del passato: dalla giacca marrone di Occhetto all'Ici di Berlusconi // Corriere della sera. – 2022. – 12 settembre. – Итал. яз. – URL: https://www.corriere.it/elezioni/22_settembre_12/confronti-tv-occhetto-berlusconi-4c30e9c4-329f-11ed-aa4e-c1e08594c6e6.shtml (дата обращения: 28.01.2024).

10 Дебаты Кеннеди и Никсона состоялись в 1960 г. и стали первыми в истории (не только США, но и всего мира) президентскими теледебатами.

11 Berlusconi, primate a suon di spot // La Repubblica. – 1994. – 5 febbraio. – Итал. яз. – URL: <https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/1994/02/05/berlusconi-primato-suon-di-spot.html?ref=search> (дата обращения: 11.03.2024); First Kennedy-Nixon debate, 26 September 1960 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. – URL: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/tnc-172> (дата обращения: 21.01.2024).

12 Gabriele Maestri. Esclusiva: «Il simbolo di Forza Italia? Un marchio forte, ma finirà con Berlusconi» // Termometro Politico. – 2023. – 11 ottobre. – Итал. яз. – URL: https://www.termometropolitico.it/74132_intervista-il-simbolo-forza-italia-marchio-forte-finira-berlusconi.html (дата обращения: 21.01.2024).

13 Синий цвет (иногда в российских источниках можно встретить упоминание этого цвета как «лазурный») стал национальным цветом во время процесса объединения страны (Рисорджименто) и создания Итальянского королевства. После преобразования страны в республику синий цвет продолжил обладать статусом национального, в связи с чем стал называться «итальянский синий» (иногда можно встретить также такое его название, как «садовый синий»). Его можно увидеть, например, на штандарте президента Италии. Также спортивные команды Итальянской Республики облачаются именно в такие оттенки синего. Более подробно см., например, [Pastoreau, 2023; Paramei, D'Orsi, Menegaz, 2014].

с харизмой лидера, а без нее бренд не достиг бы столь сильного эффекта¹⁴.

Сильвио Берлускони стал не просто политиком, но и медиабрендом, сумевшим объединить бизнес, спорт и политику в единую коммуникативную систему. Его успех в медиабизнесе и владение футбольным клубом «Милан», показавшим значительные достижения, обеспечили ему доверие и популярность среди разных социальных групп [Poli, 2001]. Телевидение, спорт и коммерческая реклама стали инструментами создания устойчивой идентичности бренда, а избирательная кампания 1994 г. – первым примером комплексного политического маркетинга в Италии [Novelli, 1995]¹⁵.

Феномен «берлусконизма», вошедший в политическую терминологию после 1994 г., стал обозначать использование простого языка, метафор массовой культуры и эмоциональной коммуникации [Follini, 2006; Orsina, 2016; Mariotti, 2011]. Именно благодаря этому явлению политическая культура Италии сделала шаг от классических партийных структур к постидеологическому формату персонализированного бренда. Кампания партии «Вперед, Италия» показала, что успешный политический проект может быть построен не на идеологической основе, а на интеграции маркетинга, массовых медиа и индивидуальной харизмы.

«Лига» Маттео Сальвини

Политическая карьера Маттео Сальвини характеризуется глубокой интеграцией в партийные структуры и детальным знанием организацион-

ных и политических механизмов. «Лига Севера» традиционно строилась вокруг харизматического лидера, что делало второстепенными формальные партийные процедуры, такие как съезды и заседания. В этом отношении партия напоминала модель, внедренную С. Берлускони, где преобладает центральная роль главы организации. Для М. Сальвини первостепенной задачей стало укрепление собственного лидерского образа и демонстрация способности обновить партию, расширить электоральную поддержку и завоевать доверие избирателей. Значимую роль в этом процессе играла профессиональная команда политического маркетинга, обеспечивавшая формирование положительного имиджа руководителя.

Одним из первых стратегических шагов М. Сальвини и его команды стало переосмысление ориентации партии. «Лига Севера» перестала ограничиваться региональным фокусом на Север Италии и начала учитывать глобальные и европейские политические контексты. Внутрипартийная риторика смягчила протестные и антисистемные акценты, а организация стала частью широкой правой коалиции, развивая контакты с европейскими правыми силами, в частности с партией «Национальный фронт» под руководством Марин Ле Пен. Идеологическая трансформация партии включала замену девиза «Север превыше всего» на более общенационально-ориентированный лозунг «Итальянцы превыше всего» [Самородов, 2023]. Евроскептицизм стал центральной темой в партийной платформе, чему способствовали экономический и миграционный

14 Gabriele Maestri. Esclusiva: «Il simbolo di Forza Italia? Un marchio forte, ma finirà con Berlusconi» // Termometro Politico. – 2023. – 11 ottobre. – Итал. яз. – URL: https://www.termometropolitico.it/74132_intervista-il-simbolo-forza-italia-marchio-forte-finira-berlusconi.html (дата обращения: 21.01.2024).

15 См. также: Palmieri A. Vi racconto come Forza Italia (e Berlusconi) hanno cambiato la comunicazione politica. Formiche // Politica. – 2024. – 16 gennaio. – Итал. яз. – URL: <https://formiche.net/2024/01/palmieri-comunicazione-berlusconi/> (дата обращения: 14.02.2024).

кризисы, а также неудачи инициатив, подобных проекту «Европа регионов». «Лига» начала формировать альтернативный дискурс, противопоставляя себя Европейскому союзу как институту, ограничивающему национальную самостоятельность и размывающему культурную идентичность.

Под руководством М. Сальвини произошла значительная трансформация визуальной идентичности партии. Название «Лига Севера» подверглось изменению, символика «Солнце Альп» была упразднена, зеленый цвет сменился на синий, а термин «Падания» заменен на «Сальвини Премьер». Новый логотип и цветовая гамма отражали национальную направленность партии, сохранив при этом исторический символ Альберто да Джуссано¹⁶. До прихода М. Сальвини «Лига Севера» функционировала как конфедерация 13 региональных подразделений; с приходом М. Сальвини ключевая роль перешла к должности федерального секретаря (им являлся сам М. Сальвини). Контроль за бюджетом и кадровыми решениями также перешли к нему. Создание аффилированных региональных движений позволило расширить влияние партии: северные регионы присоединились к «Лиге Севера Сальвини Премьер», центральные и южные – к «Лиге за Сальвини Премьера», что обеспечило охват 22 территориальных единиц.

Команда М. Сальвини осуществила системную модернизацию коммуникационной стратегии партии, включая усиление медийного присутствия и обновление бренда. Основной принцип коммуникации заключался в ясности и доступности сообщений: публичные выступления М. Сальвини отличались

прямотой, иногда резкостью, апелляцией к фактам и демонстрацией образа борца с несправедливостью. Лидер регулярно использовал СМИ и социальные сети для прямого взаимодействия с аудиторией, формируя узнаваемый и «народный» имидж. Ключевой элемент стратегии – система «ТСТ» (телевидение, социальные сети, территория) – обеспечивал скоординированное взаимодействие между традиционными СМИ, цифровыми платформами и партийными структурами. Для анализа и мониторинга общественной реакции был внедрен инструмент «Зверь», отслеживавший активность пользователей в социальных сетях и помогавший корректировать содержание, тональность и время публикаций. Стратегия включала работу с информационными поводами: провокационные заявления, концентрация внимания на оппонентах, контроль дискуссии через медиапространство и распространение ключевых сообщений через соцсети. Местные активисты усиливали эффект стратегии на уровне территорий, участвуя в мероприятиях, решая локальные проблемы и распространяя информационные материалы. Сам М. Сальвини активно путешествовал по стране, появляясь на публичных мероприятиях и укрепляя личный авторитет [Самородов, 2023].

В результате реализации новой стратегии «Лига» смогла выйти за рамки исторической опоры на Север Италии, расширить аудиторию и смягчить риторику, при этом сохранив акцент на национальной идентичности. Комбинация централизованного управления, аналитики цифровых платформ, стратегии «ТСТ» и узнаваемого личного бренда обеспечила рост влия-

16 Альберто да Джуссано – мифический командир элитного пехотного подразделения Ломбардской лиги «Рота Смерти». Героический образ Альберто да Джуссано, изображенный на эмблеме партии «Лига Севера», призван напомнить о славных временах объединенного Севера, сражавшегося единым фронтом против врагов.

ния партии на национальном уровне. Под руководством М. Сальвини «Лига Севера» трансформировалась из региональной протестной структуры в национальное правое движение с широкой электоральной базой, обновленной символикой, централизованным управлением и продуманной стратегией коммуникации. Партия успешно расширила сферу влияния по всей Италии, укрепила лидерство Сальвини и утвердилась как ключевой игрок на политической арене страны.

«Братья Италии» Дж. Мелони

Политический путь Джорджи Мелони и партии «Братья Италии» является ярким примером того, как личный бренд лидера может не только укрепить, но и полностью трансформировать имидж политической организации. С начала 2010-х годов Дж. Мелони демонстрировала последовательную работу по формированию собственного публичного образа, который сочетал в себе характеристики сильного, независимого и принципиального политика. Уже на ранних этапах карьеры она активно использовала медийные ресурсы, социальные сети и публичные выступления для создания имиджа лидера, способного вести за собой как молодежь, так и более зрелую аудиторию. Особое внимание уделялось демонстрации личных качеств, таких как решительность, последовательность в позициях и приверженность национальным ценностям.

Присутствие «Братьев Италии» на европейской политической арене, в частности через участие в Партии европейских консерваторов и реформистов, позволило Дж. Мелони укрепить связи с консервативными элитами и политическими организациями за пределами Италии. Визит в Вашингтон в 2020 г. и последующее избрание

председателем Партии европейских консерваторов и реформистов стали подтверждением роста ее политического влияния. Личный бренд Дж. Мелони отделился от постфашистского ярлыка, закрепившегося за партией в ранние годы ее существования, и стал ассоциироваться с современным консервативным лидером, способным выстраивать международные контакты.

Внутри Италии политический ландшафт к 2019 г. существенно изменился. Лидер «Лиги» М. Сальвини принял решение разорвать коалицию с «Движением пяти звезд», надеясь на досрочные выборы и возможность укрепить собственное большинство. Однако этот план не принес ожидаемых результатов: «Движение пяти звезд» сформировало новую коалицию с Демократической партией, образовав так называемое желто-красное правительство. Этот просчет М. Сальвини создал политический вакуум, который Дж. Мелони и ее партия смогли использовать для продвижения своей позиции.

В 2020 г. мир столкнулся с пандемией COVID-19, которая стала решающим фактором в укреплении бренда Дж. Мелони и партии «Братья Италии». В отличие от «Лиги», которая демонстрировала непоследовательность в отношении ограничительных мер и вакцинации, «Братья Италии» выстраивали свою коммуникативную стратегию вокруг защиты индивидуальных свобод, критики европейских ограничений и поддержки бизнеса, пострадавшего от локдаунов. Такой подход сделал образ Дж. Мелони привлекательным и последовательным, способствовал росту доверия к ней и увеличению числа подписчиков в социальных сетях.

Решение не присоединяться к технократическому правительству Марио Драги также оказалось стратегически верным. На фоне участников коалиции из партий «Лига» и «Вперед, Италия»

Дж. Мелони смогла закрепить имидж независимого и принципиального лидера, критикуя навязывание власти, которая не была избрана народом. Важным элементом ее коммуникации стало обозначение «врага» в лице правительства и использование простого, эмоционального языка, повторяющегося в социальных сетях и медиапространстве, что способствовало закреплению ассоциаций с сильным оппозиционным лидером.

Что касается партийной структуры, пандемия COVID-19 позволила обойтись без традиционных съездов, а личный бренд Дж. Мелони стал фактически идентичным бренду партии. Ее образ молодой, сильной женщины, матери и лидера был подкреплен автобиографией и публичными выступлениями, включая знаменитую речь в Риме о «родителе 1, родителе 2» и правах на идентичность, где Дж. Мелони использовала градацию, подчеркивая индивидуальность народа и свое личное лидерство. Мемы и видеоролики с этой речью («Я Джорджа. Я женщина. Я мать. Я итальянка. Я христианка.») лишь усилили эффект присутствия и узнаваемость ее образа.

К 2022 г. успех партии на выборах стал логическим результатом выбранной стратегии. Просчеты М. Сальвини и участие «Лиги» в правительстве М. Драги создали возможность для активной оппозиционной коммуникации партии «Братья Италии». Эмоциональные, провокационные, но понятные послания Дж. Мелони мобилизовали электорат и позиционировали ее как защитника национальных интересов и демократии. Ключевым стало постепенное смягчение риторики ближе к выборам: язык стал более умеренным, предвыборная программа подчеркивала серьезность и готовность решать реальные задачи, что позволило показать партию как зрелого политического игрока.

С точки зрения организационной структуры «Братья Италии» превра-

тились в персонифицированную партию, работающую на лидера и под его непосредственным руководством. Речи Дж. Мелони, использование местоимений «мы» и «я», а также активное присутствие в социальных сетях позволяли ей формировать повестку дня, привлекать молодежь и демонстрировать современность своего политического подхода. Социальные сети стали инструментом поп- и мем-политики, быстро транслируя ключевые сообщения и усиливая эффект эмоциональной вовлеченности аудитории.

Таким образом, к 2022 г. «Братья Италии» заняли все значимые ниши на политическом рынке: лидер правоцентристской коалиции, оппозиционный игрок, защитник нации, консервативных ценностей и демократии. Личный бренд Дж. Мелони стал сильнее бренда партии, объединил партийные структуры вокруг ее фигуры и полностью вывел организацию из-под обвинений в причастности к фашизму. Пример Дж. Мелони показывает, что персонифицированный лидер может стать не только центром политической коммуникации, но и ключевым фактором устойчивости и роста партии в условиях сложной внутренней и международной конъюнктуры.

Заключение

Анализ применения политического маркетинга и политических технологий в Италии показывает, что их развитие прошло путь от вспомогательного инструмента партийной агитации до системной стратегии, включающей брендинг, медиастратегию и выстраивание отношений с обществом. Эффективность электоральных кампаний всё больше определяется степенью успеха построения личного бренда лидера политической партии, при которой он становится центральным элементом

политической коммуникации и ключевым фактором мобилизации электората. Синергия традиционных и цифровых медиа, интеграция социальных сетей, мем-политики и инструментов мониторинга позволяет оперативно реагировать на изменения общественных настроений, формировать повестку дня и эффективно взаимодействовать с электоратом.

Политические партии Италии добивались победы преимущественно в тех случаях, когда они либо являлись новыми политическими субъектами, либо находились в статусе оппозиционных. Ключевую роль при этом играла технология построения бренда, позиционируемого как новая сила, предлагающая надежду на позитивные изменения и противопоставляющая себя существующим элементам системы, обладающим негативной репутацией.

Список литературы

Анохин М.Г. Современные технологии эффективной политики. – Москва : РУДН, 2008. – 239 с.

Анохин М.Г. Политические технологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. – 2000. – № 2. – С. 101–114.

Васильева П.И. Глобальные политические технологии: теория и практика // Обозреватель – Observer. – 2012. – № 8. – С. 77–83.

Демидченко В.В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды // Власть. – 2015. – № 12. – С. 140–142.

Зонова Т.В. Партийная система Италии // Актуальные проблемы Европы. – 2018. – № 2. – С. 156–177.

Ильин М.В., Шиковец М.А. Политические технологии избирательного процесса // Управленческое консультирование. – 2005. – № 1. – С. 143–151.

Левин И.Б. Размышления об итальянском кризисе // ПОЛИС. Политические исследования. – 1995. – № 2. – С. 44–57.

Любин В.П. Итальянская партийно-политическая система в 90-е годы // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 3. – С. 85–96.

Маслова Е.А. Парламентские выборы в Италии 2022: лидеры и идеи // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2022. – № 5. – С. 55–62. – DOI: 10.15211/vestnikieran520228086.

Маслова Е.А., Шебалина Е.О. Трансформация партийно-политической системы Италии // Современная Европа. – 2021. – № 2. – С. 111–123. – DOI: 10.15211/soveurope22021111123.

Самородов А.И. Политический маркетинг в Италии: тенденции развития и проблематика // Общественные науки и современность. – 2025. – № 1. – С. 137–150. – DOI: 10.7868/S2712910125010108.

Самородов А.И. Трансформация системы управления партии «Лига» после 2013 г. // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2023. – № 5 (35). – С. 62–72. – DOI: 10.15211/vestnikieran520236272.

Тимофеев О.В. Понятийные проблемы политических интернет-технологий: поиск адекватной интерпретации // Власть. – 2011. – № 7. – С. 44–47.

Федорченко С.Н. Кистории развития политических технологий в России // Россия XXI. – 2017. – № 4. – С. 6–31.

Cwalina W., Falkowski A., Newman B.I. Political Marketing: Theoretical and Strategic Foundations. – New York : Routledge, 2015. – 353 p.

Diamanti I. La politica come marketing // Micromega. – 1994. – N 2. – P. 60–77. – Итал. яз.

Diamanti I., Lello E. The Casa della Libertà: A House of Cards? // Modern Italy. – 2005. – Vol. 10, N 1. – P. 9–35. – DOI: 10.1080/13532940500113326.

Follini M. Teoria, prassi e ideologia del berlusconismo // Il Mulino. – 2006. – Vol. 55, N 2. – P. 253–263. – Итал. яз.

Harrop M. Political marketing // Parliamentary Affairs. – 1990. – Vol. 43, N 3. – P. 277–291.

Henneberg S.C. An epistemological perspective on research in political marketing // Journal of Political Marketing. – 2008. – Vol. 7, N 2. – P. 151–182. – DOI: 10.1080/15377850802053158.

Henneberg S.C., O'shaughnessy N.J. Theory and concept development in political marketing: Issues and an agenda // Journal of Political Marketing. – 2007. – Vol. 6, N 2–3. – P. 5–31. – DOI: 10.1300/J199v06n02_02.

Hughes A., Dann S. Political marketing and stakeholder engagement // Marketing Theory. – 2009. – Vol. 9, N 2. – P. 243–256. – DOI: 10.1177/1470593109103070.

Lees-Marshment J. Routledge Handbook of Political Marketing. – [S. l.] : Routledge, – 2012. – 408 p.

Lees-Marshment J. Political Marketing: Principles and Applications. – [S. l.] : Routledge, – 2019. – 266 p.

Lock A., Harris P. Political marketing-vive la différence! // European Journal of Marketing. – 1996. – Vol. 30, N 3. – P. 14–24.

Mariotti C. Berlusconi: some empirical research // Bulletin of Italian Politics. – 2011. – Vol. 3, N 1. – P. 35–57.

Mellone A., Gregorio L.D. The childhood of an approach: Political marketing in Italy // Journal of Political Marketing. – 2004. – Vol. 3, N 3. – P. 17–39. – DOI: 10.1300/J199v03n03_02.

Newman B.I. Handbook of Political Marketing. – Thousand Oaks, CA : SAGE, 1999. – 792 p.

Novelli E. Dalla TV di partito al partito della TV: televisione e politica in Italia, 1960–1995. – [S. l.] : La Nuova Italia, 1995. – 310 p. – Итал. яз.

Ormrod R.P. Defining Political Marketing // Institut for Økonomi, Aarhus Universitet. Management Working Papers. – 2012. – № 2012-02 – P. 1–17.

Orsina G. El berlusconismo // Ayer. – 2016. – Vol. 104, N 4. – P. 43–66. – Итал. яз.

Pastoureau M. Blue: The History of a Color. – Princeton : Princeton University Press, 2023. – 216 p.

Paramei G.V., D'Orsi M., Menegaz G. Italian blues': A challenge to the universal inventory of basic colour terms // Journal of the International Colour Association. – 2014. – Vol. 13. – P. 27–35.

Poli E. Forza Italia: Strutture, leadership e radicamento territoriale. – Bologna : Il Mulino, 2001. – 296 p. – Итал. яз.

Political marketing / Newman B.I., Cwalina W., Falkowski A., Newman T.P., Jabłońska M. // The Palgrave Encyclopedia of Interest Groups, Lobbying and Public Affairs. – Cham : Springer International Publishing, 2022. – P. 1022–1034.

Scammell M. Designer Politics: How Elections Are Won. – Houndmills, Basingstoke : Macmillan, 1995. – 342 p.

Scammell M. Political marketing: Lessons for political science // Political Studies. – 1999. – Vol. 47, N 4. – P. 718–739.

Shama A. The marketing of political candidates // Journal of the Academy of Marketing Science. – 1976. – Vol. 4. – P. 764–777.

Sharma K. Studies of political marketing: an annotated bibliography // International Journal of Advanced Scientific Research and Management. – 2016. – Vol. 1, N 10. – P. 1–7.

Sparrow N., Turner J. The permanent campaign – The integration of market research techniques in developing strategies in a more uncertain political climate // European Journal of Marketing. – 2001. – Vol. 35, N 9/10. – P. 984–1002.

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.07

Political Marketing in Italy: The Case of the Right Coalition's Success

Elena A. MASLOVA

PhD (Political Sciences), Associate Professor

MGIMO – University

Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: e.maslova@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-2493-3900

Artem I. SAMORODOV

PhD Candidate

MGIMO – University

Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: samorodov_artem@inbox.ru

ORCID: 0009-0002-4377-835X

CITATION: Maslova E.A., Samorodov A.I. (2025). Political Marketing in Italy: The Case of the Right Coalition's Success. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 5, pp. 124–140 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.05.07

Received: 24.09.2025.

Revised: 10.11.2025.

ABSTRACT. *The article examines the development of political marketing and the use of marketing technologies for achieving electoral success in Italy. The study uses the example of the parties forming the current centre-right ruling coalition (“Forza Italia”, “Lega”, and “Fratelli d’Italia”). The research considers the transformation of Italy’s political system following the transition from the First to the Second Republic, as well as the evolution of citizens’ electoral behaviour, including the rise of undecided voters. The authors analyze the state of political marketing in Italy, which combines two main approaches: a narrow one, focused on the use of specific campaign techniques, and a broad one, aimed at building long-term relationships with the electorate. Through the cases of “Forza*

Italia” led by Silvio Berlusconi, “Lega” by Matteo Salvini, and “Fratelli d’Italia” by Giorgia Meloni, the authors explore strategies for personal brand formation, media strategy integration, and the use of social media and digital platforms. The authors conclude that the success of these parties is driven by a combination of factors: personalization (the creation of a strong leader’s personal brand), integration of media strategies, adaptation of communication to the digital environment, and effective engagement with undecided voters through clear, consistent, and compelling messaging.

KEYWORDS: *Italy, political marketing, Meloni, Salvini, Berlusconi, electoral technologies.*

References

- Anokhin M.G. (2000). Political Technologies. *RUDN Journal of Political Science*. No. 2, pp. 101–114 (in Russian).
- Anokhin M.G. (2008). *Modern Technologies of Effective Politics*. Moscow: RUDN, 239 pp. (in Russian).
- Cwalina W., Falkowski A., Newman B.I. (2015). *Political Marketing: Theoretical and Strategic Foundations*. New York: Routledge, 353 pp.
- Demidchenko V.V. (2015). The Concept of Political Technologies: Essence, Forms, and Types. *Vlast*. No. 12, pp. 140–142 (in Russian).
- Diamanti I. (1994). Politics as marketing. *Micromega*. No. 2, pp. 60–77 (in Italian).
- Diamanti I., Lello E. (2005). The Casa della Libertà: A House of Cards? *Modern Italy*. Vol. 10, no. 1, pp. 9–35. DOI: 10.1080/13532940500113326.
- Fedorchenko S.N. (2017). On the History of the Development of Political Technologies in Russia. *Russia XXI*. No. 4, pp. 6–31 (in Russian).
- Follini M. (2006). Theory, Practice, and Ideology of Berlusconi. *Il Mulino*. Vol. 55, no. 2, pp. 253–263 (in Italian).
- Harrop M. (1990). Political marketing. *Parliamentary Affairs*. Vol. 43, no. 3, pp. 277–291.
- Henneberg S.C., O'shaughnessy N.J. (2007). Theory and concept development in political marketing: Issues and an agenda. *Journal of Political Marketing*. Vol. 6, no. 2–3, pp. 5–31. DOI: 10.1300/J199v06n02_02.
- Henneberg S.C. (2008). An epistemological perspective on research in political marketing. *Journal of Political Marketing*. Vol. 7, no. 2, pp. 151–182. DOI: 10.1080/15377850802053158.
- Hughes A., Dann S. (2009). Political marketing and stakeholder engagement. *Marketing Theory*. Vol. 9, no. 2, pp. 243–256. DOI: 10.1177/1470593109103070.
- Ilyin M.V., Shikovets M.A. (2005). Political Technologies of the Electoral Process. *Administrative Consulting*. No. 1, pp. 143–151 (in Russian).
- Lees-Marshment J. (2012). *Routledge Handbook of Political Marketing*. S. l.: Routledge, 408 pp.
- Lees-Marshment J. (2019). *Political Marketing: Principles and Applications*. S. l.: Routledge, 266 pp.
- Levin I.B. (1995). Reflections on the Italian Crisis. *POLIS. Political Studies*. No. 2, pp. 44–57 (in Russian).
- Lock A., Harris P. (1996). Political marketing-vive la différence! *European Journal of Marketing*. Vol. 30, no. 3, pp. 14–24.
- Lyubin V.P. (1998). The Italian Party-Political System in the 1990s. *World Economy and International Relations*. No. 3, pp. 85–96 (in Russian).
- Mariotti C. (2011). Berlusconi: some empirical research. *Bulletin of Italian Politics*. Vol. 3, no. 1, pp. 35–57.
- Maslova E.A., Shebalina E.O. (2021). Transformation of Italy's Party-Political System. *Contemporary Europe*. No. 2, pp. 111–123 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope22021111123.
- Maslova E.A. (2022). The 2022 Parliamentary Elections in Italy: Leaders and Ideas. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*. No. 5, pp. 55–62 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran520228086.
- Mellone A., Gregorio L.D. (2004). The childhood of an approach: Political marketing in Italy. *Journal of Political Marketing*. Vol. 3, no. 3, pp. 17–39. DOI: 10.1300/J199v03n03_02.
- Newman B.I. (1999). *Handbook of Political Marketing*. Thousand Oaks, CA: SAGE, 792 pp.
- Novelli E. (1995). *From Party TV to the TV Party: Television and Politics in Italy, 1960–1995*. S. l.: La Nuova Italia, 310 pp. (in Italian).
- Ormrod R.P. (2012). Defining Political Marketing. *Institut for Økonomi, Aarhus Universitet. Management Working Papers*. No. 2012-02, pp. 1–17.

Orsina G. (2016). Berlusconism. *Ayer*. Vol. 104, no. 4, pp. 43–66 (in Italian).

Pastoureau M. (2023). *Blue: The History of a Color*. Princeton: Princeton University Press, 216 pp.

Paramei G.V., D'Orsi M., Menegaz G. (2014). Italian blues': A challenge to the universal inventory of basic colour terms. *Journal of the International Colour Association*. Vol. 13, pp. 27–35.

Poli E. (2001). *Forza Italia: Structures, Leadership, and Territorial Roots*. Bologna: Il Mulino, 296 pp. (in Italian).

Political marketing (2022). Newman B.I. et al. Political marketing. *The Palgrave Encyclopedia of Interest Groups, Lobbying and Public Affairs*. Cham: Springer International Publishing, pp. 1022–1034.

Samorodov A.I. (2023). Transformation of the League Party's Management System After 2013. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*. No. 5 (35), pp. 62–72 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran520236272.

Samorodov A.I. (2025). Political Marketing in Italy: Development Trends and Key Issues. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 1, pp. 137–150 (in Russian). DOI: 10.7868/S2712910125010108.

Scammell M. (1995). *Designer Politics: How Elections Are Won*. Houndmills, Basingstoke: Macmillan, 342 pp.

Scammell M. (1999). Political marketing: Lessons for political science. *Political Studies*. Vol. 47, no. 4, pp. 718–739.

Shama A. (1976). The marketing of political candidates. *Journal of the Academy of Marketing Science*. Vol. 4, pp. 764–777.

Sharma K. (2016). Studies of political marketing: an annotated bibliography. *International Journal of Advanced Scientific Research and Management*. Vol. 1, no. 10, pp. 1–7.

Sparrow N., Turner J. (2001). The permanent campaign – The integration of market research techniques in developing strategies in a more uncertain political climate. *European Journal of Marketing*. Vol. 35, no. 9/10, pp. 984–1002.

Timofeev O.V. (2011). Conceptual Issues of Political Internet Technologies: Seeking an Adequate Interpretation. *Vlast*. No. 7, pp. 44–47 (in Russian).

Vasilyeva P.I. (2012). Global political technologies: theory and practice. *Observer*. No. 8, pp. 77–83 (in Russian).

Zonova T.V. (2018). Italy's Party System. Current Problems of Europe. No. 2, pp. 156–177 (in Russian).

С точки зрения экономики

УДК 324:338(1*BE+1*NL*1*LU)
DOI: 10.31249/kgt/2025.05.08

Политэкономия трансформации электоральных процессов в странах Бенилюкса: кризис моделей?

Егор Александрович СЕРГЕЕВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, старший научный сотрудник Института международных исследований
МГИМО МИД России
проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
E-mail: sergeev.e.a@my.mgimo.ru
ORCID: 0000-0001-9964-9595

ЦИТИРОВАНИЕ: Сергеев Е.А. Политэкономия трансформации электоральных процессов в странах Бенилюкса: кризис моделей? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 5. С. 141–166.
DOI: 10.31249/kgt/2025.05.08

Статья поступила в редакцию 20.10.2025.
Исправленный текст представлен 10.12.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена при поддержке гранта ИМИ «Параметры дестабилизации в Европе: социально-экономические, политические и ценностные аспекты» (проект № 2025-04-07).

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена политэкономическому анализу трансформации электоральных процессов в странах Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды, Люксембург) и выявлению признаков «кризиса моделей» партийно-политического устройства. Цель исследования – оценить основные кризисные черты и изменения в избирательных системах Бенилюкса, а также охарактеризовать факторы, которые при этом препятствуют их дестабилизации. В работе выделяются основные черты, которые можно было бы рассматривать в качестве ключевых характеристик электоральных систем указан-

ных стран. Они включают традиции консociативной демократии, сравнительно высокий уровень политического участия, фрагментацию партийного ландшафта и др. Можно говорить о том, что внутри этих систем наметились симптомы довольно серьезного кризиса, которые включают постепенное падение уровня удовлетворенности демократией, снижение доверия к основным институтам, рост влияния правопопулистских сил, а также довольно серьезная и при этом «новая» поляризация и т.д. Значимую роль в формировании указанных симптомов несут факторы политэкономической природы:

рост влияния экономических вопросов в политическом процессе, особенности формирования рационального политического выбора в новых условиях, а также дисбалансы между спросом и предложением на политическом рынке. Несмотря на указанные проблемы, пока политические системы стран Бенилюкса демонстрируют высокую степень устойчивости, ключевые элементы которой включают гибкость политической культуры и фактическое формирование «общества массового политического потребления», сохраняющееся высокое доверие к выборам, институционализированную сегментированность бельгийской системы и способность традиционных механизмов сдерживать новые раздельные линии. Таким образом, несмотря на нарастание кризисных явлений и «новых разломов» в политических системах Бенилюкса, их устойчивость пока существенно не подорвана.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *электоральные процессы, кризис, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, выборы, политические партии, правый популизм.*

Введение

Страны Бенилюкса достаточно давно используются в качестве идеальных моделей для анализа важнейших политических и электоральных процессов в Европе. Это касается не только их особого положения во внешней политике и международных отношениях, их «образцовой» роли для построения интеграционных процессов в рамках Европейского союза (ЕС) [Vermeulen, De Bondt, 2017], но и специфики организации общественно-политического взаимодействия в достаточно сложных, многосоставных обществах [Осколков, Сергеев, 2017]. В этих системах, которые не отличаются слишком большим

масштабом, но при этом считаются весьма разветвленными, можно выявить и оценить основные тенденции в электоральных процессах, которые предстают здесь в более чистом виде, как если бы рассмотрение осуществлялось на своеобразном микроуровне.

При этом одновременно нельзя сказать, что политические системы в указанных странах свободны от достаточно серьезных политических кризисов, которые, однако, едва ли сказываются на общей устойчивости политической конструкции. Постоянные электоральные проблемы и вопросы с федеративным устройством в Бельгии [Сергеев, 2023], а также новая «традиция» проведения досрочных выборов в Нидерландах пока слабо отразились на общих параметрах избирательной и парламентской систем. Вместе с тем, как представляется, в последнее время набор «кризисных» элементов в этих политических системах постепенно увеличивается, что создает дополнительные риски.

При предсказуемо небольшом внимании к электоральным процессам в странах Бенилюкса нельзя сказать, что в отечественной науке эта тема является малоизученной. Так, нами рассматривались традиции и преемственность в партийно-политической системе Нидерландов, значимую роль в складывании которой сыграла система опор (нид. *verzuiling*) [Осколков, Сергеев, 2017]. Фактор правого популизма в странах Бенилюкса в целом [Осколков, 2017] и в современной Бельгии в частности [Жидкова, Хорошева, 2025] также получил довольно много внимания. Наконец, современные партийные и электоральные трансформации в странах Бенилюкса тоже рассматривались некоторыми авторами [Груздева, 2025; Гуселетов, 2024; Посаженникова, 2025]. Однако, как представляется, интересным вопросом, которому следовало бы найти место в отдельном исследовании,

является выявление «длинных» электоральных трансформаций в рассматриваемых странах и попытка оценить, насколько их современные преломления представляются критичными для функционирования политических систем.

Естественно, с подобной постановкой вопроса гораздо чаще можно встретиться в исследованиях зарубежных авторов. Часть из них посвящена как раз выявлению некоторых системных партийно-политических трансформаций и образованию новых вариантов разделения избирателей [La Sota, Gethin, Martinez-Toledano, 2021], а часть непосредственно анализирует политические системы в координатах «дестабилизация – стабильность», преимущественно делая вывод об их устойчивости [Stability..., 2024; Otjes, de Lange, 2025]. Однако, как представляется, значительная часть из таких работ не выходит за рамки принятого теоретического и политического мейнстрима, что несколько снижает их аналитический потенциал. В нашем случае, как предполагается, такого рода ограничения в анализе западноевропейских политических систем практически отсутствуют. Дополнительно очередной кризис в политической системе Нидерландов¹ подсказывает необходимость актуализировать эти тенденции.

Методологические аспекты исследования

Рассмотрение современных электоральных трансформаций в европейских странах, как представляется, наиболее логично осуществлять сквозь призму двух основных магистральных

подходов. С одной стороны, очевидна необходимость задействования пласта работ, связанных с теорией размежеваний Липсета-Роккана [Lipset, Rokkan, 1967], а также ее производных, прежде всего теории проблемных измерений – *issue dimension* [Budge, 1987]. Действительно, несмотря на серьезные социальные изменения, подрывающие основания под социальными размежеваниями [Мелешикина, 2001], классические «лево – правые»-разделительные линии и противоречия, вероятнее всего, всё еще сохраняют свое значение в электоральных процессах, по крайней мере, в вопросах самоидентификации электората и саморепрезентации политических партий [Сергеев, Киселева, Воротников, 2024]. При этом традиционные «большие» социально-политические размежевания типа «город – село», «религиозность – светскость» и другие в современных условиях явно дополняются и иногда заменяются растущими противоречиями вокруг групп более частных вопросов, включающих, например, проблемы экологии, экономической интеграции или международной миграции [Zollinger, Attewell, 2025], «новые культурные» явления [Dalton, 2015]. Значимая часть из этих новых противоречий, видимо, появляется вследствие дальнейшей трансформации современного информационного общества [Marks, Hooghe, 2025], неравномерное распределение эффектов от которой в разных группах (в зависимости от уровня образования, возраста, пола, занятости и др.), скорее всего, и объясняет некоторую политическую фрустрацию в отдельных частях электората и падение голосования

¹ По результатам внеочередных выборов 2023 г. в стране был сформирован Кабинет министров, который первоначально рассматривался как «внепарламентский» (нид. *extraparlamentair*); в июне 2025 г. в результате расхождений относительно перспектив ужесточения миграционного законодательства из Кабинета министров вышли представители Партии свободы (PVV), а в августе из-за противоречий вокруг потенциальных санкций против Израиля за действия в Газе в отставку ушел министр иностранных дел, а за ним – остальные члены Кабинета министров, представляющие партию «Новый социальный контракт» (NSC). На октябрьских выборах 2025 г. 1-е место заняла партия «Демократы-66», а Партия свободы оказалась на 2-м месте.

за «мейнстримные партии» [Hooghe, Marks, 2018].

Ряд авторов предлагают перенести акцент в исследованиях с факта присутствия в программах партий конкретных проблемных вопросов на то, как именно политические силы их трактуют и какие решения предлагают [Коргунюк, 2019]. Это кажется справедливым, в особенности учитывая тот факт, что в своей стратегии политические партии часто стараются манипулировать позициями по проблемным вопросам, инструментализируя их. К примеру, так называемые правопопулистские партии не единожды уличены в том, что используют острые вопросы «второго порядка» в политической конкуренции, при этом представляя «замыленную» позицию по действительно первостепенным проблемам [Rovny, 2013].

В последнее время важнейшей раздельной линией стал так называемый транснационализм [Hooghe, Marks, 2018], под которым понимается проникновение внешних факторов в национальные системы. Он увеличивает значимость экономических вопросов не только в политике государств, что показали финансовый, миграционный, долговой и иные кризисы в ЕС, но и в голосовании за определенные политические силы. В таких условиях, как пишут некоторые авторы [Hopkins, 2020], партии мейнстрима, последние десятилетия фактически не выходявшие за рамки либерально-рыночного консенсуса и успешно эксплуатировавшие настроение так называемого медианного избирателя, сегодня столкнулись с невозможностью решения новых (прежде всего экономических) проблем. В результате политика многих «центристских» правительств по сути своей стала антикризисной, а их неспособность эффективно разрешать накапливающиеся кризисы привела к па-

дению популярности традиционных «правлящих» партий и росту запроса на альтернативные политические силы. Те, в свою очередь, также показали неспособность решать проблемы, что в конечном счете приводит к падению общего доверия политической системе.

В таких условиях именно более активное проникновение экономических («кризисных») вопросов в политическую повестку дня определяет и электоральную динамику. Эмпирические исследования показывают, что в целом экономические кризисы, скорее, ведут к росту популярности правых политических сил [Margalit, Solodoch, 2025] и популистов разных мастей [Economic..., 2024], что представляется довольно логичным.

Однако, как представляется, при всей логичности и определенной схожести происходящих в Европе электоральных процессов национальные особенности продолжают играть весьма значимую роль в том, как политические системы реагируют на изменение электоральных предпочтений. Кажется, страны Бенилюкса наглядно это демонстрируют.

Вероятно, ключевой особенностью развития их политических систем была пилларизация (в отечественных исследованиях этого явления применительно к Бельгии и Нидерландам более распространенным считается понятие «система опор»). Именно пилларизация этих «консоциативных демократий» [Лейпхарт, 1997] является второй основополагающей концепцией, сквозь призму которой стоит рассматривать происходящее в политических системах стран Бенилюкса. Основная черта пилларизованного общества – мобилизация крупных групп электората на основе религиозных и/или идеологических принципов, организованная в рамках вертикальных институтов политического представи-

тельства, участия и воспитания (политических партий, профсоюзов, средств массовой информации, школ и др.) [Hellemans, 2020]. Вероятно, наиболее важной чертой подобного разделения является довольно устойчивый характер сохраняющихся разделительных линий. Правда, сегодня они носят гораздо более сложный характер и группируются вокруг институциональных, культурных, социальных и иных проблем [Maussen, 2015], что делает политическую мобилизацию определенных групп электората более фрагментированной и таргетированной. В этом смысле современное разделение общества на группы представляется гораздо более гибким и в большей степени зависящим от тех самых проблемных измерений.

Традиционные характеристики электоральных систем стран Бенилюкса

Обычно к традиционным элементам «моделей» стран Бенилюкса, помимо того что это классические примеры консоциативных демократий, относятся достаточно высокий уровень политического участия, весьма глубокую степень фрагментированности и раздробленности партийно-политических систем [Stability..., 2024], сравнительно большую мобильность (подвижность) электората [Rihoux, 1996, pp. 268–271] в вопросах предпочтения голосования за определенные партии (это не касается, например, консервативно-протестантской Реформатской партии (*Staatkundig Gereformeerde Partij*) в Нидерландах и ряда других), высокий уровень доверия существующей политической системе, интенсивную вовлеченность подданных в ее функционирование, а также частое чередование политических сил, находящихся у власти [Otjes, de Lange, 2025]. К инсти-

туциональным особенностям работы электоральных систем можно отнести пропорциональное голосование, которое при этом является предпочтительным (избиратели могут сделать предпочтительный выбор внутри списка партии, за которую они голосуют).

Безусловно, наиболее специфична институциональная организация электорального процесса в Бельгии, где, как известно, фактически действуют 3 отдельные избирательные и партийно-политические системы, организованные по языковому принципу [Сергеев, 2023]. Данному разделению предшествовала длительная общественно-политическая борьба, вылившаяся в федерализацию страны (проходившую в несколько этапов) и очень высокий уровень «институциональной разделенности», когда каждая из указанных систем фактически функционирует отдельно. При этом для этой разделенной системы характерны довольно интенсивная динамика и частое реформирование институциональной структуры (скажем, разделение избирательных округов по языковому принципу), хотя далеко не все реформы оказались успешными в силу наличия законодательных ограничений или давления относительно крупных политических сил [Hooghe, Deschouwer, 2011].

Высокий уровень участия в политической системе в случае Бельгии, безусловно, во многом обеспечивается правилами обязательного голосования на выборах, однако Нидерланды, где таких правил нет, всё равно демонстрируют высокий уровень явки (рисунок 1). При этом ее показатели имели тенденцию к некоторому снижению, а также определенно демонстрируют различия в приоритетности выборов разного порядка (наименее «популярными» традиционно являются муниципальные выборы и выборы в Европейский парламент).

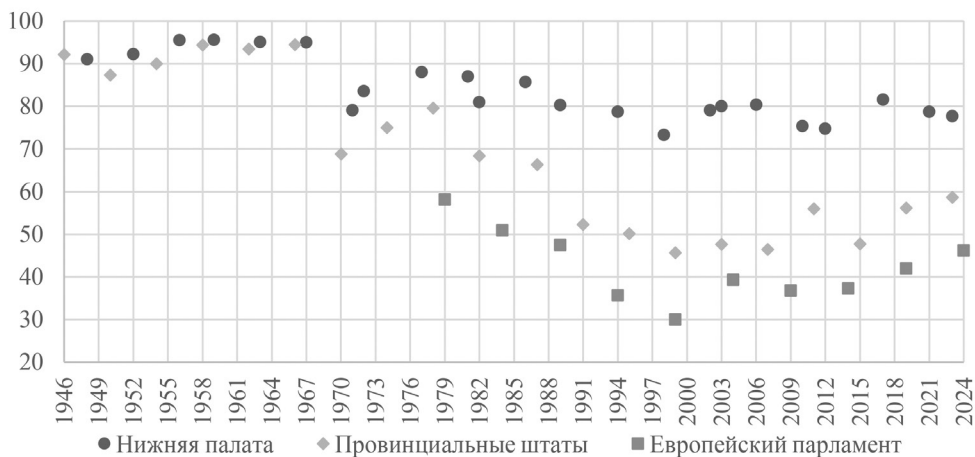

Рисунок 1. Явка на выборах разного уровня в Нидерландах, %

Figure 1. Voter turnout in elections at various levels in the Netherlands, %

Построено автором по: Verkiezingsuitslagen. – Нид. яз. – URL: <https://www.verkiezingsuitslagen.nl/verkiezingen/> (дата обращения: 10.11.2025).

Прямое влияние на электоральный процесс оказывает специфика партийно-политических систем. Как уже упоминалось, для них характерна серьезная фрагментированность и раздробленность. В Бельгии эта раздробленность закреплена институционально и, видимо, за счет этого остается достаточно стабильной. В Нидерландах же типичной характеристикой функционирования партийно-политических систем было и остается постоянное увеличение количества политических партий, которое происходит преимущественно за счет «деления» существующих. Например, так образовались Партия свободы (PVV) и партия *DENK* (в основном состоящая из этнических турок), которые в той или иной форме «отделились» от Народной партии за свободу и демократию (VVD). При этом подобная динамика характерна не только для крупных и мейнстримных политических сил, но и сравнительно небольших, весьма оди-

озных партий. Так, от воспринимаемой в Нидерландах в качестве крайне правой партии «Форум за демократию» в 2020 г. отделилось движение *JA21* («Справедливый ответ 21»), которое само себя провозгласило либерально-консервативной партией.

Еще одна традиционная черта партийно-политической системы Бельгии и Нидерландов – достаточно частая сменяемость кабинетов министров и весьма длительные периоды формирования новых, в течение которых обычно функционирует «техническое» правительство². Так, средняя длительность функционирования правительства в 1945–2023 гг. в Бельгии – 0,79 лет, в Финляндии – 0,85, в Италии – 0,98, в Латвии – 1,08, в Словакии – 1,16. Число «технических» кабинетов министров в те же годы в Нидерландах – 11, в Болгарии – 9, в Бельгии – 8, в Финляндии – 7, в Австрии – 7.

Подобная ситуация, в частности, связана со спецификой развития пар-

2 Pew Research Center. – URL: <https://www.pewresearch.org/sh-ort-reads/2023/01/25/many-countries-in-europe-get-a-new-government-at-least-every-two-years/> (дата обращения: 10.11.2025).

Таблица 1. Результаты политических партий на выборах в нижнюю палату в Нидерландах, % голосов

Table 1. Results of political parties in elections to the Lower House of the Netherlands, % of votes

Условно левые									Условно правые			
Партии												
Год	SP СП*	D66 Д66	NSC	GL ЗЛ	PvdA ПТ	KVP КНП	ARP АРП	CDA ХДП	VVD НПСД	PVV ПС	JA21	FfD
1967	–	4,5	–	–	23,6	26,5	9,9	–	10,8	–	–	–
1971	–	6,7	–	–	24,6	21,8	8,6	–	10,3	–	–	–
1972	–	4,1	–	–	27,3	17,7	8,8	–	14,5	–	–	–
1977	0,3	5,4	–	–	33,8	–	–	32	18	–	–	–
1981	0,4	11	–	–	28,3	–	–	30,8	17,3	–	–	–
1982	0,6	4	–	–	30,4	–	–	23	23	–	–	–
1986	0,4	6,1	–	–	33,3	–	–	34,6	17,4	–	–	–
1989	0,4	7,9	–	4,1	31,9	–	–	35,3	14,6	–	–	–
1994	1,3	15,5	–	3,5	24	–	–	22,2	20	–	–	–
1998	3,9	9	–	7,3	29	–	–	18,4	24,7	–	–	–
2002	5,9	5,1	–	7	15,1	–	–	27,9	15,4	17	–	–
2003	6,3	4	–	5,1	27,2	–	–	28,6	17,9	5,6	–	–
2006	16,6	2	–	4,6	21,2	–	–	26,5	14,7	5,9	–	–
2010	9,8	6,9	–	6,7	19,6	–	–	13,6	20,5	15,4	–	–
2012	9,7	8	–	2,3	24,8	–	–	8,5	26,6	10,1	–	–
2017	9,1	12,2	–	9,1	5,7	–	–	12,4	21,3	13,1	–	1,8
2021	6,0	15,02	–	5,2	5,7	–	–	9,5	21,9	10,7	2,4	5,0
2023**	3,2	6,3	12,9	15,8		–	–	3,3	15,2	23,5	0,7	2,2
2025	1,9	16,9	0,4	12,8		–	–	11,8	14,2	16,7	6,0	4,5

* PvdA – Партия труда (ПТ); KVP – Католическая народная партия (КТП); ARP – Антиреволюционная партия (АРП); CDA – «Христианско-демократический призыв» (ХДП); VVD – Народная партия за свободу и демократию (НПСД); D66 – «Демократы 66» (Д66); GL, GroenLinks – «Зеленые левые» (ЗЛ); PVV – Партия свободы (ПС); SP – Социалистическая партия (СП); NSC – «Новый социальный контракт»; JA21 – «Справедливый ответ 21»; FfD – «Форум за демократию».

** На выборах 2023 г. и 2025 г. Партия труда / «Зеленые левые» участвовали в едином блоке.

Составлено автором по: Verkiezingsuitslagen. – Нид. яз. – URL: <https://www.verkiezingsuitslagen.nl/verkiezingen/> (дата обращения: 10.11.2025).

тийно-политических систем. С точки зрения «длинных» изменений для них характерно постепенное снижение электоральной поддержки (а затем и фактический отказ от нее) так называемых пилларизованных партий (то есть тех, которые были связаны с

историческими опорами³) и практические полное смещение политических дискуссий в русло секуляризованного мейнстрима. Например, в Нидерландах (таблица 1) этот постепенный отказ выражается в снижении популярности Католической народной партии (KVP)

3 В случае Нидерландов это католическая, протестантская, либеральная и социал-демократическая опоры. В Бельгии существовало три опоры, которые вплоть до 1960-х годов структурировали политическое взаимодействие: католическая, либеральная и социал-демократическая.

Таблица 2. Результаты политических партий на выборах в Палату представителей в Бельгии, количество мест

Table 2. Results of political parties in the elections to the Belgian Chamber of Representatives, number of seats

Идеология	Уровень	Партия**	2010*	2014	2019	2024
Социалисты	Бельгия (федеральный уровень)	«Партия труда» (PvdA/PTB)	–	2	12	15
	Фламандское сообщество	«Вперед» (Vooruit)	13	13	9	13
	Франкоговорящее сообщество	«Социалистическая партия» (Parti Socialiste, SP; Sozialistische Partei, SP)	26	23	20	16
	Немецкоговорящее сообщество					
«Зеленые»	Фламандское сообщество	«Зеленые» (Groen)	5	6	8	6
	Франкоговорящее сообщество	«Эколо» (Ecolo)	8	6	13	3
	Немецкоговорящее сообщество					
Правые регионалисты	Фламандское сообщество	«Новый фламандский альянс» (Nieuw-Vlaamse Alliantie, N-VA)	27	33***	25	24
		«Фламандский интерес» (Vlaams Belang, VB)	12	3	18	20
	Франкоговорящее сообщество	Демократическая независимая федералистская партия (Démoderate fédéraliste indépendante, DéFi)	-	2	2	1
Христианские демократы	Фламандское сообщество	«Христианские демократы и фламандцы» (Christen-Democratische Vlaams, CD&V)	17	18	12	11
	Франкоговорящее сообщество	«Верные» (Les Engagés)	9	9	5	14
Либералы	Фламандское сообщество	«Открытые фламандские либералы и демократы» (Open Vlaamse Liberalen en Democraten, OpenVLD)	13	14	12	7
	Франкоговорящее сообщество	«Реформаторское движение» (Mouvement réformateur, MR)	18	20	14	20

* жирным выделены показатели партий, входивших в коалицию.
** даны названия партий, актуальные на 2025 г.
*** N-VA входила в коалицию в рамках первого правительства Шарля Мишеля (2014–2018).

Составлено автором по: Verkiezingsuitslagen. – Нид. яз. – URL: <https://electionresults.belgium.be/nl> (дата обращения: 10.11.2025).

после социально-политических пертурбаций 1960-х годов, что позднее вылилось в ликвидацию и образование на ее осколках партии «Христианско-демократический призыв» (CDA, вместе с осколками протестантской Антиреволюционной партии).

В результате отказа от «больших» идеологических опор в системе возникла довольно высокая степень дифференциации и волатильности. Отныне политическая динамика определяется сравнительно небольшими политическими силами, которые при этом пред-

Таблица 3. Состав Палаты депутатов в Люксембурге*

Table 3. Composition of the Chamber of Deputies of Luxembourg

1999	2004	2009	2013	2018	2023
CSV** (19)***	CSV (24)	CSV (26)	CSV (23)	CSV (21)	CSV (21)
DP (15)	LSAP (14)	LSAP (13)	LSAP (13)	DP (12)	DP (14)
LSAP (13)	DP (10)	DP (9)	DP (13)	LSAP (10)	LSAP (11)
DEI GRÉNG (5)	DEI GRÉNG (7)	DEI GRÉNG (7)	DEI GRÉNG (6)	DEI GRÉNG (9)	ADR (5)
ADR (7)	ADR (5)	ADR (4)	ADR (3)	ADR (4)	DEI GRÉNG (4)
DÉI LÉNK (1)		DÉI LÉNK (1)	DÉI LÉNK (2)	DÉI LÉNK (2)	PIRATEN (3)

* жирным выделены партии, вступившие в коалицию.

** CSV – Христианско-социалистическая партия, LSAP – Люксембургская социалистическая рабочая партия, DP – Демократическая партия, DEI GRÉNG – «Зеленые», ADR – Альтернативная демократическая партия реформ, DÉI LÉNK – Левая партия, PIRATEN – Пиратская партия.

*** в скобках указано количество мест в парламенте.

Составлено автором по: IPU Parline: global data on national parliaments. – URL: <https://data.ipu.org> (дата обращения: 10.11.2025); Site officiel des élections au Grand-Duché de Luxembourg. – Франц. яз. – URL: <https://elections.public.lu> (дата обращения: 10.11.2025).

ставлены в большом количестве. Кроме того, появляются совсем новые игроки и «партии одного вопроса». В Бельгии же подобная ситуация усугубляется еще и тенденцией к постоянной «ползучей» федерализации страны [La Sota, Gethin, Martínez-Toledano, 2021]. В итоге в такой системе довольно несложно представить себе появление кризисов и противоречий между подобного рода политическими силами [Stability..., 2024, p. 11].

В то же время, как показывают данные таблицы 2, по результатам голосования на федеральных выборах основное ядро состава Палаты представителей за последнее время изменилось незначительно. Среди наиболее ярких изменений можно отметить рост электоральных успехов правопопулистской партии «Фламандский интерес» преимущественно за счет падения популярности фламандских либералов и центристов, а также увеличение популярности единственной общенациональной политической силы в стране – Партии труда.

Как и в Бельгии, голосование на выборах в Люксембурге является обязательным для многих категорий насе-

ления (в результате явка обычно превышает 80%). Сравнительно небольшой размер страны обеспечивает меньший уровень дистанции между властью и обществом за счет гораздо меньшего, чем в более крупных странах, соотношения между избирателями и избираемыми (в Люксембурге на одного члена Палаты депутатов приходится порядка 5 тыс. избирателей, в то время как в крупных европейских странах это соотношение превышает 100 тыс.). Кроме того, для Люксембурга до последнего времени было характерно сохранение весьма устойчивой динамики голосования и формирования Палаты депутатов и Кабинета министров (таблица 3). Так, за последнее время к числу парламентских партий прибавилась только одна («Пиратская»), а отклонение от коалиций с обязательным участием Христианско-социалистической партии (CSV), имевшее место во времена правительств Ксавье Беттеля (2018–2023), закончилось после выборов 2023 г. По сути, формирование нового правительства из CSV и демократов в каком-то смысле вернуло политическую систему

Таблица 4. Некоторые вопросы, которые могут определить политические предпочтения избирателей в Нидерландах в соответствии с данными службы *StemWijzer* (2025), а также во Фландрии в соответствии с данными *De Morgen* (2024)

Table 4. Selected questions that can determine voters’ political preferences in the Netherlands, based on data from *StemWijzer* (2025), and in Flanders, based on data from *De Morgen* (2024)

Нидерланды	Бельгия (Фландрия)
Ипотечный налоговый вычет нужно устранить	Финляндия и Швеция имеют право вступить в НАТО
Полиция должна отслеживать участников протестов, не разрешенных бургомистром	Трансгендеры могут менять пол и соответствующее местоимение более одного раза
Муниципалитеты должны самостоятельно определять, предоставлять ли приоритетное право на съем социального жилья лицами, ищущими убежище	НДС на энергию должен быть permanently снижен с 21 до 6%
Правительство должно установить ограничение на пользование соцсетями с 15 лет (сейчас с 13 лет)	Политическая реклама в социальных сетях должна контролироваться более активно
Правительство должно лучше контролировать, чему детей обучают в церквях, мечетях и т. д.	Необходимо более строго ограничивать рекламу азартных игр
Нидерланды должны признать Палестинское государство	Лица с заработной платой менее 3100 евро должны получать финансовую поддержку от правительства (Фландрия)
Правительство должно давать больше денег на науку	Фландрия должна осудить закон Венгрии о запрете пропаганды однополых браков
Необходимо сделать наказуемым нелегальное пребывание в Нидерландах	Необходимо ограничить покупку новых автомобилей с двигателями внутреннего сгорания
Душевные (психические) страдания не должны быть причиной эвтаназии	Мигранты должны платить 360 евро за курсы интеграции, а также 90 евро за повторную сдачу экзамена
Нидерланды должны законодательно закрепить обязательство тратить 3,5% ВВП на оборону	В период энергетического кризиса правительство должно помочь семьям наладить функционирование энергетической инфраструктуры

Источники: StemWijzer 2025. – Нид. яз. – URL: <https://tweedekamer2025.stemwijzer.nl> (дата обращения: 10.11.2025); De Morgen. – Нид. яз. – URL: <https://www.demorgen.be/specials/stemchecker/?referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F> (дата обращения: 10.11.2025).

к положению конца 1990-х годов. Но даже несмотря на указанное отклонение, для Люксембурга всё-таки характерно некоторое стремление к формированию «больших коалиций» (если так можно сказать про Люксембург). Любопытно, что теоретики неоднократно обращали внимание, что в странах Бенилюкса (за исключением, пожалуй, Люксембурга) в результате характера сложившихся партийно-политических систем довольно высока вероятность появления искажений в демократическом процессе. К тра-

диционным элементам «нарушения» устоявшихся демократических процедур можно отнести, например, широко известный парадокс Кондорсе [Van Deemen, Vergunst, 1998].
Еще одно значимое следствие отказа от «больших» идеологических платформ – структурирование политической дискуссии вокруг сравнительно узких, но при этом острых политических вопросов. В качестве примера можно привести несколько таких вопросов из системы *StemWijzer*, которая помогает неопределившимся избирателям

осуществить свой политический выбор (таблица 4).

Тем не менее, несмотря на все указанные сложности и противоречия, а также на всю подвижность и фрагментированность сложившихся партийно-политических систем в странах Бенилюкса, их главные характеристики традиционно заключались в довольно серьезной устойчивости институциональной конструкции и высоком уровне когерентности политического процесса.

**Симптомы кризиса
в электоральных системах
стран Бенилюкса**

Нами уже предпринималась попытка описать общие симптомы того политического кризиса, с которым сталкиваются современные партийно-политические системы стран Евро-

пейского союза [Сергеев, Киселева, Воротников, 2024]. К ним можно отнести некоторое снижение уровня удовлетворения демократией в странах-членах (рисунок 2), падение доверия к политическим системам, определенную фрустрацию электората, выражающуюся в росте поддержки условно правопопулистских сил (которые как раз предлагают антиистеблишментарную повестку дня), довольно явные несоответствия между реальными чаяниями электората и идеологическими платформами партий и ряд других.

Значительная часть этих симптомов, как представляется, имеет политэкономическую природу. Во-первых, налицо противоречия между спросом и предложением на своеобразном политическом рынке. Спрос электората на определенную политику и действия со стороны правительства, с одной

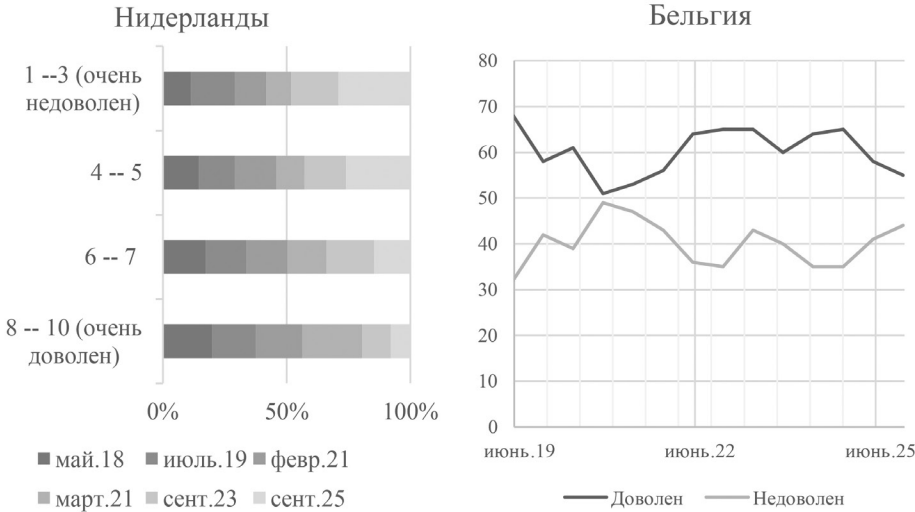

Рисунок 2. Уровень удовлетворения демократией в Нидерландах и Бельгии, %

Figure 2. Level of satisfaction with democracy in the Netherlands and Belgium, %

Составлено автором по: Democratie, polarisatie & het politieke klimaat. Opinieonderzoek van Ipsos I&O i.o.v. NRC. – 2025. – Октябрь. – P. 8. – Нид. яз. – URL: <https://206.wpcdnnode.com/ipsos-publiek.nl/wp-content/uploads/2025/10/rapport-opinieonderzoek-nrc-okt-25.pdf> (дата обращения: 10.11.2025); Eurobarometer. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/screen/home> (дата обращения: 10.11.2025).

стороны, дезориентирован и подвержен серьезным колебаниям, с другой – не всегда встречает достойное предложение со стороны политических партий, а также не всегда может быть приведен в исполнение в рамках существующего партийно-политического консенсуса. Предложение, в свою очередь, оказывается либо весьма серьезно размыто (в силу выхолащивания классических политических идеологий и стремления партий отражать взгляды медианного избирателя), либо, наоборот, сосредоточено вокруг достаточно узких вопросов. Во-вторых, налицо также серьезные изменения в том, на основе каких факторов избиратели осуществляют свой политический выбор. В современных условиях, когда рациональность политического выбора серьезно ограничена объемами информации, которая, к тому же серьезно искажается тем, что существующие партии традиционно не максимизируют свои заявленные позиции, которые ожидал от них избиратель [Multiparty..., 1997], значимыми факторами при голосовании становятся квазирациональные представления о том, к какой идеологической платформе (в рамках системы координат «левый – правый») принадлежит та или иная политическая сила. Наконец, в-третьих, в избирательных системах рассматриваемых стран происходит довольно вялотекущая поляризация, которая, видимо, отражает специфику новых разделительных линий в обществе, которые появились в результате неравномерного участия в процессах глобализации [Сергеев, Киселева, Воротников, 2024].

Представляется, что в странах Бенилюкса эти симптомы весьма заметны (возможно, они появились даже раньше, чем в других странах ЕС), однако пока нельзя говорить о том, что они реально влияют на общую устойчивость

избирательной и политической систем.

Сразу стоит оговориться, что наиболее яркие проявления кризиса, как кажется, наблюдаются в Нидерландах. Несмотря на то, что для современной истории этой страны в целом не нова ситуация, при которой назначаются досрочные выборы, вплоть до начала 2020-х годов они необязательно приводили, например, к смене премьер-министра (скажем, смена Кабинета министров Балкененде I и Балкененде II или Рютте I и Рютте II), а только к перетасовке в составе коалиции. После досрочных выборов 2023 г., по сути, был назначен «технический» премьер-министр Дик Схоф, не представляющий ни одну из партий, участвовавших в формировании правительства, и уже в 2025 г. этот кабинет вынужден был уйти в отставку. При этом в качестве основной причины досрочных выборов 2023 г. выступил миграционный кризис, а в 2025 г. такими причинами стали дискуссии вокруг ужесточения миграционной политики, а также ситуация вокруг Газы.

При этом, если обратиться к электоральным данным 2020-х годов, избиратели на выборах разных уровней демонстрировали крайне разнообразные предпочтения. В зависимости от периода и доминировавшего тогда в новостной повестке дня вопроса условно победившей оказывалась как раз партия, выступающая как олицетворение борьбы с этим кризисом. На национальных выборах 2021 г. почти во всех избирательных округах победу одержала возглавлявшая правящую коалицию Народная партия за свободу и демократию (VVD), однако уже весной 2023 г. на волне протестов нидерландских фермеров на выборах в Провинциальные штаты победу почти во всех округах одерживает партия «Фермерское гражданское движение» (BBB). В том же году на досрочных выборах в нижнюю палату парламента почти

во всех округах первой приходит условно правопопулистская Партия свободы (PVV), выступавшая с антииммигрантских и антиистеблишментарных позиций, хотя еще летом победу прочили партии «Новый социальный контракт» (NSC), ратовавшей за реформирование системы социального обеспечения в стране в целях ее сохранения.

При этом как BBB, так и NSC резко потеряли популярность сразу же после проведения соответствующих выборов, к которым они подходили в качестве определенных лидеров. В результате, согласно опросам общественного мнения, перед досрочными выборами 2025 г. обе партии получили менее 3% потенциальных голосов каждая.

Перед выборами 2025 г. популярность набирали две партии: CDA и JA21. И если первая представляет собой давно известную политическую силу (в частности, ее представлял премьер-министр Ян Балкененде (2002–2010)), то вторая существует лишь с 2020 г. Число ее членов (порядка 5 тыс. чел.) в 6 раз уступало CDA (чуть более 30 тыс. чел.) или Партии труда/«Зеленые левые» (приблизительно по 30 тыс. чел. в каждой)⁴. В лидерах же, по опросам общественного мнения, оставалась Партия свободы. По результатам выборов 2025 г. 1-е место сенсационно заняла партия «Демократы 66», 2-е место получила Партия свободы, а 3-е – Народная партия за свободу и демократию. То есть в лидерах голосования оказались 2 партии с противоположных концов идеологического спектра (D66 слева и PVV справа), а также условные центристы (VVD). При этом наиболее любопытным кажется тот факт, что,

по некоторым оценкам, до трети избирателей не определились со своим выбором накануне голосования⁵.

На самом деле рост волатильности избирательных предпочтений в Нидерландах наметился уже достаточно давно, однако наиболее заметен стал в результате выборов 2023 г. Тогда порядка 40% кресел в нижней палате парламента отошли партиям, отличным от той, которая их занимала по итогам выборов 2021 г. [De verkiezingen..., 2024]. В случае с Нидерландами и Бельгией подобный рост волатильности, как правило, свидетельствует о «кризисных» периодах в политической системе. Так, в Нидерландах в период активной стадии слома «системы опор» мобильность электората между политическими партиями также увеличилась, хотя не столь резко. В Бельгии мобильность также повышается, когда система сталкивается с достаточно серьезными проблемами [Rihoux, 1996].

Формирование Кабинета министров после федеральных выборов в Палату представителей в июне 2024 г. затянулось до начала 2025 г. В результате правительство впервые возглавил представитель условно правой партии «Новый фламандский альянс» (N-VA) Барт де Вевер. Любопытен состав коалиции, который с «фламандской» стороны включает представителей как левых (Vooruit), так и христианских демократов (CD&V), а также правопопулистский N-VA. Франкоговорящее сообщество представлено в коалиции христианскими демократами и либералами, социалисты же, наоборот, не вошли в состав Кабинета министров.

4 Ledentallen Nederlandse politieke partijen per 1 januari 2023 // Universiteit Groningen. – 2025. – 22 september. – Нид. яз. – URL: <https://www.rug.nl/research/dnpp/uitgelicht/ledentallen/ledentallen-2023> (дата обращения: 10.11.2025).

5 3 op 10 kiezers weten niet wat ze moeten stemmen, vaak omdat ze weinig vertrouwen hebben in politiek // Een Vandaag. – 2025. – 2 september. – Нид. яз. – URL: <https://eenvandaag.avrotros.nl/opiniepanel/uitslagen/3-op-10-kiezers-weten-niet-wat-ze-moeten-stemmen-vaak-omdat-ze-weinig-vertrouwen-hebben-in-politiek-161222> (дата обращения: 10.11.2025).

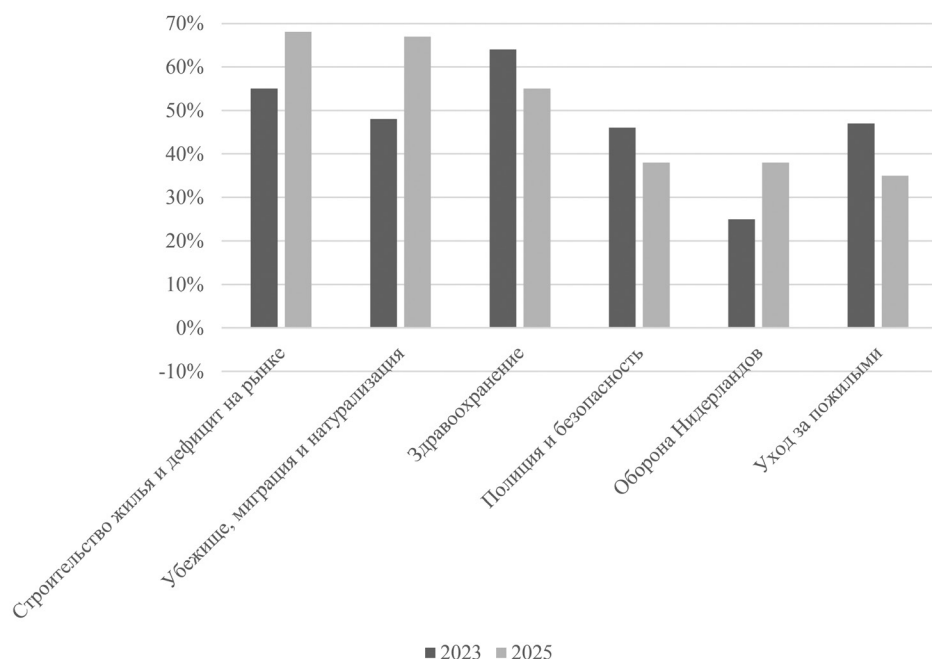

Рисунок 3. Основные проблемы, волновавшие электорат перед выборами, Нидерланды

Figure 3. Key issues of concern to the electorate prior to the elections, Netherlands

Построено по данным опроса *Hart van Nederland*. – Нид. яз. – URL: <https://www.hartvannederland.nl/het-beste-van-hart/panel/artikelen/verkiezingen-2025-themas-wonen-woningcrisis-asiel-migratie-zorg> (дата обращения: 10.11.2025).

Другой традиционный симптом кризиса в электоральном поведении – частая смена вопросов, наиболее остро волнующих избирателей (рисунок 3). Как представляется, с подобной сменой вопросов связана и частая смена лидирующих политических сил, с которыми отождествляют ту или иную проблему. Так, кампания 2023 г. в Нидерландах проходила под лозунгами сохранения существующего образа жизни и социальной системы (нид. *bestaanszekerheid*), решения проблем здравоохранения [Tordoir, 2023]. В результате в опросах долгое время лидировала партия «Новый социальный контракт» (NSC), которая была создана за полгода до выборов именно на основе «антикризисной» идеологической платформы. В 2023 г.

проблемы здравоохранения и сохранения работающей системы социального страхования были одними из самых важных для электората. В 2025 г. на 1-е место вышел кризис на рынке недвижимости и крайне неблагоприятная (и весьма неравномерная) ситуация со стоимостью жилья и динамикой арендной платы.

При этом сами политические силы активно используют факт того, что избирательный процесс структурируется вокруг определенной группы вопросов. Так, политические силы сознательно ассоциируют свою программу с группой проблемных вопросов, за которые они «ответственны» (таблица 5). Стоит отметить, что на выборах 2023 г. партия, которая «специализировалась»

Таблица 5. Вопросы «в собственности» отдельных партий в Нидерландах (выборы 2023 г.)

Table 5. Issues “owned” by specific parties in the Netherlands (2023 elections)

Сельское хозяйство	Экономика	Климат	Иммиграция	Безопасность	Образование
BBB	VVD	GL/PvDA	PVV	PVV	D66
CDA	D66	Partij voor de Dieren	VVD	VVD	GL/PvdA
Partij voor de Dieren*	CDA	D66	Forum voor Democratie	CDA	VVD

* Partij voor de Dieren – Партия за права животных.
Составлено по: [De verkiezingen..., 2024, p. 160].

на наиболее широком круге вопросов, то есть VVD (что логично с учетом того, что это была условно «правящая» партия), потеряла на выборах больше всего голосов в относительном выражении.

Надо отметить, что избиратели порядком устали от подобных изменений и неспособности политиков договориться друг с другом. По опросам⁶, наибольшее доверие в 2025 г. в Нидерландах вызывала Анри Бонтенбал, лидер партии «Христианско-демократический призыв», а основной мотив для роста этого доверия – готовность сотрудничать с другими партиями. Однако, согласно предварительным данным, партия вряд ли могла рассчитывать на увеличение своего предыдущего электорального результата (16% голосов).

Третий симптом, который в последнее время характерен для страны, – пусть пока и незначительный, но рост неконвенциональных форм политического участия подданных. Речь идет прежде всего об участившихся случаях публичных демонстраций и акций неповиновения (включая деятельность в Интернете). Не зря соответствующий

вопрос впервые попал в список тех, которые могут определить принадлежность избирателя к соответствующей партии. Наиболее явно эти процессы предсказуемо идут в среде молодежи (рисунок 4). Среди всех возрастных групп именно лица в возрасте 18–25 лет наиболее интенсивно призывают в Интернете к общественному неповиновению⁷, а также участвуют в демонстрациях и протестных акциях. Можно сделать осторожное предположение, что значимой причиной некоторой активизации неконвенциональных форм политического участия в стране является, в частности, общая неудовлетворенность политическими процессами и уровнем политической репрезентации интересов подданных.

В качестве возможной причины роста неудовлетворенности (которая, например, в период коронакризиса приводила к серьезным протестам и демонстрациям) можно было бы считать постепенную деградацию и фактический слом так называемой польдерной модели в Нидерландах. Под ней понимается устоявшаяся в обществе система отношений между работниками,

6 IPSOS. – Нид. яз. – <https://206.wpcdnnode.com/ipsos-publiek.nl/wp-content/uploads/2025/10/rapport-opinieonderzoek-nrc-okt-25.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

7 Online Veiligheid en Criminaliteit 2022 // CBS. – 2023. – 5 november. – Нид. яз. – URL: <https://www.cbs.nl/nl-nl/longread/rapportages/2023/online-veiligheid-en-criminaliteit-2022/9-online-oproepen-tot-openbare-ordeverstoren> (дата обращения: 10.11.2025).

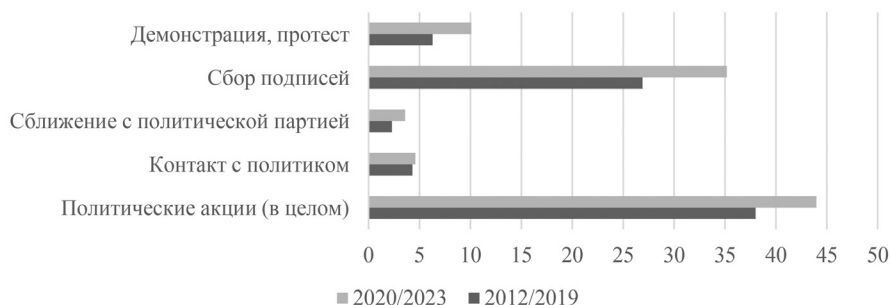

Рисунок 4. Политическая активность молодежи (18–25 лет) в Нидерландах, %

Figure 4. Political activity of young people (aged 18–25) in the Netherlands, %

Составлено автором по Centraal bureau voor statistiek. – Нид. яз. – URL: <https://www.cbs.nl/nl-nl/nieuws/2024/45/jongvolwassenen-doen-vaker-mee-aan-politieke-acties-dan-voorheen> (дата обращения: 10.11.2025).

работодателями и государством (фактически нидерландский вариант системы коллективных договоров), которая в последнее время претерпела серьезные изменения, выражавшиеся в росте временной занятости и существенном падении членства в профсоюзах. Факторы, которые способствуют этим процессам, также включают рост неравенства, финансиализацию экономики, особенности структуры нидерландского рынка труда, а также растущую фрагментацию партийно-политической системы [Afonso, 2017].

В Бельгии политический активизм также принял довольно острые формы. Так, в феврале 2025 г. в Брюсселе проходил 100-тысячный митинг против сокращения расходов на социальную политику, а в октябре и ноябре того же года были организованы массовые забастовки⁸.

Четвертый, весьма значимый, симптом кризиса также имеет политико-экономическую природу. Его можно

описать как рост значимости влияния экономических вопросов (и состояния экономики, как и ожиданий от нее) на политические процессы. Экономика стала значимым фактором роста правопопулистских настроений [Правый популизм..., 2020], она же является весьма серьезным драйвером общего роста недовольства уровнем демократии в рассматриваемых странах. В Нидерландах общественные ожидания от экономического развития весьма неутешительные. Опросы показывают, что весной 2025 г. порядка 49% респондентов ожидали ухудшения состояния экономики, что выше показателей опросов, проведенных перед выборами 2023 г. (42%), но ниже значений октября 2022 г. (62%)⁹. Исследования электората в Бельгии также показывают растущую значимость социально-экономических факторов в поляризации политических предпочтений избирателей. Механизм подобной динамики достаточно прост: общий рост неопределенности рождает

8 Киселева И.В. 2025 год в Бельгии и Нидерландах: очередной этап структурного кризиса. – МГИМО-Университет. – 2025. – 11 января. – URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/belgium-netherlands-2025/> (дата обращения: 10.11.2025).

9 Stand van de Nederlandse Economie // IPSOS. – Нид. яз. – URL: <https://www.ipsos-publiek.nl/trend/stand-van-de-nederlandse-economie/> (дата обращения: 10.11.2025).

страх потерять свое текущее социально-экономическое положение, которое отражается на политическом выборе [Al Youssef, Heyndels, 2024].

Пятый симптом тесно связан с предыдущим, поскольку демонстрирует растущую поляризацию в обществе. Она выражается не только в том, что партии «слева» испытывают неприязнь по отношению к партиям «справа»¹⁰, но и в том, что общество, во-первых, медленно сегментируется (сточкизрения уровня образования, пола, происхождения) по принципу голосования за определенные силы, а во-вторых – формирует устойчивые негативные или позитивные ассоциации по отношению к определенным политическим силам (своеобразные когнитивные упрощения, помогающие делать выбор в условиях увеличивающихся альтернатив).

Так, основным «поляризующим» фактором в электоральном поведении становится образование¹¹. В Нидерландах постепенно формируется положение, при котором более образованный электорат скорее склонен голосовать за левые и особенно левопрогрессивные партии (скажем, *D66*, *GL/Groen-Links*). При этом в структуре электората условно правопопулистских партий (*PVV* и *Forum voor Democratie*) наименьшая доля избирателей с высшим образованием (чуть более 20% против 40% в среднем по стране).

В Бельгии отмечается приблизительно схожая ситуация с голосованием и уровнем образования, но со своей спецификой. Так, на выборах 2019 г.

во Фландрии голосование за партии «Зеленые» и «Открытые фламандские либералы и демократы» в значительной степени ассоциировалось с более высоким уровнем образования. При голосовании за партию «Фламандский интерес», которую условно можно считать правопопулистской, наибольшие коэффициенты корреляции наблюдались для низкого и среднего уровня образования, а начиная с уровня бакалавра коэффициенты приобретали отрицательный характер (то есть избиратели с университетским образованием с меньшей вероятностью голосуют за эту политическую силу). При этом более системная, но также считающаяся правопопулистской партия «Новый фламандский альянс» показывала ровно противоположные результаты¹².

К другим разделительным линиям также относятся доход и религиозная принадлежность. В последнем случае в Нидерландах еще до выборов 2023 г., когда Партия труда шла в блоке с партией «Зеленые левые», наблюдался весьма интересный феномен: Партия труда получала практически половину голосов всех мусульман страны. В Бельгии продолжается наметившаяся некоторое время назад тенденция к дальнейшей ориентации на правые течения Фландрии за счет роста популярности партий «Новый Фламандский альянс» и «Фламандский интерес» и, наоборот, к дальнейшей ориентации на левых Валлонии и Брюссельского столичного региона [La Sota, Gethin, Martinez-Toledano, 2021].

В Люксембурге, как отмечают некоторые наблюдатели, также можно

10 Democratie, polarisatie & het politieke klimaat. Opinieonderzoek van Ipsos I&O i.o.v. NRC. – 2025. – Oktober. – Нид. яз. – URL: <https://www.ipsos-publiek.nl/wp-content/uploads/2025/10/rapport-opinieonderzoek-nrc-okt-25.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

11 Bovens M. Opleiding als nieuwe verzuiling. En wat dit betekent voor de universiteit // Universiteit Utrecht. – 2024. – 29 november. – URL: <https://www.uu.nl/sites/default/files/Afscheidsrede%20Mark%20Bovens%2C%2029%20nov%202024.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

12 BuG 545. Bericht uit het Gewisse. – 2024. – 1 mei. – Нид. яз. – URL: <https://www.npdata.be/BuG/545-Opleiding/> (дата обращения: 10.11.2025).

отметить ряд особенностей в изменении электорального поведения. Так, в стране всё же несколько сокращается общий уровень доверия демократическим процедурам¹³, при этом наиболее критично настроенной группой по отношению к правительству CSV-DP оказались лица в возрасте 25–34 лет¹⁴. Эта ситуация отличается от ситуации, возникшей в ходе национальных выборов 2018 г. и выборов в Европарламент в 2019 г., когда значительная часть избирателей Демократической партии поддерживала правящую коалицию. К другим изменениям в электоральном поведении также относятся рост спонтанности при голосовании¹⁵, а также постепенную утрату интереса к преференциальному голосованию в пользу пропорционального голосования за конкретные партийные списки, а не за конкретных персоналий¹⁶. Вероятно, указанные тенденции в той или иной мере подтверждают часть выводов, сделанных для электоральных процессов в Бельгии и Нидерландах.

Стоит отметить, что в настоящей статье сознательно опускается фактор «правого поворота» (в его конвенциональном виде понимаемый как рост популярности правопопулистских партий) в качестве симптома политического кризиса в Нидерландах и Бельгии, поскольку, во-первых, данный феномен в таком ключе уже рассматривался [Жидкова, Хорошева, 2025; Сергеев, Киселева, Воротников, 2024], а во-вто-

рых, этот поворот видится именно следствием описанных политэкономических трансформаций. Единственная особенность, которая, пожалуй, стоит определенного внимания, – это формирование в последнее время довольно плотного костяка сторонников правопопулистских партий.

Так, эксперимент IPSOS¹⁷, в ходе которого избирателям демонстрировали утверждения о лозунгах партий с сообщением и без сообщения о том, что за политическая сила их предлагает, показал, что условно правый электорат склонен соглашаться с утверждением о том, что «в Нидерланды надо пускать меньше студентов», независимо от того, знает ли он о том, предложила ли этот лозунг Партия свободы или какая-то другая. Напротив, сторонников утверждений Партии труда/«Зеленых левых» становится гораздо меньше, когда респонденты узнают, что именно эта партия их предложила. Можно предположить, что подобная динамика свидетельствует как раз об указанной ранее квазирациональной природе политического выбора, когда электорат воспринимает политические сигналы от политических сил в значительной степени через свое собственное представление об этой партии. Одновременно результаты эксперимента могут свидетельствовать и о растущей поляризации, когда только одно наименование политической силы «из противоположного угла» настраивает против ее предложения.

13 Démocratie au Luxembourg; la confiance s'érode // Le Quotidien. – 2025. – 26 février. – Франц. яз. – URL: <https://lequotidien.lu/a-la-une/democratie-au-luxembourg-la-confiance-serode/> (дата обращения: 10.11.2025).

14 Les 25–34 ans les plus critiques envers le gouvernement // Paperjam. – 2025. – 25 février. – Франц. яз. – URL: <https://paperjam.lu/article/un-tiers-de-lelectorat-ne-fait-pas-confiance-au-gouvernement> (дата обращения: 10.11.2025).

15 New Study Reveals Shift in Luxembourgish Voting Behaviour // Uni.lu. – 2020. – February 19. – URL: <https://www.uni.lu/fhse-en/news/polindex-study-and-luxembourg-voting-behaviour/> (дата обращения: 10.11.2025).

16 Luxembourg voters increasingly opting for party lists // RTL0Today. – 2023. – September 5. – URL: <https://today.rtl.lu/news/luxembourg/a/2110728.html> (дата обращения: 10.11.2025).

17 Waarom sommige kiezers standpunten afwijzen als ze niet bij de juiste partij vandaan komen (en wat dat betekent voor onze democratie) // IPSOS. – 2025. – 14 februari. – Нид. яз. – URL: <https://www.ipsos.com/nl-nl/politiek-met-sjoerd-retour-afzender> (дата обращения: 10.11.2025).

Даже в относительно стабильном Люксембурге можно отметить тенденцию к росту условно правопопулистских партий. Традиционно эту нишу здесь занимает *ADR* (Альтернативная демократическая партия реформ), хотя у исследователей до сих пор есть сомнения, соответствует ли партия гордому званию правопопулистской [Carls, 2024]. В ходе предвыборных кампаний партия демонстрировала ряд свойственных правым популистам устойчивых утверждений, касающихся, например, «зеленой повестки» ЕС. Были и позиции более узкого плана относительно, скажем, деструктивности гендерной идеологии. Во многом за счет очень своеобразной смеси идеологических постулатов за последнее время электоральная поддержка *ADR* несколько выросла: на национальных выборах в 2023 г. партия получила чуть более 9% голосов, а на выборах в Европарламент в 2024 г. – чуть более 11%. Однако на политической системе в целом (с учетом практической невозможности войти в правительство, а также весьма специфической политической позиции) этот рост едва ли отразится.

Факторы устойчивости электоральных систем стран Бенилюкса

Представляется, что рассмотренные симптомы политического кризиса, а также значимые изменения в электоральном поведении являются весьма серьезными факторами, которые потенциально могут иметь негативные эффекты в политической системе. Вместе с тем в настоящий момент такие эффекты не носят системного характера и вряд ли угрожают общей устойчивости институциональной архитектуры. Об этом свидетельствуют всё еще достаточно высокие показате-

ли общественного доверия ключевому политическому институту – парламенту (рисунок 5). Даже в условиях некоторого падения доверия к отдельным политикам или политическим партиям (которое не слишком велико по историческим меркам) сохраняется высокий уровень доверия самому институту выборов. Так, в Нидерландах более 70% респондентов считали, что выборы прошли «очень честно» в 2023 г. в сравнении с 60% в 2021 г. [De verkiezingen..., 2024, p. 40].

В качестве основных факторов устойчивости рассматриваемых систем, помимо длительных традиций существования консociативной демократии (что весьма важно), стоит рассматривать характер институционального оформления электоральных процессов и особенности политической системы. Так, в качестве ключевой причины политической стабильности в Нидерландах можно рассматривать фактическое формирование своеобразного «общества массового политического потребления», в рамках которого на взыскательный вкус избирателя предлагается весьма разнообразное меню политических сил, каждая из которых старается специализироваться на определенных вопросах, демонстрируя свой бренд. В случае, когда избиратель разочаровывается в выбранной партии, на ее место одновременно со сменой ключевого вопроса в повестке дня появляется другая политическая сила. И если в 2000-е годы подобная смена в основном обеспечивалась традиционными мейнстримными партиями, то в современных условиях она формируется, скорее, за счет новичков и партий одного вопроса. При этом одновременно на стороне правых популистов формируется достаточно стабильное ядро, стремящееся играть более системную роль в политическом процессе.

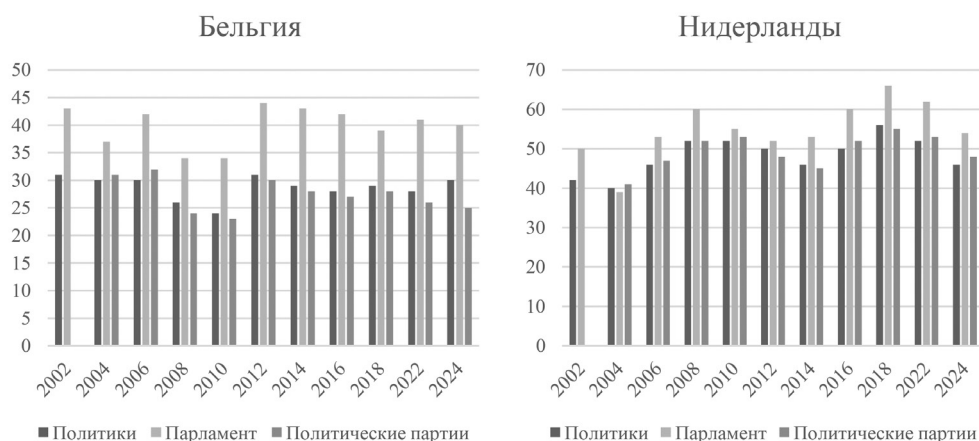

Рисунок 5. Доверие общественным институтам, %

Figure 5. Trust in public institutions, %

Источник: Centraal Bureau van Statistiek. – Нид. яз. – URL: <https://opendata.cbs.nl/#/CBS/nl/dataset/80518ned/table?dl=1EB57> (дата обращения: 10.11.2025).

В Бельгии стабильность в большей степени обеспечивается институционализацией разделенности между регионами и культурными сообществами, а также весьма грамотной стратегией по купированию несистемной угрозы со стороны правых популистов (речь идет о конкуренции на этом фланге между более системной партией «Новый фламандский альянс» и менее системной «Фламандский интерес»). В Люксембурге стабильность также пока в полной мере обеспечена характеристиками институциональной структуры.

Таким образом, выявленные дисбалансы наглядно показывают, что в электоральных системах стран Бенилюкса действительно накопились серьезные проблемы. Вероятно, последние демонстрируют, что существуют серьезные противоречия между системой политического представительства, заложенной в XX в., и характеристиками современного общества. В то же время встроенные в эти системы стабилизаторы в случае стран Бенилюкса пока позволяют относительно безболезненно купировать подобные вызовы.

Список литературы

Груздева Я.С. Трансформация политического ландшафта стран Бенилюкса // РСМД. – 2025. – 18 марта. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/transformatiya-politicheskogo-landshafta-stran-benilyuksa/> (дата обращения: 19.10.2025).

Гуселетов Б.П. Итоги парламентских выборов в Люксембурге: консерваторы обходят социалистов и либералов // PolitBook. – 2024. – № 4. – С. 119–132. – DOI: 10.24412/2227-1538-2024-4-119-132.

Жидкова А.В., Хорошева А.О. Политическая ситуация в Бельгии и Франции: тенденции и ограничения правопопулистского поворота // Современная Европа. – 2025. – № 2. – С. 53–64. – DOI: 10.31857/S0201708325020056.

Коргунюк Ю.Г. Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 95–112. – DOI: 10.17976/jpps/2019.06.08.

Лейпхарт А. Демократия в много-составных обществах. Сравнительное исследование. – Москва : Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

Мелешкина Е.Ю. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения // Политическая наука. – 2001. – № 2. – С. 187–212.

Осколков П.В. Правый популизм в странах Бенилюкс в сравнительной перспективе // Современная Европа. – 2017. – № 5. – С. 54–62.

Осколков П.В., Сергеев Е.А. Нидерландская партийная система: между системой опор и европейской интеграцией // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 6. – С. 155–168. – DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-155-168.

Посаженникова А.А. Роль Марка Рютте во фрагментированной партийно-политической системе Нидерландов // Анализ и прогноз. – 2025. – № 1. – С. 46–60. – DOI: 10.20542/afj-2025-1-46-60.

Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности : монография / Н.К. Капитонова [и др.]; под ред. Л.С. Окуневой, А.И. Тэвдой-Бурмули. – Москва : МГИМО-Университет, 2020. – 404 с.

Сергеев Е.А. Сепаратизм в Бельгии: основные факторы трансформации валлоно-фламандских противоречий // Сравнительная политика. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 9–38. – DOI: 10.46272/2221-3279-2023-4-14-9-38.

Сергеев Е.А., Киселева И.В., Вороников В.В. «Человек потерянный»: почему ЕС голосует за «правых»? – Москва : МГИМО, 2024. – 42 с.

Afonso A. Challenges for the Dutch polder model: Performance, populism and political economy // Beleid en Maatschappij. – 2017. – Vol. 44, N 1. – P. 70–75.

Al Youssef A., Heyndels B. Socioeconomic anxieties and electoral polarization:

insights from Belgian federal elections at the municipal level // Acta Politica. – 2024. – Vol. 60, N 3. – P. 524–549. – DOI: 10.1057/s41269-024-00336-8.

Budge I. The internal analysis of election programmes // Ideology, Strategy and Party Change: Spatial Analyses of Post-War Election Programmes in 19 Democracies / Ed. by I. Budge, D. Robertson, D. Hearl. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – P. 15–38.

Carls P. Right-wing Populism in Luxembourg During the 2024 EP Election // 2024 EP Elections under the Shadow of Rising Populism / Ed. by G. Ivaldi, E. Zankina. – Luxembourg : European Center for Populism Studies (ECPS), 2024. – P. 273–286. – DOI: 10.55271/rp0078.

Dalton R. Party representation across multiple issue dimensions // Party Politics. – 2015. – Vol. 23, N 6. – P. 1–14. – DOI: 10.1177/1354068815614515.

De verkiezingen van 2023. Van Onderstroom naar Doorbraak: Onvrede en Migratie / Ed. by Voogd R., Jacobs K., Lubbers M., Spierings N. – Amsterdam : SKON, 2024. – 187 p. – URL: <https://www.dpes.nl> (дата обращения: 19.10.2025).

Economic insecurity and the demand for populism in Europe / Guiso L., Herrera H., Morelli M., Sonno T. // Economica. – 2024. – P. 1–34. – DOI: 10.1111/ecca.12513.

Hellemans S. Pillarization ('Verzuiling'): On Organized 'Self-Contained Worlds' in the Modern World // The American Sociologist. – 2020. – Vol. 51, N 2. – P. 124–147. – DOI: 10.1007/s12108-020-09449-x.

Hooghe L., Marks G. Cleavage theory meets Europe's crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage // Journal of European Public Policy. – 2018. – Vol. 25, N 1. – P. 109–135. – DOI: 10.1080/13501763.2017.1310279.

Hooghe L., Marks G. How does the education cleavage stack up against the classic cleavages of the past? // West Euro-

pean Politics. – 2025. – Published online. – DOI: 10.1080/01402382.2025.2452789.

Hooghe M., Deschouwer K. Veto Players and Electoral Reform in Belgium // *West European Politics*. – 2011. – Vol. 34, N 3. – P. 626–643.

Hopkins J. *Anti-System Politics: The Crisis of Market Liberalism in Rich Democracies*. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – 352 p.

La Sota C.D. de, Gethin A., Martinez-Toledano C. Party System Transformation and the Structure of Political Cleavages in Austria, Belgium, the Netherlands and Switzerland, 1967–2019 // *World Inequality Lab Working Paper*. 2021. – N 2021/08. – 48 p. – URL: <https://shs.hal.science/halshs-03165720/document> (дата обращения: 10.11.2025).

Lipset S.-M., Rokkan S. *Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction* // *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective* / Ed. by S.-M. Lipset, S. Rokkan. – New York : Free Press, 1967. – P. 1–61. – DOI: 10.1007/978-3-531-90400-9_68.

Margalit Y., Solodoch O. Electoral responses to economic crises // *American Journal of Political Science*. – 2025. – Published online. – DOI: 10.1111/ajps.70008.

Maussen M. *Pillarization* // *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity, and Nationalism*. – Hoboken, New Jersey : John Wiley & Sons, 2015. – DOI: 10.1002/9781118663202.wberen564.

Multiparty electoral competition in the Netherlands and Germany: A model based on multinomial probit / Schofield N., Martin A.D., Quinn K.M., Whitford A.B. // *Empirical Studies in Comparative Politics* / Ed. by M.J. Hinich, M.C. Munger. – Boston, MA : Springer, 1998. – P. 475–490. – DOI: 10.1007/978-1-4757-5127-7_3.

Otjes S., de Lange S. The Ever-Changing and Ever-Stable Dutch Party System // *The Oxford Handbook of Dutch Politics* / Ed. by S. de Lange [et al.]. – Oxford : Oxford University Press, 2024. – DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198875499.013.26.

Rihoux B. Electoral Reform and electoral Behaviour in Belgium: Change within Continuity... or conversely // *Res Publica*. – 1996. – Vol. 38, N 2. – P. 255–278.

Rovny J. Where do radical right parties stand? Position blurring in multidimensional competition // *European Political Science Review*. – 2013. – Vol. 5, N 1. – P. 1–26. – DOI: 10.1017/S1755773911000282.

Stability and Change in Dutch Politics: Introduction to the handbook / de Lange S., Louwerse T., Hart P. 't, van Ham C.T. // *The Oxford Handbook of Dutch Politics* / ed. by S. de Lange, T. Louwerse, P. 't Hart. – Oxford University Press, 2024. – P. 1–21.

Tordoir S. Dutch Elections: the End of the EU's Pragmatic Dealmaker. – London : Center for European Reform, 2023. – URL: <https://www.cer.eu/in-the-press/dutch-elections-end-eus-pragmatic-dealmaker> (дата обращения: 19.10.2025).

Van Deemen A., Vergunst N. Empirical evidence of paradoxes of voting in Dutch elections // *Public Choice*. – 1998. – Vol. 97. – P. 475–490. – DOI: 10.1023/A:1005098111179.

Vermeulen G., De Bondt W. *Justice, Home Affairs and Security: European and International Institutional and Policy Development*. – 2nd revised edition. – Antwerp : Maklu, 2017. – 476 p.

Zollinger D., Attewell D. Updating Cleavage Theory for the Twenty-First Century // *West European Politics*. – 2025. – October. – P. 1–26. – DOI: 10.1080/01402382.2025.2560781.

From the Point of Economics

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.08

The Political Economy of the Transformation of Electoral Processes in Benelux Countries: A Crisis of Models?

Egor A. SERGEEV

PhD (Econ.), Associate Professor, Department of World Economy, Senior Research Fellow, Institute for International Studies

MGIMO – University

Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: sergeev.e.a@my.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-9964-9595

CITATION: Sergeev E.A. (2025). The Political Economy of the Transformation of Electoral Processes in Benelux Countries: A Crisis of Models? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 5, pp. 141–166 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.05.08

Received: 20.10.2025.

Revised: 10.12.2025.

ACKNOWLEDGMENTS. The article was prepared with the financial support of the Institute for International Studies “Parameters of destabilization in Europe: socio-economic, political and axiological aspects” (project No. 2025-04-07).

ABSTRACT. This article examines the political economy of transforming electoral processes in the Benelux countries (Belgium, the Netherlands, and Luxembourg) and identifies signs of a “model crisis” in party-political structures. The aim of the study is to assess the key features of the crisis and changes in the electoral systems of the Benelux countries and to characterize the factors that prevent their destabilization. The paper identifies several features that could be considered key characteristics of the electoral systems of these countries. These include traditions of consociational democracy, a relatively high level of political participation, fragmentation of the party landscape, etc. It can be said that within these

systems, symptoms of a rather serious crisis have emerged, including a gradual decline in satisfaction with democracy, a decline in trust in key institutions, the growing influence of right-wing populist forces, a rather serious and at the same time “new” polarization, and so on. Political-economic factors play a significant role in the formation of these symptoms: the growing influence of economic issues in the political process, the peculiarities of shaping rational political choice in new conditions, and imbalances between supply and demand in the political market. Despite these problems, the political systems of the Benelux countries have so far demonstrated a high degree of resilience. Key elements include the flexibility of politi-

cal culture and the de facto formation of a “mass political consumer society,” continued high trust in elections, the institutionalized segmentation of the Belgian system, and the ability of traditional mechanisms to contain new dividing lines. Thus, despite the growing crisis phenomena and “new fault cleavages” in the political systems of the Benelux, their resilience has not yet been significantly undermined.

KEYWORDS: Electoral processes, crisis, Belgium, the Netherlands, Luxembourg, elections, political parties, right-wing populism.

References

- Afonso A. (2017). Challenges for the Dutch polder model: Performance, populism and political economy. *Beleid en Maatschappij*. Vol. 44, no. 1, pp. 70–75.
- Al Yussef A., Heyndels B. (2024). Socioeconomic anxieties and electoral polarization: insights from Belgian federal elections at the municipal level. *Acta Politica*. Vol. 60, no. 3, pp. 524–549. DOI: 10.1057/s41269-024-00336-8.
- Budge I. (1987). The internal analysis of election programmes. In: Budge I., Robertson D., Hearl D. (eds.). *Ideology, Strategy and Party Change: Spatial Analyses of Post-War Election Programmes in 19 Democracies*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 15–38.
- Carls P. (2024). Right-wing Populism in Luxembourg During the 2024 EP Election. In: Ivaldi G., Zankina E. (eds.). *2024 EP Elections under the Shadow of Rising Populism*. Luxembourg: European Center for Populism Studies (ECPS), pp. 273–286. DOI: 10.55271/rp0078.
- Dalton R. (2015). Party representation across multiple issue dimensions. *Party Politics*. Vol. 23, no. 6, pp. 1–14. DOI: 10.1177/1354068815614515.
- De verkiezingen... (2024). Voogd R. et al. (eds.). *The 2023 Elections. From Undercurrent to Breakthrough: Discontent and Migration*. Amsterdam: SKON, 187 pp. (in Dutch). Available at: <https://www.dpes.nl>, accessed 19.10.2025.
- Economic... (2024). Guiso L. et al. Economic insecurity and the demand for populism in Europe. *Economica*. Pp. 1–34. DOI: 10.1111/ecca.12513.
- Gruzdeva Ya.S. (2025). *Transformation of the Political Landscape of the Benelux Countries*. Russian International Affairs Council, March 18 (in Russian). Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/transformatiya-politicheskogo-landshafta-stran-benilyuksa/>, accessed 19.10.2025.
- Guseletov B.P. (2024). Luxembourg parliamentary election results: Conservatives overtake Socialists and Liberals. *PolitBook*. No. 4. pp. 119–132 (in Russian). DOI: 10.24412/2227-1538-2024-4-119-132.
- Hellemans S. (2020). Pillarization (‘Verzuiling’): On Organized ‘Self-Contained Worlds’ in the Modern World. *The American Sociologist*. Vol. 51, no. 2, pp. 124–147. DOI: 10.1007/s12108-020-09449-x.
- Hooghe L., Marks G. (2018). Cleavage theory meets Europe’s crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage. *Journal of European Public Policy*. Vol. 25, no. 1, pp. 109–135. DOI: 10.1080/13501763.2017.1310279.
- Hooghe L., Marks G. (2025). How does the education cleavage stack up against the classic cleavages of the past? *West European Politics*. Published online. DOI: 10.1080/01402382.2025.2452789.
- Hooghe M., Deschouwer K. (2011). Veto Players and Electoral Reform in Belgium. *West European Politics*. Vol. 34, no. 3, pp. 626–643.
- Hopkins J. (2020). *Anti-System Politics: The Crisis of Market Liberalism in Rich Democracies*. Oxford: Oxford University Press, 352 pp.

Korgunyuk Yu.G. (2019). Cleavage Theory and Theory of Issue Dimensions: Cross-Points. *Polis. Political Studies*. No. 6, pp. 95–112 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.06.08.

La Sota C.D. de, Gethin A., Martinez-Toledano C. (2021). Party System Transformation and the Structure of Political Cleavages in Austria, Belgium, the Netherlands and Switzerland, 1967–2019. *World Inequality Lab Working Paper*. No. 2021/08, 48 pp. Available at: <https://shs.hal.science/halshs-03165720/document>, accessed 10.11.2025.

Lijphart A. (1997). *Democracy in Plural Societies: A Comparative Study*. Moscow: Aspect Press, 287 pp. (in Russian).

Lipset S.-M., Rokkan S. (1967). Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: an Introduction. In: Lipset S.-M., Rokkan S. (eds.). *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective*. New York: Free Press, pp. 1–61. DOI: 10.1007/978-3-531-90400-9_68.

Margalit Y., Solodoch O. (2025). Electoral responses to economic crises. *American Journal of Political Science*. Published online. DOI: 10.1111/ajps.70008.

Maussen M. (2015). Pillarization. In: *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity, and Nationalism*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons. DOI: 10.1002/9781118663202.wberen564.

Meleshkina E.Yu. (2001). The Research of Electoral Behaviour: Theoretic Models and Issues of Their Usage. *Political Science*. No. 2, pp. 187–212 (in Russian).

Multiparty... (1998). Schofield N. et al. Multiparty electoral competition in the Netherlands and Germany: A model based on multinomial probit. In: Hinich M.J., Munger M.C. (eds.). *Empirical Studies in Comparative Politics*. Boston, MA: Springer, pp. 475–490. DOI: 10.1007/978-1-4757-5127-7_3.

Oskolkov P.V. (2017). Right-wing populism in the Benelux countries in compar-

ative perspective. *Contemporary Europe*. No. 5, pp. 54–62 (in Russian).

Oskolkov P.V., Sergeev E.A. (2017). The Dutch party system: between the pillar system and European integration. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 10, no. 6, pp. 155–168 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-155-168.

Otjes S., de Lange S. (2024). The Ever-Changing and Ever-Stable Dutch Party System. In: S. de Lange et al. (eds.). *The Oxford Handbook of Dutch Politics*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198875499.013.26.

Posazhennikova A.A. (2024). Mark Rutte's role in the fragmented Dutch party-political system. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. No. 1. pp. 46–60 (in Russian). DOI: 10.20542/afij-2025-1-46-60.

Praviy populism... (2020). Kapitonoval N.K. et al.; Okuneva L.S., Tevdoy-Burmuli A.I. (eds.). *Right-wing populism: global trend and regional specifics*. Moscow: MGIMO University, 404 pp. (in Russian).

Rihoux B. (1996). Electoral Reform and electoral Behaviour in Belgium: Change within Continuity... or conversely. *Res Publica*. Vol. 38, no. 2, pp. 255–278.

Rovny J. (2013). Where do radical right parties stand? Position blurring in multi-dimensional competition. *European Political Science Review*. Vol. 5, no. 1, pp. 1–26. DOI: 10.1017/S1755773911000282.

Sergeev E. A. (2023). Separatism in Belgium: main factors of the transformation of Walloon-Flemish contradictions. *Comparative Politics*. Vol. 14, no. 4, pp. 9–38 (in Russian). DOI: 10.46272/2221-3279-2023-4-14-9-38.

Sergeev E.A., Kiseleva I.V., Vorotnikov V.V. (2024). *"Homo perditus": Why Does the EU Vote for the "Right"?* Moscow: MGIMO, 42 pp. (in Russian).

Stability... (2024). De Lange S. et al. Stability and Change in Dutch Politics:

Introduction to the handbook. In: de Lange S., Louwerse T., 't Hart P. (eds.). *The Oxford Handbook of Dutch Politics*. Oxford University Press, pp. 1–21.

Tordoir S. (2023). *Dutch Elections: the End of the EU's Pragmatic Dealmaker*. London: Center for European Reform. Available at: <https://www.cer.eu/in-the-press/dutch-elections-end-eus-pragmatic-dealmaker>, accessed 19.10.2025.

Van Deemen A., Vergunst N. (1998). Empirical evidence of paradoxes of voting in Dutch elections. *Public Choice*. Vol. 97, pp. 475–490. DOI: 10.1023/A:1005098111179.

Vermeulen G., De Bondt W. (2017). *Justice, Home Affairs and Security: European and International Institutional and Policy Development*. – 2nd revised ed. Antwerp: Maklu, 476 pp.

Zhidkova A.V., Khorosheva A.O. (2025). Political situation in Belgium and France: trends and constraints of the right-populist turn. *Contemporary Europe*. No. 2, pp. 53–64 (in Russian). DOI: 10.31857/S0201708325020056.

Zollinger D., Attewell D. (2025). Updating Cleavage Theory for the Twenty-First Century. *West European Politics*. October, pp. 1–26. DOI: 10.1080/01402382.2025.2560781.

Панорама Африки и Ближнего Востока

УДК 322:329.3

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.09

Политический ислам в современных общественно-политических процессах в арабо-мусульманском мире

Борис Васильевич ДОЛГОВ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: dolgov.boris@list.ru

ORCID: 0000-0001-65415862

ЦИТИРОВАНИЕ: Долгов Б.В. Политический ислам в современных общественно-политических процессах в арабо-мусульманском мире // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 5. С. 167–182.

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.09

Статья поступила в редакцию 08.08.2025.

Исправленный текст представлен 20.10.2025.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются различные факторы возникновения и развития движений политического ислама, их концепции и доктринальные установки. В качестве методологии использованы принципы историзма, научной объективности и достоверности. Анализируются попытки лидеров исламистских движений перейти на позиции «исламской демократии», схожей по их риторике с европейской «христианской демократией». Исследуется роль движений политического ислама, провозглашающих необходимость «исламского проекта» в социально-политическом развитии мусульманского общества на современном этапе. Для исследования выбраны социумы таких стран, как Тунис, Алжир и Сирия, в которых движения политического ислама в наи-

большей степени проявили свое влияние как на электоральные процессы, так и на социально-политическую динамику в целом. Рассмотрен фактор исламистского вызова для России. Особое внимание в статье уделено рассмотрению возможности эволюции движений политического ислама в плане восприятия демократических принципов на основе «исламской демократии».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический ислам, «исламская демократия», исламский проект, Тунис, Алжир, Сирия.

Возникновение и развитие политического ислама, или исламизма, имманентно связано с особенностью исламской религии, которая не создала единого ортодоксального вероучения. Это способствовало тому, что различ-

ные направления ислама, движения, а также исламистские идеологи могли претендовать на то, чтобы провозглашать себя последователями «подлинного ислама» и «людьми истины» (*ахль аль-хакк* – араб. яз.).

Феномен политического ислама/исламизма можно определить как использование ислама в политических целях для создания «исламского государства», в котором исламские ценности и каноны являются основой государственно-политического устройства и развития общества по «исламскому пути». В достаточной степени данное понятие коррелируется с термином «салафизм» (*салаф салих* (араб. яз.) – праведный предок) – течения в исламе, идеологи которого выступают, так же как последователи политического ислама, за создание мусульманского общества по образцу ранней мусульманской общины периода пророка Мухаммеда и первых четырех «праведных халифов» (*аль-хулафа ар-рашидун* – араб. яз.) [Ислам..., 1991, с. 204]. В свою очередь, арабские исследователи определяют исламизм как «идеологию, используемую для завоевания политической власти» [Mactouf, 2013, p. 79].

Началом формирования современного исламистского движения явилось создание ассоциации «Братья-мусульмане»¹ в Египте в 1928–1929 гг. известным мусульманским деятелем Хасаном аль-Банной (1906–1949), провозглашавшим идеологией организации «салафитский призыв, суннитский путь и суфийскую² истину» [Аль-Банна, 1986, с. 120]. В то же время «Братья-мусульмане» выступали с лозунгом единения всей мусульманской *уммы* (*сообщества* – араб.

яз.) и возрождения исламского халифата на основе принципа «братства в Аллахе» [Аль-Хатыб, б/г, с. 47]. Хасан аль-Банна обозначил основные направления своей программы-максимум, на заключительном этапе которой предполагался исламский призыв ко всему человечеству. Исламистскую доктрину существенно дополнил видный идеолог «Братьев-мусульман» Сейид Кутб (1906–1966), включив в нее понятие *джахилийи* (*неграмотные* – араб. яз., то есть общество не знающих ислам) и необходимости ислама вести борьбу против такового. Концептуальной идеей С. Кутба являлось утверждение, что ислам есть «последнее послание, всеобъемлющее, совершенное и предназначенное для всех живущих на земле» [Кутб, 2003, с. 392]. В настоящее время данная доктрина достаточно широко распространена и имеет своих сторонников как в рядах вооруженных исламистских группировок, так и в партиях, исповедующих политический ислам в арабо-мусульманском мире. Так, провозглашенный Хасаном аль-Банной девиз «Аллах – наш идеал, Пророк – наш вождь, Коран – наша конституция»³ в период «арабской весны» почти дословно был повторен в Египте ставленником «Братьев-мусульман» Мухаммедом Мурси наряду с заявлениями о приверженности демократии в интересах всех египтян перед президентскими выборами в 2012 г., на которых он был избран президентом Египта.

Теоретические обоснования о необходимости выработки «исламского пути» развивал также один из идеологов политического ислама, лидер алжирского Исламского фронта спасения

1 Включена в список организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

2 Суфизм – мистико-аскетическое направление в исламе, объединяющее разные течения и тарикаты; духовное учение и практика.

3 Hasan Al-Banna (1906–1949) // Islam Times. – URL: <https://www.islamtimes.com/en/article/3884/hasan-al-banna-1906-1949> (дата обращения: 10.10.2025).

(ИФС) Аббаси Мадани. Он утверждал, что «либерализм способствовал формированию общества, где проповедуется эгоизм и неограниченная свобода. В таких условиях человек может предаться самым низменным страстям, присущим его животной природе и инстинктам. Тем самым общество, в котором он существует, обрекается на деградацию и смуту» [Мадани, 1989, с. 20]. На основании этого делался вывод о необходимости и неизбежности выработки так называемой исламской альтернативы. Исламистские идеологи заявляли также о мессианском и непреходящем характере своего движения, утверждая, что они не являются просто одним из многих политических течений, но выполняют «священную миссию и волю Аллаха». При этом А. Мадани в отличие от более радикальных членов руководства ИФС не исключал использования при создании «исламского государства» таких демократических форм, как система выборности органов власти и многопартийность.

В XXI в. исламский проект пользовался определенной поддержкой среди части мусульман, значительным импульсом для которой послужили протестные выступления «арабской весны» 2010–2013 гг. и продолжение в 2018–2020-х годах вызванных ею процессов, затронувших в разной степени большую часть арабо-мусульманского мира. Движущей силой протестных выступлений «арабской весны» явилась диссидентски настроенная и зачастую безработная молодежь. Их инициировали молодые киберактивисты, блогеры и пользователи Интернета, призывавшие на манифестации своих сверстников-сторонников. В арабских странах молодые люди в возрасте до 35 лет составляют более половины населения. Эта категория в большей степени страдает от нерешенности социально-экономических проблем, в особенности от безработи-

цы, которая среди арабской молодежи достигает 50% и выше [Долгов, 2017, с. 9]. При этом безработными, как правило, становятся дипломированные специалисты (особенно по гуманитарным специальностям) в связи с отсутствием рабочих мест. Они не могут применить свои знания и занять достойное место в обществе, что было особенно характерно для Туниса и Египта. По этой причине они не имеют возможности создать семью, что является значительной проблемой в арабо-мусульманском обществе. В то же время среди этой категории населения в большей степени наблюдается рост гражданского самосознания и стремление пользоваться демократическими свободами. В этом не последнюю роль играли современные электронные средства массовой информации (в арабских странах достаточно развиты спутниковое телевидение и сети интернет-кафе, которые относительно дешевы и доступны для всех слоев населения). В свою очередь, одним из важных внешних факторов, повлиявших на обострение социально-экономических проблем в арабском мире, стали последствия мирового финансово-экономического кризиса 2008 г.

Первыми результатами протестных движений «арабской весны» стали свержение правящих режимов в Тунисе и Египте, крушение такового в Ливии, трансформация режима в Йемене, а также длительное противостояние вооруженной оппозиции с властями в Сирии, закончившееся приходом к власти исламистов. В Тунисе, Египте, Йемене главными причинами социального протеста, что по своей сути представляла «арабская весна», явились внутренние факторы, а именно социально-экономический кризис, коррупция и nepотизм правящего режима, отсутствие подлинных демократических свобод. Между тем свержение руководства М. Каддафи в Ливии и длительное вооруженное

противостояние в Сирии при наличии, хотя и в гораздо меньшей степени, аналогичных внутренних проблем стали следствием активного вмешательства внешних акторов, стремившихся устранить неудобные для них правительства. Тем не менее в Алжире протестные выступления, охватившие 20 из 48 провинций страны, не привели к краху режима – как в силу адекватных мер властей, так и ввиду того, что большая часть алжирского общества, имевшего трагический опыт 10-летнего вооруженного противостояния с радикальным исламом, не поддержала протесты. В то же время попытка президента А. Бутефлики, 20 лет возглавлявшего Алжир, баллотироваться на 5-й президентский мандат спровоцировала массовые протесты, в результате которых он в 2019 г. вынужден был уйти от власти.

В протестных выступлениях «арабской весны» принимали участие либерально-демократические, левые, националистические силы. Что касается исламского фактора, то в начале протестов он не являлся в них основной составляющей. Движения политического ислама присоединились к протестным манифестациям на последующем этапе. Тем не менее после краха диктаторских режимов, в частности в Тунисе и Египте, партии политического ислама получили наибольшую поддержку в результате демократических выборов и свободного волеизъявления граждан. Такая поддержка была обусловлена, во-первых, тем, что в движениях политического ислама видели силу, реально боровшуюся с диктаторскими режимами и пострадавшую от его репрессий. Во-вторых, тем, что они предлагали программу развития, основанную на понятных и при-

нимаемых большинством населения традиционных исламских ценностях. Однако у исламистских лидеров возобладавало стремление к монополизации власти и реализации партикуляристских целей по продвижению своего суннитского «исламского проекта». В то же время исламистские силы, пришедшие во власть в Тунисе и Египте, не смогли разрешить социально-экономические проблемы, являвшиеся главной причиной протестов «арабской весны». Более того, эти проблемы обострялись на фоне осложнения ситуации с общественной безопасностью. Такая ситуация вела к размежеванию в обществе и массовым протестным акциям, направленным против пришедших к власти исламистских сил. В результате исламистское руководство было отстранено от власти в Тунисе в 2012 г. и в Египте в 2013 г.

Вместе с тем необходимо признать, что одним из последствий «арабской весны» стал подъем исламистской идеологии и исповедующих его движений, в том числе их радикальных течений. О необходимости создания «исламского государства» заявляли все современные исламистские идеологи. При этом те из них, кто исповедовал «умеренный исламизм», предлагали создать «исламское государство» путем утверждения исламских ценностей и развития общества по «исламскому пути». В свою очередь, радикальные исламисты считали, что таковое может быть создано только путем вооруженного «джихада». Наиболее известными из них являлись Айман аз-Завахири и Абу Бакр аль-Багдади, лидеры радикальных исламистских группировок «Аль-Каида»⁴ и «ИГИЛ»⁵.

В настоящее время наряду с подавлением в основном радикальных исла-

4 Включена в список организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

5 Включена в список организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

мистских сил наблюдается попытка исламистских идеологов провозглашать лозунг о «совместимости ислама с демократией» [Huntzinger, 2014, p. 75] и в качестве модели развития выдвигается концепция «мусульманской демократии», которая, по их риторике, сравнима с «христианской демократией» в Европе.

В Тунисе лидер партии «Нахда» («Возрождение» – араб. яз.), исповедующей исламистскую концепцию «Братьев-мусульман» Рашид Ганнуши, на Х партийном съезде «Нахды» в 2016 г. заявлял о необходимости для партии провести структурные изменения и «выйти из политического ислама для того, чтобы войти в эру «мусульманской демократии», став политической, демократической и гражданской партией, которая привержена мусульманским цивилизационным и современным ценностям»⁶. В плане структурных изменений в партии предполагалось разделить ее политическую и религиозную составляющие. С этой целью религиозные подразделения должны были выводиться из партийной структуры и объединяться в сеть ассоциаций, связанных с партией только идеологически. Такая мера, по мнению ее инициаторов, давала возможность определять движение, возглавляемое «Нахдой», как «гражданское, демократическое и тунисифицированное»⁷. В то же время реакция тунисского общества и политического истеблишмента на возможность демократической эволюции

«Нахды» была достаточно сдержанной. Так, профессор Алая Алани (*Alaya Alani*), известный тунисский историк, эксперт по исламистским движениям, считал, что действия руководства «Нахды», скорее всего, являлись «подготовкой к новой попытке прийти к власти и получить для этого максимум поддержки в обществе, а разделение между политическими и религиозными функциями «Нахды» представляло собой чисто техническую меру, а не изменение идеологии»⁸.

Необходимо отметить, что «Нахда» с начала «арабской весны» в Тунисе пользуется всесторонней поддержкой Катар и Турции, члены руководства которых являются умеренными исламистами, во многом разделяющими концепции «Братьев-мусульман». В то же время Турция проводит политику неоосманизма, а также позиционирует себя как лидера исламского мира, в чем ее поддерживает ряд исламистских деятелей, в особенности руководство «Нахды»⁹.

Обострение политической ситуации в Тунисе в 2020-х годах стало во многом следствием продолжавшихся кризисных тенденций в социально-экономической сфере, таких как коррупция во властных структурах на фоне падения ВВП, постоянного роста инфляции, проблемы безработицы, официальный уровень которой достигает 18%, но в реальности он выше, особенно среди молодежи. Данные факторы провоцировали снижение уровня

6 Цит. по: Bobin F. La Tunisie s'interroge sur la mue du parti islamiste Ennahda // Le Monde. – 2016. – 21 mai. – Франц. яз. – URL: http://www.lemonde.fr/afrique/article/2016/05/21/la-tunisie-sceptique-sur-la-mue-du-parti-islamiste-ennahda_49238313212.html#41bv9yC3zUQp9BFJ.99 (дата обращения: 30.09.2020).

7 Цит. по: Ribadeau L. Congres d'Ennahda en Tunisie: la fin de l'islam politique? // France info. – Франц. яз. – URL: <http://www.geopolis.francetvinfo.fr/congres-d-ennahda-en-tunisie-la-fin-de-lislam-politique-106825> (дата обращения: 10.10.2020).

8 Цит. по: Bobin F. La Tunisie s'interroge sur la mue du parti islamiste Ennahda // Le Monde. – 2016. – 21 mai. – Франц. яз. – URL: http://www.lemonde.fr/afrique/article/2016/05/21/la-tunisie-sceptique-sur-la-mue-du-parti-islamiste-ennahda_49238313212.html#41bv9yC3zUQp9BFJ.99 (дата обращения: 30.09.2020).

9 Руководитель «Нахды» Рашид Ганнуши в ходе переговоров с президентом Турции Реджепом Эрдоганом в 2017 г. заявил, что «после разгрома «арабской весны» диктаторами именно Турция под руководством Эрдогана стала лидером исламского мира» // Голос ислама. – URL: <https://golosislama.com/news.php?id=30073> (дата обращения: 27.01.2020).

жизни тунисских граждан и рост социальной напряженности. В такой обстановке «Нахда» как оппозиционная сила восстанавливала и укрепляла свои позиции в обществе.

В то же время в стране продолжался политический кризис, возникший в результате противостояния президента и парламента, в котором ключевую роль играла партия «Нахда». В марте 2022 г. после попытки депутатов отменить указы президента Каиса Саида последний распустил парламент. В ответ оппозиция, представленная в основном альянсом «Фронт национального спасения» (ФНС), куда входили 5 партий, среди которых значительным влиянием пользовалась «Нахда», обвинила Каиса Саида в узурпации власти и стремлении установить диктатуру в стране. Наряду с этим низкая явка на выборах нового парламента, лишенная ряда своих полномочий, составившая всего 8,8%, явилась своеобразным общественным протестом и показала, что значительная часть граждан, ряд политических партий и профсоюзов выступали против властных амбиций президента Каиса Саида, интерпретируя их как антидемократический переворот.

В свою очередь власти предпринимали против оппозиции репрессивные меры. В начале 2023 г. были арестованы генеральный директор оппозиционной радиостанции *Mosaïque FM* Нуреддин Бутар и ряд политических активистов, в том числе членов руководства «Нахды», включая его лидера Рашида Ганнуши. В ответ на действия властей по призыву ФНС в Тунисе прошли массовые протестные манифестации против политики президента Каиса Саида.

ФНС призвал власти Туниса освободить политзаключенных и предостеречь от использования в своих целях силовых структур, что могло втянуть страну в конфликт между государством и общественно-политическими силами, в которых сторонники «Нахды» продолжали играть значительную роль.

В **Алжире** после смены власти в 2019 г. и избрания нового президента Абдельмаджид Теббуна, являвшегося представителем прежней политической элиты [Долгов, 2022, с. 183], в которой главенствующее положение занимали военные, продолжались выступления оппозиции. Ее основной силой являлось объединение «Хирак» («Движение» – араб. яз.), в которое входили организации различного политического спектра, выступавшие за большую демократизацию Алжира, против доминирования военных в государственно-политической структуре, выдвигавшие лозунг «гражданское государство – не военное!» [Наумкин, Кузнецов, 2025, с. 435]. В то же время объединение «Хирак» не смогло выработать свою конкретную социально-экономическую программу в силу определенного раскола и отсутствия единой позиции в его руководстве. При этом в его рядах росло влияние сил политического ислама, представленных прежде всего движением «Рашад» («Правильность» – араб. яз.)¹⁰. Руководство «Рашад», большая часть которого находится в эмиграции, обвиняет алжирские власти в коррупции, нарушении демократических норм, репрессиях против инакомыслящих и призывает к смене правящего режима, подчеркивая, тем не менее, свою приверженность демократическим нормам и ненасильственным методам политической борь-

10 Объединение «Рашад» было создано в 2007 г. группой оппозиционных исламистских деятелей, таких как Аббас Аруа (Abbas Aroua), Мурад Дина (Mourad Dhina), Рашид Месли (Rachid Mesli), которые являлись последователями идеологии запрещенного в 1992 г. «Исламского фронта спасения», ставившего целью создание в Алжире «исламского государства». См.: Secrétariat du Mouvement Rachad. – Франц. яз. – URL: <https://rachad.org/fr/?p=506> (дата обращения: 10.08.2025).

бы. Алжирские власти, в свою очередь, определяют «Рашад» как исламистскую террористическую группировку, объявляя ее членов в международный розыск. Лидеры же «Рашад» отрицают свою принадлежность к исламу и провозглашают своей целью «продвижение исламских ценностей и демократическое развитие алжирского общества на основах ислама»¹¹.

В то же время радикальные исламистские группировки, такие как «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ), Салафитская группа проповеди и борьбы (СГПБ) и Вооруженные исламские группы (ВИГ), хотя и значительно ослабленные, тем не менее продолжают действовать в Алжире. Так, по сообщениям алжирского военного командования, в мае 2025 г. в результате успешных операций алжирской армии группа исламистских боевиков из ВИГ была ликвидирована в вилайе (области) Кхеншела¹². Ранее группа боевиков также была уничтожена в вилайе Скикда. Горные районы Скикда, Кхеншела, Жижель на востоке, а также Тебесса, Айн Дефля в центре страны являлись опорными базами радикальных исламистов в период «черного десятилетия», активного противостояния радикальных исламистов с властями в 1990-х – начале 2000-х годов. Вместе с тем, по данным алжирских военных, отмечаются попытки проникновения в Алжир групп радикальных исламистов из Ливии и Сирии после подавления ИГИЛ в этих странах.

В Сирии с 2011 г. продолжался внутренний конфликт, в котором наряду с противостоянием сирийских властей с оппозицией, представленной, в основном радикальными исламистскими группировками, действовали внешние акторы. При этом Россия, Иран

и Китай поддерживали легитимно избранное правительство Сирийской Арабской Республики (САР). В то же время страны НАТО во главе с США рассматривали правящий режим в Сирии как враждебный и стремились его сменить, действуя нелегитимно, что подтверждали западные исследователи [Kepel, 2018, р. 392]. При этом на САР накладывались экономические санкции и оказывалась поддержка вооруженной исламистской оппозиции. Наряду с этим США под предлогом борьбы с ИГИЛ оккупировали часть сирийской территории, создавая на ней свои военные базы. Причем оккупации подверглись те районы, в которых были расположены нефтедобывающие предприятия и наиболее пригодные для сельскохозяйственной деятельности земли.

Сирия обвинялась странами НАТО в поддержке «сил международного терроризма», к которым НАТО причисляло палестинские организации, выступавшие за создание палестинского национального государства, а также ливанское движение «Хезболла», боровшееся за освобождение оккупированных Израилем территорий Ливана (района «Фермы Шебаа») и поддерживавшее палестинские организации [Долгов, 2021, с. 70]. В связи с этим смена правящего руководства в Сирии и, соответственно, его политического курса отвечала интересам стран НАТО и Израиля.

Турция, являясь членом НАТО, следовала в русле его глобальной политики в сирийском кризисе, поддерживала сирийскую оппозицию и вооруженные группировки, которыми, как подтверждал французский исследователь Мишель Рембо, негласно курировали турецкие спецслужбы [Raimbaud,

11 Secrétariat du Mouvement Rachad. – Франц. яз. – URL: <https://rachad.org/fr/?p=506> (дата обращения: 09.08.2025).

12 <https://www.elmoudjahid-dz/fr/actualite/deux> (дата обращения: 19.05.2025).

2015, р. 550]. В то же время у Турции имелись свои стратегические интересы в отношении Сирии. Во-первых, поддержка турецким руководством оппозиционных сирийских исламистских группировок, часть которых составляли боевики сирийских группировок «Братьев-мусульман», обусловлена тем, что члены нынешнего турецкого руководства, представленного Партией справедливости и развития (ПСР), являлись умеренными исламистами, идеологически близкими движению «Братья-мусульмане». Президент Турции Р. Эрдоган в молодые годы входил в руководство двух исламистских партий, а в период военных режимов в Турции отбывал тюремное заключение за публично высказываемую приверженность исламистским идеям. Руководство Р. Эрдогана исламизировало общественно-политическую жизнь Турции. Это проявлялось прежде всего в выдвижении на ключевые посты в руководящем государственном звене активных членов ПСР, а также членов суфийских тарикатов (орденов), в частности таких, как «Накшбандийя» и «Искандер-паша». Исламские суннитские ценности играли всё более важную роль в общественно-политической и культурной жизни Турции. В связи с этим свержение светского баасистского режима в Сирии и приведение к власти суннитских исламистских сил отвечали интересам турецкого руководства. Во-вторых, турецкие руководители позиционировали себя как преемников Османской империи и, проводя политику неоосманизма, стремились продвигать влияние Турции во все регионы, входившие в со-

став Османской империи. Следствием такой политики являлись контакты турецкого руководства с представителями так называемого Меджлиса крымско-татарского народа, базирующегося в Киеве, и непризнание президентом Турции Р. Эрдоганом воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. Турция претендовала также на роль лидера мусульманского суннитского мира, каковой была Османская империя, в состав которой на протяжении 400 лет (XVI – начало XX в.) входила Сирия. Поэтому экспансионистские тенденции в отношении Сирии присутствовали в турецкой политике.

В ноябре 2024 г. вооруженные группировки сирийской оппозиции, насчитывавшие, по сирийским данным, более 120 тыс. боевиков, дислоцировавшиеся в контролируемом Турцией районе Идлиба, предприняли наступательную операцию против сирийской правительственной армии. Доминирующей и наиболее боеспособной силой оппозиции являлась «Организация освобождения Сирии» (*Хайат тахрир аш-Шам* – ХТШ). Ранее она имела название «Джебхат ан-Нусра» («Фронт победы») и считалась сирийским крылом «Аль-Каиды», впоследствии несколько раз меняла свое название¹³. В то же время ХТШ активно поддерживалась Турцией. При этом в ее рядах находилось значительное число иностранных наемников-исламистов, которые, по мнению американских исследователей, были «более идеологизированы в плане восприятия исламистской доктрины, чем сирийские исламисты» [Stern, Berger, 2015, р. 77]. В свою очередь, спецслужбы США

13 «Джебхат ан-Нусра» как филиал «Аль-Каиды» в Сирии была сформирована в 2011–2012 гг. Основные ее силы дислоцировались на северо-западе Сирии в районах Идлиба и Алеппо. Многие из ее боевиков являлись иностранными гражданами из Ливии, Туниса, Саудовской Аравии, Египта, Таджикистана, Узбекистана, Туркмении, США, стран Западной Европы, а также России («Армия воинов Пророка» (*Джейш аль-мухаджирин ва-ль-ансар* – выходцев из региона Северного Кавказа под командованием Сейфуллы аш-Шишани) [Крылов, 2017, с. 655–657]. Включена в список организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

с их союзниками, согласно американским СМИ, в течение года разрабатывали операцию по свержению руководства Б. Асада. Также курируемые американскими и британскими спецслужбами представители украинского режима осуществляли контакты с сирийской вооруженной оппозицией, предоставляя ей вооружение, в частности новейшие беспилотные летательные аппараты и системы радиоэлектронного подавления, на ее стороне действовали украинские спецподразделения, в частности «Белые волки». В декабре 2024 г. вооруженные группировки оппозиции вошли в Дамаск¹⁴. При этом Б. Асад объявил о своей отставке¹⁵ и с членами семьи покинул Сирию. Исламистская оппозиция провозгласила переход власти к сформированному временному правительству во главе с руководителем ХТШ Аль-Джулани, вернувшему себе имя Ахмед аш-Шараа (имя Аль-Джулани он носил, будучи лидером ХТШ)¹⁶.

Приход к власти в Сирии исламистских сил кардинально изменил баланс сил на Ближнем Востоке. Значительно усилила свои позиции Турция, претендующая на сирийские районы Алеппо и Идлиб и имеющая широкие контакты и влияние на ХТШ, которая играет главную роль в новом руководстве Сирии, а также США и Израиль, продолжающие оккупировать часть сирийской территории. При этом Израиль расширил оккупированную им территорию Сирии, на которой создавались израильские военные базы. Из-

раильская армия с целью уничтожения сирийского военного потенциала нанесла ракетно-бомбовые удары по военным объектам на территории Сирии. Наряду с этим Израиль стремился максимально использовать в свою пользу изменившийся баланс сил в регионе. Так, израильский Кнессет (парламент) одобрил декларацию о распространении суверенитета Израиля на район, называемый в израильской риторике «Иудея, Самария и долина реки Иордан», то есть на палестинские территории Западного берега реки Иордан, находящиеся под юрисдикцией признанной ООН Палестинской национальной администрации (ПНА).

Исламистские движения в Сирии явились главной силой оппозиции, свергнувшей руководство Б. Асада. Основная группировка этих движений ХТШ поддерживалась Турцией в контакте с США в целях продвижения их интересов в регионе. США наряду с Израилем также оказывали поддержку курдским и друзским¹⁷ сепаратистским движениям, а именно курдским формированиям «Силы демократической Сирии» (СДС), под контролем которых находилось до 25% территории страны, в том числе нефтегазовые месторождения в провинциях Дейр-эз-Зор, Ракка и Хасеке. В марте 2025 г. новый лидер Сирии Ахмед аш-Шараа и военный руководитель СДС Мазлум Абди подписали соглашение, согласно которому курдские воинские подразделения должны быть включены в состав так называемых правительственных

14 Смена власти в Сирии. Хроника // Интерфакс. – URL: <https://www.interfax.ru/chronicle/smena-vlasti-v-sirii.html> (дата обращения: 10.01.2025).

15 Б. Асад объявил о своей отставке и поручил премьер-министру правительства САР организовать мирный переход к силам оппозиции. Затем он с членами семьи прибыл в Россию, где ему было предоставлено политическое убежище.

16 Аль-Джулани – Ахмед аш-Шараа был известен своим участием в действиях ИГИЛ, затем «Аль-Каиды», возглавлял «Джебхат ан-Нусру», впоследствии сменив название на «Хайат тахрир аш-Шам» и якобы отмежевываясь от радикальной идеологии «Аль-Каиды». В США Аль-Джулани был объявлен террористом, за его голову было обещано вознаграждение в 10 млн долл.

17 Друзы являются этническими арабами, исповедующими ветвь шиизма исмаилитского толка с элементами неоплатонизма, гностицизма и иудаизма. Друзские общины проживают на территориях Сирии, Ливана и Израиля.

вооруженных сил Сирии. Стороны договорились также о том, что все гражданские и военные объекты в подконтрольных СДС районах должны перейти под юрисдикцию новых сирийских властей. Однако эти меры вряд ли кардинально изменят ситуацию в Сирии и в регионе в целом. Номинальный переход данных районов под контроль новых сирийских властей не приведет к прекращению фактического контроля над ними со стороны США и в особенности Израиля, стратегического американского союзника, который наряду с США вооружал и поддерживал СДС, как и друзскую общину. В свою очередь, представители ЕС совершили официальные визиты в Сирию и провели переговоры с новыми сирийскими властями.

Для России сирийский тренд оставался одним из важных направлений внешней политики. Подтверждением этого явились переговоры делегации Российской Федерации в Дамаске в 2025 г. с новым сирийским руководством, а также с представителями сирийских общественно-политических организаций. В их состав входили генеральный секретарь Национальной молодежной партии созидания и перемен Барвин Ибрагим, председатель Партии национальной реформы Хусейн Рагеба, член политбюро Сирийской национальной социальной партии Тарек аль-Ахмед, генеральный секретарь Народной партии Наваф аль-Мульхем, бывшие члены сирийского парламента Фейсал Азуз и Муджиб аль-Дандан, Нур Хамо. В ходе беседы отмечалась важность решения задач переходного периода в Сирии посредством налаживания широкого межсирийского политического диалога на основе «приверженности принципам уважения сувере-

нитета, единства и территориальной целостности страны»¹⁸. Президент Российской Федерации В. Путин в послании новому сирийскому руководству отметил его роль в стабилизации ситуации в стране. Наряду с этим временный президент Аш-Шараа посетил в октябре 2025 г. Российскую Федерацию с официальным визитом и провел переговоры с президентом В. Путиным, на которых была подтверждена необходимость дальнейшего развития отношений между двумя странами.

После свержения руководства Б. Асада, являвшегося союзником Ирана, а также в результате ранее осуществленных Израилем ударов по движению «Хезболла», палестинскому ХАМАС, входившим в возглавлявшийся Ираном альянс «Ось сопротивления», в значительной степени были ослаблены иранские позиции как в Сирии, так и в регионе в целом. Израиль, также обвинив Иран в стремлении создать ядерное оружие, в июне 2025 г. нанес ракетно-бомбовые удары по иранским ядерным объектам, спровоцировав «двенадцатидневную войну» с Ираном, который ответил ударами по израильским военным и стратегически важным структурам. При этом США также нанесли удар по иранским ядерным объектам, на что Иран ответил ракетной атакой по американской военной базе в Катаре.

В марте 2025 г. в сирийской провинции Латакия и прибрежных районах, в которых проживает алавитское и христианское население, началось восстание против новых сирийских властей. Вооруженное выступление стало ответом на репрессии и бесчинства боевиков исламистских группировок, ставших фактически полновластными хозяевами в Сирии, так как новая

18 Переговоры М. Богданова с новым руководством Сирии // Московский комсомолец. – 2025. – 28 января. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2025/01/28/delegacia-rossii> (дата обращения: 05.05.2025).

власть не способна была контролировать всю территорию страны. Восставшими был создан «Военный совет освобождения Сирии» для продолжения борьбы. Новые сирийские власти направили свои вооруженные формирования с бронетехникой и артиллерией для подавления восстания. Также в район противостояния были направлены и турецкие подразделения. Глава сирийских властей Аш-Шараа объявил о подавлении восстания. По сообщениям зарубежных СМИ и из видеороликов очевидцев событий было ясно, что формирования ХТШ проводили массовые расправы, в том числе против мирного населения алавитских, христианских и шиитских районов, в результате которых погибло большое число мирных жителей. С протестами против осуществлявшегося фактического геноцида выступили ООН, США, Россия, а также Израиль. Сирийские власти, представленные ХТШ, и турецкое руководство обвинили в подстрекательстве к восстанию сторонников Б. Асада. При этом представители алавитских и христианских религиозных общин обратились с призывом о помощи к России и часть мирных жителей (до 10 тыс.) спасались от расправы на российских военных базах.

Наряду с этим в Ираке, который входил в возглавляемую Ираном «Ось сопротивления», более 50 депутатов парламента обратились в 2025 г. в прокуратуру Ирака с требованием начать расследование по обвинению нового сирийского руководителя Аш-Шараа в терроризме. В документе отмечались факты его участия в терактах и преступных действиях против мирных жителей Ирака¹⁹.

В то же время Аш-Шараа 30 марта 2025 г. заявил, что в стране на демокра-

тических основах будет сформировано новое правительство, которое будет называться «Правительство созидания и перемен». Тем не менее новым руководством Сирии не было выдвинуто какой-либо конкретной программы социально-экономического развития страны.

При этом военные силы нового сирийского режима в марте 2025 г. подвергли артиллерийскому обстрелу территорию юга Ливана, где имели место боестолкновения между сирийскими силами нового режима и подразделениями «Хезболлы». При этом представители сирийского режима заявляли, что они будут поддерживать Палестинское национальное движение против Израиля с «южного направления», имея в виду, что они должны подавить своих противников на юге, то есть «Хезболлу» и Иран.

Наряду с этим временный глава Сирии Аш-Шараа 14 мая 2025 г. встретился с президентом США Д. Трампом в Эр-Рияде во время его визита в Саудовскую Аравию. Согласно сообщениям американского агентства CNN, Д. Трамп предложил А. Шараа подписать так называемые «Авраамские соглашения» для нормализации отношений с Израилем. При этом Аш-Шараа дал согласие на американские требования провести демократические реформы, выдворить из страны «всех иностранных террористов», а также оказывать помощь Соединённым Штатам в предотвращении возрождения ИГИЛ и взять на себя ответственность за центры содержания под стражей членов ИГИЛ на северо-востоке Сирии. Ранее, 13 мая того же года, Д. Трамп объявил о снятии части санкций с Сирии.

В то же время в июне 2025 г. в сирийском районе Ас-Сувейды, где большин-

19 Депутаты парламента Ирака обратились в прокуратуру Ирака // Известия. – 2025. – 24 апреля. – URL: <https://iz.ru/1875960/2025-04-24> (дата обращения: 05.05.2025).

ство населения представлено друзской общиной, подразделения нового сирийского режима вмешались в столкновения, имевшие место между друзскими вооруженными ополченцами и исповедующими суннизм отрядами бедуинских кланов. При этом новое сирийское руководство объявило целью этого вмешательства прекращение столкновений и защиту мирных жителей. Однако в результате боестолкновений жертвами оказалось большое число представителей друзской общины, которая возложила ответственность за это на правящий сирийский режим. В свою очередь, Израиль также обвинил в гибели друзского населения сирийские власти и, объявив, что защитит «дружественную друзскую общину», нанес удары как по подразделениям сирийского режима, так и по его военно-политическим объектам в Дамаске. Таким образом, друзская община, имеющая свою местную власть и вооруженные формирования, опираясь на поддержку Израиля, сохранила свою автономию.

Силы политического ислама, пришедшие к власти в Сирии, на современном этапе не способны полностью контролировать ситуацию в стране. Во-первых, в силу того, что продолжавшийся с 2011 по 2025 г. гражданский конфликт привел к размежеванию в сирийском обществе. Значительная его часть поддерживала политический курс предыдущего руководства и выступала против пришедших к власти исламистов. Во-вторых, действующая власть, представленная руководством ХТШ, несмотря на вышеуказанные заявления о продвижении демократических реформ, вряд ли способна реально их осуществить, продолжая использовать так называемый потенциал религиозного призыва [Ближний Восток..., 2018, с. 359]. Таким образом, соз-

давшаяся ситуация в Сирии провоцирует возникновение угрозы продолжения внутреннего конфликта и дезинтеграции страны. Тем не менее в Сирии в октябре 2025 г. прошли парламентские выборы, на которых из 210 депутатов 140 избирались специально созданными группами выборщиков, остальные 70 назначались временным президентом Аш-Шараа. При этом в ряде районов выборы не проводились по причине отсутствия безопасности.

Выводы

Необходимо констатировать, что политический ислам продолжает оказывать значительное влияние на современные общественно-политические процессы в арабо-мусульманском мире. При этом подъем движений политического ислама во многом обусловлен действием внешних факторов и кризисными явлениями как в арабо-мусульманском мире, так и в немалой степени общим кризисным состоянием современной западной общественно-экономической модели либеральной демократии. В свою очередь, идеологи исламизма пытаются проповедовать альтернативный и более справедливый, согласно их риторике, миропорядок в форме «исламского государства». При этом данный «исламский проект» пользуется влиянием и поддержкой среди части представителей арабо-мусульманского мира. Подтверждением этого являются победа движения «Талибан» в Афганистане в 2021 г. и провозглашение Исламского Эмирата Афганистан, приход к власти при активной поддержке внешних акторов исламистской группировки «Хайат Тахрир аш-Шам»²⁰ в Сирии в 2024 г., возрастание

²⁰ Включена в список организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

роли ислама и арабо-мусульманских диаспор в странах Евросоюза, а также исламизация общественно-политической жизни и попытки возрождения «великого Турана» под эгидой Турции в странах – членах Организации тюркских государств. При этом некоторые из них заявляют, что «ислам является последней надеждой человечества во тьме глобализма и либерализма» [Надеин-Раевский, 2018, с. 298].

Необходимо отметить, что для России радикальный исламизм также представляет некий вызов. На российской территории периодически нейтрализуются ячейки радикальных исламистов, готовивших террористические акции, ярким примером чего являлся террористический акт в «Крокус Сити Холле» в Подмоскowie. Его исполнители исповедовали радикальный исламизм и в то же время направлялись спецслужбами враждебных государств, которые пытаются использовать для данных целей часть мигрантов из стран Центральной Азии, подверженных исламистской идеологии. В связи с этим для России возрастает необходимость активизации сотрудничества со странами Глобального Юга как в Центральной Азии в рамках Евразийского экономического союза, так и в рамках БРИКС и в целом с арабо-мусульманским миром в экономической, политической, научно-технической и культурной сферах с тем, чтобы наряду с успешным противостоянием радикальному исламизму и усилением российского геополитического влияния продвигать концепцию формирования нового, более справедливого многополярного миропорядка, который поддерживается большинством стран Глобального Юга. При этом для его успешного осуществления России важно показывать пример общества социальной справедливости и возможности совместного проживания

на протяжении сотен лет в едином государстве народов, исповедующих различные конфессии и различные культуры. Концепция нового справедливого миропорядка и пример России также могут стать для мусульманских народов успешной и востребованной альтернативой доктринам политического ислама.

Что касается возможности эволюции движений политического ислама и восприятия их лидерами демократических принципов на основе «исламской демократии», то теоретически такое развитие нельзя игнорировать. Приверженность демократическим принципам провозглашали лидеры таких упоминавшихся выше исламистских движений, как тунисская партия «Нахда», египетское отделение «Братьев-мусульман», алжирское «Рашад» и даже сирийское «Хайат Тахрир-аш-Шам». В связи с этим необходимо отметить, что в исламистском движении имеются как радикальные, так и умеренные, более прагматичные течения, которые способны пойти на изменение своих доктринальных установок. Вопрос заключается в том, насколько эти течения и их лидеры обладают возможностью занять главенствующие позиции в исламистском движении и противостоять давлению радикалов.

Список литературы

Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте : колл. монография / отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. – Москва : ИВ РАН, 2018. – 556 с.

Долгов Б.В. Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2020 гг. – Изд. 2-е, испр. и доп. / ФГБУН Институт востоковедения РАН. – Москва : ЛЕНАНД, 2022 г. – 300 с.

Долгов Б.В. Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы

(2011–2021) / ФГБУН Институт востоковедения РАН. – Москва : ЛЕНАНД, 2021 г. – 208 с.

Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг.: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир / ФГБУН Институт востоковедения РАН. – Москва : ЛЕНАНД, 2017 г. – 200 с.

Ислам. Энциклопедический словарь. – Москва : Наука, ГРВЛ, 1991. – 315 с.

Крылов А.В. «Джабхат ан-Нусра» – террористическая организация и участник сирийского конфликта // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 655–668. – DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-655-668.

Кутб С. Под сенью Корана (пер. с араб.). – Москва : Издательский дом «Умма», 2003. – 537 с.

Надеин-Раевский В.А. Пантюризизм: от Османской империи до наших дней. – Москва : ИМЭМО РАН, 2018. – 360 с.

Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Арабский калейдоскоп. – Москва : ИВ РАН, 2025. – 680 с.

Huntzinger J. Les printemps arabes et le religieux. – Paris: Editions Parole et Silence, 2014. – 99 p. – Франц. яз.

Kepel G. Sortir du chaos. Les crises en Méditerranée et au Moyen-Orient. – Paris : Editions Gallimard, 2018. – 514 p. – Франц. яз.

Maktouf L. Sauver la Tunisie. – Saint-Amand-Montrond (France) : Editions Fayard, 2013. – 210 p. – Франц. яз.

Rimbaud M. Tempête sur le grand moyen-orient. – Paris : Editions Ellipses, 2015. – 575 p. – Франц. яз.

Stern J., Berger J.M. ISIS, The State of Terror. – New York : Harper Collins Publishers, 2015. – 398 p.

Аль-Банна Х. = البنا حسن. Меморандум призыва и проповеди = مفكرة الدعوة والدعاة. – Каир : [б. и.], 1986. – 316 с. – Араб. яз.

Аль-Хатыб = الخطيب. Братство в Аллахе = اخو في الله. – Каир : [б. и.], [б/г]. – 312 с. – Араб. яз.

Мадани А. = مدني عباسي. Кризис современной мысли и оправдание исламского решения = ازمة الفكر الحديث ومبررة الحل الإسلامي. – Алжир : [б. и.], 1989. – 127 с. – Араб. яз.

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.09

Political Islam in Contemporary Social and Political Processes in the Arab-Moslem World

Boris V. DOLGOV

Dr. Sc. (History), Leading Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: dolgov.boris@list.ru

ORCID: 0000-0001-6541-5862

CITATION: Dolgov B.V. (2025). Political Islam in Contemporary Social and Political Processes in the Arab-Moslem World. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 5, pp. 167–182 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.09

Received: 08.08.2025.

Revised: 20.10.2025.

ABSTRACT. *The article focuses on the different factors contributing to the rise and development of Political Islam movements, as well as its conceptions and doctrinal directions. The methodology is represented by principles of the historisme, scientific objectivity and authenticity. The study aims at analyzing the attempts of Islamist movements' leaders to adopt the stance of the "Islamic democracy" which, in their rhetoric, is similar to European "Christian democracy". The article also examines the role of Political Islam movements that advocate for the "Islamic project" to be established in the social and political development of Muslim society at the present stage. To these ends, the countries such as Tunisia, Algeria, Syria are selected for study. Political Islam movements in these countries have most significantly demonstrated their influence on both electoral processes and socio-political dynamics*

as a whole. Islamist challenge for Russia is examined. Special attention in the article is paid to prospects for political Islam movements to develop a more receptive stance toward democratic principles grounded in "Islamic democracy".

KEYWORDS: *Political Islam, Islamic democracy, Islamic project, Tunisia, Algeria, Syria.*

References

- Al-Banna H. (1986). *Memorandum of Call and Sermon*. Cairo: s. n., 316 pp. (in Arabic).
- Al-Khatib (n/y). *Brotherhood in Allah*. Cairo: s. n., 312 pp. (in Arabic).
- Blizhniy Vostok... (2018). Baranovskiy V.G., Naumkin V.V. (eds.). *Middle East in Global Changing Context*. Moscow:

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 556 pp. (in Russian).

Dolgov B.V. (2021). *Syrian Withstanding: Internal and External Factors (2011–2021)*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 208 pp. (in Russian).

Dolgov B.V. (2022). *Islamic Movement in Algeria and Tunisia: 1970–2020*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 300 pp. (in Russian).

Huntzinger J. (2014). *The Arab Springs and Religion*. Paris: Editions Parole et Silence, 99 pp. (in French).

Islam... (1991). *Islam. Encyclopaedic Dictionary*. Moscow: Nauka, 1991, 315 pp. (in Russian).

Kepel G. *A Kind of Chaos. Crises in the Mediterranean and the Middle East*. Paris: Editions Gallimard, 514 pp. (in French).

Krylov A.V. (2017). “Jabhat al-Nusra” – Terrorist organization and participant of Syrian conflict. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 17, no. 4, pp. 655–668

(in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-655-668.

Kutb S. (2003). *Under Protection of Koran*. Moscow: Publishing House “Umma”, 537 pp. (transl. into Russian from Arabic).

Madani A. (1989). *Crisis of the Contemporary Thought and Justification of the Islamic Decision*. Alger: s. n., 127 pp. (in Arabic).

Maktouf L. (2013). *Save Tunisia*. Saint-Amand-Montrond (France): Editions Fayard, 210 pp. (in French).

Nadein-Raevskiy V.A. (2018). *Panturkism: From Ottoman Empire till Our Days*. Moscow: IMEMO, 360 pp. (in Russian).

Naumkin V.V., Kuznetsov V.A. (2025). *Arabic Kaleidoscope*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 680 pp. (in Russian).

Rimbaud M. (2015). *Storm over the Greater Middle East*. Paris: Editions Ellipses, 575 pp. (in French).

Stern J., Berger J.M. (2015). *ISIS, The State of Terror*, New York: Harper Collins Publishers, 398 pp.

УДК 328.1(1*ZA)

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.10

Южная Африка: есть ли единство в Правительстве национального единства?

Владимир Геннадьевич ШУБИН

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: vlgs@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9944-5135

ЦИТИРОВАНИЕ: Шубин В.Г. Южная Африка: есть ли единство в Правительстве национального единства? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 5. С. 183–198.
DOI: 10.31249/kgt/2025.05.10

Статья поступила в редакцию 22.06.2025.

Исправленный текст представлен 04.11.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена Правительству национального единства (ПНЕ), созданному в ЮАР в июне 2024 г. Этому предшествовали всеобщие выборы, на которых правящая партия «Африканский национальный конгресс» (АНК) потерпела неудачу, получив лишь 40,18% голосов избирателей. В связи с этим ее руководство выдвинуло предложение о создании Правительства национального единства и провело консультации с другими партиями, получившими места в парламенте. В результате долгих и трудных переговоров в состав этого правительства вошли 10 партий, в том числе «Демократический альянс» (ДА), являвшийся

ранее ведущей оппозиционной партией, однако вне ПНЕ остались 2 другие крупные партии – «Борцы за экономическую свободу» (ЭФФ) и «Умконто ве сизве» (МКП), лидером которой является бывший президент ЮАР и АНК Джейкоб Зума. Далее в статье рассматривается деятельность ПНЕ и особое внимание уделяется противоречиям между АНК и ДА, который безуспешно хотел, по существу, создать свое «правительство» внутри ПНЕ. Эти противоречия обострились при обсуждении в парламенте бюджета, который был поддержан, несмотря на сопротивление ДА. В заключении даются варианты прогноза на будущее ПНЕ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ЮАР, всеобщие выборы, Правительство национального единства, «Африканский национальный конгресс», «Демократический альянс», партия «Умконто ве сизве», партия «Борцы за экономическую свободу», Южноафриканская коммунистическая партия, Сирил Рамапо-са, Джон Стинхейзен.

30 июня 2025 г. исполнился год со дня формирования Правительства национального единства в ЮАР. Это не первое такое правительство в стране, а точнее, правительство с таким названием, потому что предыдущее имело существенно другой характер. Оно было создано в соответствии с Конституцией ЮАР, принятой в ноябре 1993 г. и начавшей действовать после первых демократических всеобщих выборов в апреле 1994 г.

Конституция эта была согласована в ходе многопартийных переговоров, участие в которых принимали различные политические сил, и явилась результатом достижения ими компромисса. Она предусматривала формирование правительства, в состав которого могли войти представители всех партий, получивших не менее 20 мест в Национальной ассамблее из 400 (то есть набравших не менее 5% голосов) избирателей, при этом количество занимаемых ими министерских постов было пропорционально полученным ими результатам¹. Поэтому в состав Кабинета министров вошли представители «Африканского национального

конгресса», победившего на выборах, ранее правившей Национальной партии и Партии свободы Инкаты.

В соответствии с Конституцией ПНЕ должна была просуществовать 5 лет – до следующих всеобщих выборов, даже после того, как Конституционная ассамблея примет постоянную Конституцию ЮАР, где такое разделение постов не предусматривалось². Однако в июне 1996 г. лидер НП Ф. де Клерк объявил о выходе его партии из правительства, мотивируя этот шаг тем, что проект постоянной Конституции ЮАР не предусматривает совместного принятия решений и НП не влияет на политику правительства, а также о своем уходе с поста заместителя президента и лидера НП³. Остается сказать, что НП, переименованная в Новую национальную партию, не могла стать серьезной оппозиционной силой и в 2004 г. самораспустилась. Представители «Инкаты» еще несколько лет сохраняли места в правительстве, а в последующие периоды президенты от АНК, обладавшего большинством мест в парламенте, иногда назначали на министерские посты членов одной или другой «малой» политической партии⁴, но о Партии национального единства речи уже не было.

Совсем другая политическая ситуация возникла в ЮАР после всеобщих выборов, состоявшихся 29 мая 2005 г. На фоне тяжелого экономического положения большинства населения, массовой безработицы, особенно среди молодежи, широко распространенной

1 Constitution. Republic of South Africa Act 200 of 1993 [repealed]. – URL: <https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-act-200-1993-repealed-28-jan-1994> (дата обращения: 1.06.2025).

2 Constitution of the Republic of South Africa. [Act] No. 108 of 1996. – URL: <https://www.gov.za/sites/default/files/images/a108-96.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

3 South African Government of National Unity (GNU) – 1994–1999 // African National Union Parliamentary caucus. – URL: <https://www.ancparliament.org.za/south-african-government-of-national-unity-gnu-1994-1999/> (дата обращения: 01.06.2025).

4 Так, президент Сирил Рамапоса в 2019 г. назначил на пост министра Патрисию де Лиль, лидера партии с необычным названием *Good* (то есть «Хорошая»), пользующейся поддержкой части «цветных» избирателей, в основном в провинции Западный Кейп.

коррупции АНК столкнулся с реальной возможностью потерять большинство в Национальной ассамблее, что могло поставить под сомнение избрание Сирила Рамапосы на второй срок (в ЮАР президент избирается не напрямую гражданами страны, а членами Национальной ассамблеи – нижней палаты парламента). И хотя публично целью АНК в 2025 г., как и ранее, было достижение большинства голосов на выборах и, соответственно, большинства мест в парламенте, сами его сторонники даже в СМИ говорили о возможности создания коалиций. Снижение голосов, отданных за АНК, до менее 50% предсказывало и большинство опросов. При этом и в личных беседах с автором видные деятели АНК признавали возможность такого результата, но их расчет был на создание ради достижения большинства голосов избирателей коалиции с несколькими «малыми» партиями при явном доминировании АНК.

Расчет этот оказался неверным. АНК получил лишь 40,18% голосов, то есть на 17% меньше, чем на выборах в 2019 г., и только 159 мест из 300 в Национальной ассамблее. При этом явка избирателей составила лишь 56,8% – самый низкий показатель за 30 с лишним лет существования демократической ЮАР⁵, что также сказалось на результатах.

Однако итоги выборов не соответствовали ожиданиям и ведущей оппозиционной партии – «Демократическо-го альянса». Ее лидер Джон Стинхейзен за несколько месяцев до выборов предложил создать альянс оппозиционных партий, амбициозно названный *Moonshot Pact*⁶, при этом сам он пояснил, что этот термин «используется

для обозначения достойной цели, которая является амбициозной, но достижимой при больших усилиях и целеустремленности»⁷.

Первоначально в состав альянса вошли 7 партий, в том числе ДА, «Инката», «Фронт свободы плюс» (ФФ+), объединяющая в основном африканеров, и партия *ActionSA*, созданная бывшим мэром Йоханнесбурга от ДА Херманом Машабой, а затем к ним присоединились еще 4 партии, включая Африканскую христианско-демократическую партию.

Вместе они имели 112 мест в предыдущем составе Национальной ассамблеи, то есть должны были почти удвоить их для получения более 50% мест и, соответственно, мандата на формирование правительства страны для «спасения Южной Африки». Причем официально документ о его создании стал именоваться «Многопартийной хартией» – явно по аналогии с «Многопартийными переговорами», которые привели к принятию демократической Конституции ЮАР, да и местом проведения конференции альянса был избран Всемирный торговый центр в Кемптон-Парке, где такие переговоры велись более трех десятилетий назад.

Несмотря на то что ДА получил большую финансовую поддержку, чем другие партии, число избирателей, проголосовавших за нее (21,81%), было лишь на один процент больше, чем в 2019 г., причем почти столько же голосов потеряла партия «Фронт свободы плюс», входившая в оппозиционный альянс. В целом же партии, входившие в этот альянс, набрали отнюдь не более половины голосов, а лишь 28,82% [Analysis..., 2024, p. 8].

5 В ЮАР объявили итоги всеобщих выборов // Российская газета. – 2024. – 2 июня.

6 Буквально – «Выстрел на луну».

7 The Moonshot Pact is ready for lift-off! // Democratic Alliance. – URL: <https://www.da.org.za/the-moonshot-pact-is-ready-for-lift-off> (дата обращения: 01.06.2025).

Так что потеря голосов АНК была вызвана отнюдь не оттоком их к «старой» оппозиции, а прежде всего к возникшей новой партии – «Умконто ве сизве». В ЮАР около 450 политических партий (!) и 52 из них участвовали во всеобщих выборах⁸, поэтому появление в сентябре 2024 г. еще одной партии, о создании которой объявил мало кому известный Джабулани Кумало (*Jabulani Khumalo*), не привлекло особого внимания. Название «Умконто ве сизве» («Копье нации») носила военная организация АНК, существовавшая с 1961 по 1993 г. Ее часто сокращенно именовали просто «Умконто» или МК, поэтому и новую партию стали называть МКП.

16 декабря 1961 г., как раз в очередную годовщину создания «Умконто», экс-президент ЮАР и АНК Джейкоб Зума неожиданно объявил на пресс-конференции, что не будет голосовать за «АНК Рамапосы», хотя и остается членом этой партии, а поддержит на выборах МКП. Более того, в представленном в Независимую избирательную комиссию списке кандидатов от этой партии Зума был назван первым, хотя по закону он не мог быть выдвинут, так как это запрещено для лиц, осужденных на срок более 12 месяцев, а он был приговорен к 15 месяцам «за неуважение к суду». Из списка кандидатов ему пришлось уйти, но попытка АНК добиться снятия судом этой партии с регистрации из-за ее названия была безуспешной, более того, фотография Зумы оста-

лась в избирательных бюллетенях как ее лидера.

Джейкоб Зума и после вынужденной отставки во многом сохранил популярность, особенно в его родной провинции – Квазулу-Наталь. Во многом благодаря этому МКП добилась 3-го места в масштабах всей страны, получив 14,58% голосов избирателей и 58 депутатских мандатов, а в Квазулу-Натале она получила немногим менее половины голосов, опередив АНК.

Хотя новая партия Зумы отобрала голоса в основном от АНК, часть полученных ею голосов, очевидно, потеряла партия «Борцы за экономическую свободу» – *Economic Freedom Fighters* (ЭФФ), которая уступила МКП 3-е место по результатам выборов с 9,52% голосов и 39 местами в парламенте – на 5 мест меньше, чем ранее. И наконец, 5-е место с 3,85% заняла «Инката», которая вместо 14 мандатов имеет 17.

Из остальных прошедших в парламент партий лишь одна – «Патриотический альянс» – получила более 2% (и 9 депутатских мест), все остальные – менее 2%. Но поскольку в ЮАР для прохождения в парламент нет процентного порога полученных голосов, представители еще 12 из них, в том числе возникших недавно, стали депутатами⁹. Представляется, что создание в ЮАР целого ряда новых партий было вызвано не только разочарованием части избирателей в «старых» партиях, но и немалой финансовой «подпиткой» их организаторов со стороны крупного бизнеса¹⁰, который рассчитывал,

8 Electoral Commission of South Africa. National Compensatory – List of Parties – Alphabetic Order. – URL: https://www.elections.org.za/pw/Documents/Parties-And-Independents/NPE%202024/National%20Compensatory%20-%20List%20of%20Parties_Alphabetic%20Order.pdf (дата обращения: 01.06.2025).

9 URL: <https://www.elections.org.za/pw/Parties-And-Candidates/List-Of-Parties-And-Independents> (дата обращения: 05.06.2025). Данные приводятся по: IEC Results Dashboard. 2024 National and Provincial Elections. – URL: <https://results.elections.org.za/dashboards/npe/> (дата обращения: 05.06.2025).

10 Electoral Commission issues Party Funding's Fourth Quarter Disclosure Report for the 2023–24 Financial Year. – URL: <https://www.gov.za/news/media-statements/electoral-commission-issue-party-funding%E2%80%99s-fourth-quarter-disclosure-report> (дата обращения: 05.06.2025).

что так можно лишить АНК части «черного» электората.

Поскольку ставка на получение большинства мест в парламенте путем привлечения «малых» партий не оправдалась, руководство АНК встало перед выбором партнера из трех «больших»: ДА, МКП и ЭФФ. Однако выбор любой из этих партий был для него затруднителен. Как ранее сам Зума до выборов, так и возглавляемая им партия после них публично отказалась иметь дело с «АНК – Рамапосы», они даже не признали результаты выборов, а избранные по списку этой партии члены парламента не стали присутствовать на его первом заседании и первоначально отказались принимать присягу.

В отличие от этой партии ЭФФ еще перед выборами допускала сотрудничество с АНК для получения мест в правительстве (именно такой «коалиции Судного дня» опасалось руководство ДА), но публично при этом требовала предоставления поста министра финансов, ключевого в условиях ЮАР, заместителю президента партии Флойду Шивамбу (по иронии судьбы он вскоре перешел на сторону Зумы, заняв пост генерального секретаря МКП, но вскоре лишился и этой должности и заявил о создании еще одной партии). Это требование позднее было снято, но ЭФФ настаивала, чтобы в будущее правительство не входили ДА и ФФ+ [Beukes, Chigwata, de Visser, 2024, p. 14].

Представляется, что большинство из высшего руководства АНК, прежде всего его президент, с самого начала склонялись к привлечению в новое

правительство ДА. Однако многие члены АНК выступили против институционального сотрудничества с партией, которая почти четверть века была его основным политическим противником. Против такого сотрудничества с ДА открыто выступила входящая в возглавляемый АНК «тройственный альянс» Южноафриканская коммунистическая партия (ЮАКП). При этом необходимо иметь в виду, что, по данным руководства этой организации, число членов ЮАКП реально лишь раза в 3 меньше, чем АНК¹¹, и почти все члены компартии одновременно состоят в конгрессе. Такую же позицию занял другой член этого альянса – Конгресс южноафриканских профсоюзов (КОСАТУ).

Резко против сотрудничества в ДА выступили ветераны борьбы против режима апартеида. «Плевком на могилы павших героев борьбы»¹² назвала пакт АНК с ДА Линдиве Сисулу, член Национального исполкома АНК, занимавшая до 2023 г. ряд постов в правительстве, в том числе министра обороны, разведывательных служб и международных отношений¹³.

В этой ситуации 6 июня 2024 г. Сирил Рамапоса заявил, что АНК приглашает все политические партии, представленные в парламенте, провести переговоры с целью создания Правительства национального единства [Beukes, Chigwata, de Visser, 2024, p. 15]. Участвовать в них отказалась только МКП, хотя позднее состоялись встречи и с ее представителями. Непосредственным результатом этих переговоров стала публикация 14 июня, в день,

11 По данным руководства АНК, число членов этой партии – 1 479 257, но лишь 809 361 из них «на хорошем счету» (*in good standing*), а в ЮАКП – 300 000 членов. – URL: <https://www.anc1912.org.za/> (дата обращения: 01.06.2025).

12 DA – ANC pact 'spits on Struggle icons' graves // IOL. – 2024. – URL: <https://www.iol.co.za/the-star/news/da-anc-pact-spits-on-struggle-icons-graves-a83a88ab-f926-4e79-910c-391050a81eba> (дата обращения: 01.06.2025).

13 Она происходит из семьи, члены которой прославились как участники освободительной борьбы; ее отец Уолтер был ментором Нельсона Манделы, членом высшего руководства АНК и ЮАКП, более 26 лет находился в заключении, мать Альбертина – сопредседателем Объединенного демократического фронта, один из братьев, Макс, который прошел академическую и военную подготовку в Советском Союзе, – спикером Национальном ассамблеи.

когда должно было состояться первое заседание Национальной ассамблеи, «Заявления о намерениях Правительства национального единства 2024 г.» (*Statement of Intent*), которую первоначально подписали АНК, ДА и «Патриотический альянс» [Beukes, Chigwata, de Visser, 2024, p. 10]. Оно включало 10 «фундаментальных ценностей» и «минимальную программу приоритетов» из 9 пунктов¹⁴.

Заявление это ссылалось на «прогрессивную Конституцию» ЮАР и содержало, прямо скажем, немало банальных фраз о стремлении к созданию «нерасового, несексистского, единого и демократического общества и к улучшению жизней всех, кто живет в нем». Более конкретной является «минимальная программа приоритетов», хотя назвать ее «минимальной» сложно: уже первый ее пункт предусматривает «быстрый, всеобъемлющий и устойчивый экономический рост, содействие инвестициям в основной капитал и индустриализацию, создание рабочих мест, преобразования, поддержку источников средств к существованию, земельную реформу, развитие инфраструктуры, структурные реформы и трансформационные преобразования, финансовую устойчивость и устойчивое использование национальных ресурсов и дарований».

И, пожалуй, наиболее важным разделом «Заявления о намерениях» является «Порядок работы Правительства национального единства, в котором указывается, что оно принимает решения в соответствии с установившейся практикой консенсуса, а когда он невозможен, применяется принцип до-

статочного консенсуса, при котором имеется согласие партий, представляющих 60% мест в Национальном собрании¹⁵. Учитывая, что АНК не хватает буквально 2 мест парламенте, чтобы не допустить такого развития событий, на практике это означает, что ему достаточно привлечь на свою сторону 2 партии, имеющие по 1 члену парламента или 1 партию с 2 такими членами.

В соответствии с Конституцией ЮАР первое заседание Национальной ассамблеи нового созыва должно состояться не позднее 2 недель после обнародования результатов выборов, и проведено оно было первоначально под председательством главы верховного судьи ЮАР Р. Зондо. Последняя попытка избежать вхождения ДА в правительство была предпринята накануне этого заседания, когда на пресс-конференции только что созданного «Прогрессивного совещания» (*Progressive caucus*) ЭФФ и другие 5 партий заявили, что их члены парламента вместе представителями АНК могут составить большинство, необходимое для избрания руководства палаты и президента. Но когда посты спикера и его заместителя получили соответственно Токо Дидиса, ранее являвшаяся министром, и представительница ДА Аннели Лотрит, стало ясно, что на состоявшихся накануне заседаниях руководящих органов АНК – Национального рабочего комитета и Национального исполнительного комитета позиция С. Рамапосы была поддержана и на выборах президента ЮАР он получил 283 голоса против 44 у лидера ЭФФ Джулиуса Малеми¹⁶.

14 Statement of Intent of the 2024 Government of National Unity. – URL: https://cisp.cachefly.net/assets/articles/attachments/93080_gnu_statement_of_intent_and_modalities_14_june_2024.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

15 Statement of Intent... P.6.

16 Cyril Ramaphosa re-elected South African president after ANC, DA reach deal // Al Jazeera. – 2024. – June 14. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/6/14/south-africas-parliament-choosing-president-amidst-uncertainty> (дата обращения: 05.06.2025).

Вскоре число партий, согласившихся войти в ПНЕ и подписавших «Заявление о намерениях», выросло до 10. 15 июня к первой «тройке» присоединились «Инката» и партия *Good*, 18 июня – ПАК, 20 июня – ФФ+, 21 июня – партии «Объединенное демократическое движение» (ОДМ) и *Rise Mzansi*¹⁷, 22 июня – мусульманская партия *Al Jama-ah* [Beukes, Chigwata, de Visser, 2024, p. 12]. Таким образом, создание ПНЕ поддержали 10 из 18 политических партий.

Проходило это на фоне затянувшихся переговоров о формировании ПНЕ. Только месяц спустя после выборов и почти две недели после инаугурации президента, состоявшейся 19 июня, С. Рамапоса в выступлении по телевидению объявил состав правительств. При этом его выступление состоялось с опозданием почти на час, и создавалось впечатление, что окончательно министерские посты были распределены в последний момент.

После формирования Кабинета министров С. Рамапоса заявил: «Как президент и глава исполнительной власти, я сегодня очень счастлив, что мы объединили все свои интеллектуальные возможности для работы на благо народа Южной Африки»¹⁸. Но не все в АНК и союзных с ним организациях разделяли эти чувства. Генеральный секретарь ЮАКП Солли Мапаила выразил мнение, что было бы идеально, если бы партия «Африканский национальный конгресс» объединила усилия с ЭФФ и МКП для формирования правительства. С. Мапаила согласился

с тем, что результаты выборов 29 мая вынудили АНК сотрудничать с другими партиями, но, хотя есть существенные разногласия АНК с партиями ЭФФ и МКП, «они могли бы найти друг друга и сформировать прогрессивное правительство. <...> Стратегическим врагом нашей революции является монополистический капитал, политически представленный через ДА»¹⁹. И действительно, программы ЭФФ и МКП в немалой степени повторяют те пункты программных документов АНК, которые, хотя и не отменены, не реализуются на практике.

Глубокий анализ «вызовов, возможностей и уроков» создания ПНЕ был сделан исследователями Института им. Даллы Омара²⁰ Университета Западного Кейпа в Кейптауне. Они писали: «ПНЕ – это, по сути, соглашение между правящими элитами. В связи с этим возникает вопрос о том, чьим интересам служит ПНЕ. Кроме того, ПНЕ как инструмент инклюзивности может противостоять воле народа, позволяя политическим лидерам, потерявшим доверие граждан, оставаться у власти. Они, как правило, ослабляют парламентский контроль над исполнительной властью, особенно когда все или большинство политических партий в парламенте представлены в этой исполнительной власти. При большом количестве руководителей и, в некоторых случаях, при расширении государственных служб обслуживание ПНЕ может быть дорогостоящим. Кроме того, учитывая необходимость заручиться поддержкой вовлеченных сто-

17 Мзанси («Южная» на языке коса) всё чаще называют ЮАР.

18 'I'm a very happy man': Ramaphosa as his unity cabinet gets to work // Times Live. – 2024. – July 4. – URL: <https://www.timeslive.co.za/politics/2024-07-04-im-a-very-happy-man-ramaphosa-as-his-unity-cabinet-gets-to-work/> (дата обращения: 15.06.2025).

19 ANC should have joined forces with EFF, MK to form a govt – SACP's Mapaila // Eyewitness News. – 2024. – July 24. – URL: <https://www.ewn.co.za/2024/07/24/anc-should-have-joined-forces-with-eff-mk-to-form-a-govt-sacps-mapaila> (дата обращения: 15.06.2025).

20 Далла Омар был видным деятелем антирасистского движения в Южной Африке, первым министром юстиции в правительстве Нельсона Манделы.

рон, ПНЕ может медленно принимать решения» [Beukes, Chigwata, de Visser, 2024, p. 38].

Как отмечали авторы этого исследования, «политические партии стремятся контролировать портфели, которые позволят им достичь целей, поставленных в их (предвыборных) манифестах» [Beukes, Chigwata, de Visser, 2024, p. 7]. И хотя по Конституции ЮАР членов Кабинета министров и заместителей министров назначает президент по своему усмотрению, даже когда состав партий, которые войдут в ПНЕ, уже определился, переговоры о распределении министерских постов шли долго и трудно. Основная проблема была в весьма различных позициях, которые занимали делегации АНК во главе с его генеральным секретарем Фикиле Мбабулой и ДА с председателем Федерального совета этой партии Хелен Зилле²¹.

Средствам массовой информации ЮАР стало известно содержание письма Х. Зилле в адрес Ф. Мбабулы, которое затем С. Рамапоса в письме Дж. Стинхейзену обоснованно назвал «оскорбительным, высокомерным и противоречащим Конституции»²². Она потребовала предоставить ее партии 12 постов в правительстве, включая посты заместителя президента ЮАР (или по меньшей мере министра по делам президента) и министра международных отношений и сотрудничества. При этом генеральные директора (то есть руководители аппарата) соответствующих министерств должны были назначаться по рекомендации «панели», в составе министров от ДА.

Речь фактически шла о планах создания ДА своего правительства внутри ПНЕ, и, естественно, они были отвергнуты: партии пришлось довольствоваться лишь 6 министерскими постами из 32, причем не самыми важными. При этом при контактах с руководством ДА С. Рамапоса подчеркивал необходимость согласования состава Кабинета министров и с другими предполагаемыми участниками ПНЕ, тем самым представители ДА как бы «растворялись» среди других. В связи с этим С. Рамапосе вместо сокращения Кабинета министров пришлось расширить его на 2 министерских поста, да еще предусмотреть создание 43 постов заместителей министров. В результате 10 из партий, подписавших «Декларацию о намерениях» (кроме АНК и ДА), и еще пять получили министерские посты, две удовлетворись постами заместителя министра, и лишь партия *Raise Mzansi* не вошла в правительство, но ее лидер Сонгезо Зиби стал председателем SCOPA – Постоянного комитета по государственному счетам, важнейшего в парламентской системе, «унаследованной» ЮАР от Великобритании.

Уже после создания ПНЕ представитель АНК Зуко Годимпи специально разъяснил его «фундаментальные принципы», особо упомянув, что «вся существующая правительственная политика без исключения остается эффективной до тех пор, пока она официально не будет пересмотрена в рамках процессов, основанных на консенсусе»²³. Тем не менее, войдя в правительство, ДА нередко противодействует реализации шагов, намеченных ранее

21 Зилле занимает этот пост с октября 2019 г. Ранее, с 2007 по 2015 г., она была лидером ДА, кроме того, с 2009 по 2019 г. являлась премьером провинции Западный Кейп, а еще ранее, с 2006 г., – мэром Кейптауна.

22 Ramaphosa lambastes Steenhuisen and Zille in scathing letter // The Citizen. – 2024. – URL: <https://www.citizen.co.za/news/south-africa/politics/ramaphosa-lambastes-steenhuisen-zille-scathing-letter/> (дата обращения: 05.06.2025).

23 ANC addresses policy platform confusion, urges public to understand GNU's core // IOL. – 2024. – URL: <https://www.iol.co.za/news/politics/anc-addresses-policy-platform-confusion-urges-public-to-understand-gnus-core-principles/> (дата обращения: 10.07.2024).

АНК. В ход при этом идут различные приемы – от прямого саботажа до обращения в суд. Своеобразной «подстраховкой» от подобных действий стало назначение заместителей от АНК всем министрам, представляющим другие партии, в то время как в ряде ключевых министерств их главами и заместителями стали представители АНК. Исключение среди них составило Министерство обороны и военных ветеранов, в котором должность министра уже 4-й раз заняла женщина. Но если трое из них в годы освободительной борьбы были в рядах «Умконто ве сизве», то на этот раз министром стала Анджи Моешекга, сугубо гражданский человек, которая до этого назначения 15 лет была министром основного (школьного) образования и которой в июне 2025 г. исполнилось 70 лет. Одним из ее заместителей был назначен также представитель АНК Ричард Мхунго, который в последние годы занимал пост президента SANCO – Южноафриканской национальной гражданской организации, объединяющей людей по месту жительства. Но другим заместителем министра стал генерал в отставке Бантубонке Холониса, лидер партии «Объединенное демократическое движение», являвшийся до всеобщих выборов членом парламентского комитета по обороне²⁴.

Довольно интересная картина сложилась в сельскохозяйственной сфере. Существовавшее ранее министерство было разделено на два: одно – сельского хозяйства, а другое – развития сельских районов и земельной реформы. Первое

возглавил лидер ДА Джон Стинхейзен, а второе – Мзванеле Нихонтсо, президент «Панафриканского конгресса» – партии, занимающей радикальные позиции по земельному вопросу.

Что касается внешнеполитического ведомства, то и министром, и двумя его заместителями, как и ранее, стали члены АНК, соответственно Рональд Ламола, являвшийся ранее министром юстиции, Алвин Боутс, сохранивший свой пост, и Анна Танди Марока, которой, как и министру, всего лишь 40 лет. Соответствующий пункт в «Заявлении о намерениях» отражает линию АНК: «внешняя политика, основанная на правах человека, конституционализме, национальных интересах, солидарности, мирном разрешении конфликтов, для реализации Африканской повестки дня на период до 2063 г., сотрудничества Юг – Юг, Север – Юг и Африка, многосторонность и справедливый, мирный образ жизни во всём мире»²⁵.

Однако нет уверенности, что бывшая оппозиция не помешает проводить эту линию. Проблемы, возникающие в связи с участием ее в ПНЕ, обозначила политический аналитик доктор Ренева Фурье²⁶ в своей статье, опубликованной под заголовком «Находится ли согласованность внешней политики в надежных руках по мере укоренения ПНЕ?» [Fourie, 2024]. Она подчеркнула, что внешней политикой в ЮАР занимается не только Министерство международных отношений и сотрудничества, находящееся под контролем АНК, но и несколько министерств, которыми

24 Б. Холониса, являвшийся «командующим Силами обороны» «независимого» Транскея, в результате переворота стал правителем этого бантустана и в начале 1990-х годов оказывал поддержку АНК и его вооруженному крылу. После смены власти в 1994 г. он был назначен заместителем министра и на конференции АНК в том же году даже занял 1-е место на выборах членов его Национального исполкома, но в 1996 г. был исключен из этой партии и создал ОДМ.

25 Declaration of Intent.

26 Она является не только супругой Барри Гилдера, писателя, в прошлом одного из руководителей спецслужб АНК и ЮАР, а до недавнего времени посла в Сирии и Ливане, но и членом ЦК ЮАКП.

при создании ПНЕ стали руководить представители ДА, в частности МВД²⁷, министерства связи и цифровых технологий, сельского хозяйства, лесного хозяйства, рыболовства и окружающей среды. Могут «существенно влиять на деятельность Южной Африки на глобальном уровне» и 6 заместителей министров от ДА.

Р. Фурье высказала опасение, что такие представители других политических сил, участвующих в ПНЕ, возможно, «не будут представлять официальный внешний курс ЮАР по различным вопросам в своих официальных и неофициальных контактах с иностранными коллегами, что негативно скажется на согласованности внешней политики» [Fourie, 2024].

Примеры таких действий уже есть. Например, министр внутренних дел от ДА Леон Шрейбер без согласия правительства принял решение о безвизовых поездках в ЮАР лиц с дипломатическими и служебными паспортами Украины²⁸. Активно использует бывшая оппозиция и механизмы судебной системы, полномочия которой в ЮАР, как считают многие, слишком «раздуты». Например, ДА еще ранее путем подачи жалобы в суд на Национальный регулятор энергии добились отсрочки планов производства 2500 МВт новыми АЭС. В СМИ ЮАР отмечалось, что в то время как ЮАР борется с хронической нехваткой

энергии, ДА противится использованию ядерной энергетики, «выступая за импорт солнечных панелей из Соединённых Штатов», и в этом активную роль играет Саманта Грэм-Маре, заместитель министра энергетики от этой партии²⁹.

Остановимся на важнейших трех случаях, когда действия ДА были отнюдь не в духе «национального единства». Прямо нарушая государственную дисциплину, Сививе Гварубе, министр базового образования от ДА, отказалась присутствовать на официальной церемонии подписания президентом закона о поправках к ранее принятому Закону о базовом образовании, которые направлены на усиление роли государственных структур в сфере образования, и С. Рамапосу призвали уволить ее с должности министра³⁰, но он на это не пошел.

Другим «камнем преткновения» стал также уже принятый парламентом ЮАР³¹ Закон о введении национально-го медицинского страхования (NHI) – системы финансирования здравоохранения, направленной на обеспечение всех южноафриканцев необходимыми медицинскими услугами независимо от их дохода, который ДА «безоговорочно отвергала»³². Президент С. Рамапоса подписал его 15 мая 2024 г., то есть еще накануне выборов, но в мае 2025 г. суд постановил, что его решение может быть пересмотрено, и ему пришлось

27 В ЮАР имеется отдельное Министерство полиции.

28 Presidency challenges Leon Schreiber over signing of SA-Ukraine visa deal // Business Day. – 2024. – October 28. – URL: <https://www.businesslive.co.za/bd/national/2024-10-28-presidency-challenges-leon-schreiber-over-signing-of-sa-ukraine-visa-deal/> (дата обращения: 01.06.2025).

29 Baethe Msimang, Energy crisis looms as DA's stance against nuclear energy threatens stability and economy // IOL. – 2004. – URL: <https://www.iol.co.za/news/politics/opinion/energy-crisis-looms-as-das-stance-against-nuclear-energy-threatens-stability-and-economy-57881fe9-cc48-42d7-a1ca-5fb9e7ba7344> (дата обращения: 10.07.2024).

30 ANC's alliance partners call for education minister Siviwe Gwarube to be fired over Bela Act boycott // Mail & Guardian. – 2024. – September 25. – URL: <https://mg.co.za/politics/2024-09-25-ancs-alliance-partners-call-for-education-minister-siviwe-gwarube-to-be-fired-over-bela-act-boycott/> (дата обращения: 05.06.2025).

31 Законопроект об этой системе был внесен еще в 2019 г.

32 National Health Insurance Bill (B11–2019). Democratic Alliance Minority Report. – URL: https://static.pmg.org.za/Democratic_Alliance_Minority_Report_on_NHI.pdf (дата обращения: 15.6.2025).

обращаться в более высокую судебную инстанцию³³.

Противоположные позиции АНК и ДА занимают и по принятому парламентом и подписанному президентом 20 декабря 2024 г. Закону об экспроприации³⁴, который должен «регулировать процедуру экспроприации собственности для общественных целей или в общественных интересах, включая выплату компенсации, определять случаи, когда предоставление нулевой компенсации может быть справедливым при экспроприации в общественных интересах». При этом предусматривается, что «общественные интересы включают приверженность страны земельной реформе и реформам, направленным на обеспечение равного доступа ко всем природным ресурсам ЮАР, с целью устранения последствий прошлых законов или практики расовой дискриминации», и что «собственность не ограничивается землей»³⁵.

Этот закон отнюдь не предусматривает «захват земли у белых фермеров», как это нередко утверждают в СМИ, в том числе и российских. Напротив, в нем конкретно указывается, в каких случаях «может быть справедливым не выплачивать никакой компенсации». Это допускается в следующих случаях: когда земля не используется и основной целью владельца является не освоение земли или использование ее для получения дохода, а получение выгоды от повышения ее рыночной стоимости; когда государственный орган владеет землей, которую он не ис-

пользует для своих основных функций, и нет разумной вероятности, что эта земля потребуется ему для его будущей деятельности в этом отношении, и государственный орган приобрел эту землю бесплатно; когда владелец отказался от земли, не осуществив контроль над ней, несмотря на разумную возможность сделать это; если рыночная стоимость земли эквивалентна или меньше текущей стоимости прямых государственных инвестиций или субсидий на приобретение и выгодное использование и капитальное благоустройство земли»³⁶.

ДА с самого начала выступал против этого закона, не изменилась его позиция и при вхождении в ПНЕ. 25 мая 2025 г. его Федеральный совет принял резолюцию, гласящую о том, что ДА «продолжит бороться против экспроприации без компенсации всеми возможными способами» и, в частности, что он «продолжит оспаривать конституционность Закона об экспроприации в Высоком суде»³⁷.

Примечательно, что отказ АНК от своей позиции по 3 вышеназванным пунктам был платой, которую ДА требовал за согласие поддержать в парламенте проект бюджета на 2025/2026 финансовый год (в ЮАР он начинается с 1 апреля). Обсуждение этого вопроса и голосование по нему показали, сколь непрочным является в ЮАР «национальное единство», которое призвано воплощать ПНЕ.

Парламент с большим опозданием принял лишь 3-й проект бюджета. Пер-

33 Ramaphosa says decision to sign NHI Bill was politically sensitive // Mail & Guardian. – 2025. – May 19. – URL: <https://mg.co.za/politics/2025-05-19-ramaphosa-says-decision-to-sign-nhi-bill-was-politically-sensitive/> (дата обращения: 05.06.2025).

34 Government Gazette, Republic of South Africa // 2025. – January 24. – URL: https://www.parliament.gov.za/storage/app/media/Acts/2024/Act_13_of_2024_Expropriation_Act_2024.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

35 Ibid.

36 Ibid.

37 DA Federal Council affirms longstanding Party position: We reject 'nil compensation' in acts of expropriation // DA. – 2025. – URL: <https://www.da.org.za/2025/05/da-federal-council-affirms-longstanding-party-position-we-reject-nil-compensation-in-acts-of-expropriation> (дата обращения: 18.06.2025).

воначально проект бюджета предполагал увеличение налога на добавленную стоимость на 2%, что вызвало резкую критику и правой, и левой части политического спектра ЮАР. Да и после снижения этой цифры до 0,5% и несколько участников ПНЕ, в том числе ДП и ФФ+, и левые ЭЭФ и МКП, и союзники АНК – ЮАКП и КОСАТУ выступили против такого бюджета. Речь уже шла о возможности проведения новых выборов. Но урегулировать эту, казалось бы, тупиковую для АНК ситуацию, и довольно неожиданно, помогла партия, не входящая в ПНЕ – *ActionSA*, которая согласилась поддержать проект бюджета, предусматривавший повышение НДС на 0,5% при условии, что в течение месяца будут найдены средства, которые позволят обойтись без такого повышения³⁸.

Таким образом была показана бесосновательность претензии Джона Стинхейзена на то, что «ДА поддерживает баланс сил в правительстве национального единства» и что «без поддержки ДА в парламенте у ПНЕ не будет большинства»³⁹, а также утверждения Хелен Зилле о том, что новое правительство «на самом деле является коалицией между ее партией и АНК, а не ПНЕ»⁴⁰.

Но и АНК потерял авторитет, у его противников появилась возможность изображать его как партию, выступающую «против черных и против бедных». Остается добавить, что средства так и

не были найдены, и пришлось поставить на голосование новый проект бюджета, который уже не предусматривал повышение НДС⁴¹, и за него голосовали все партии, входящие в ПНЕ.

Бюджетный кризис, почти совпавший по времени с годовщиной выборов и создания ПНЕ, активизировал дискуссию о его перспективах и усилил позиции тех, кто критически относится к нему: «Когда после выборов 2024 г. было сформировано Правительство национального единства, оно было представлено южноафриканцам как смелая перезагрузка, ответ на годы застоя, коррупции и растущего неравенства. Некоторые называли это «чуждом демократией», но по прошествии года это чудо стало казаться управляемой иллюзией. <...> И чем дольше коалиция не может показать ощутимых результатов, тем больше растет разочарование избирателей. Спустя год после основания ПНЕ вердикт становится отрезвляющим. ПНЕ оказалась крайне неэффективной в изменении жизни южноафриканцев»⁴².

Очередной кризис в ПНЕ не заставил себя долго ждать. 25 июня президент С. Рамапоса уволил с поста заместителя министра торговли, промышленности и конкуренции представителя ДА Эндрю Уитфилда. Первоначально причина его снятия с поста не была сообщена, однако Дж. Стинхейзен сам назвал ее. Э. Уитфилд совершил визит в США, не дождавшись

38 Stop the VAT hike and stealth taxes // ActionSA. – URL: <https://www.actionsa.org.za/stopping-the-vat-hike-and-stealth-taxes/> (дата обращения: 15.06.2025).

39 'DA holds balance of power in Government of National Unity': John Steenhuisen reviews party's role in GNU // IOL. – 2024. – URL: <https://iol.co.za/news/politics/2024-09-12-da-holds-balance-of-power-in-government-of-national-unity-john-steenhuisen-reviews-partys-role-in-gnu/> (дата обращения: 01.06.2025).

40 Helen Zille's GNU/coalition comments irritate, says Fikile Mbalula // Sowetan. – 2024. – August 1. – URL: <https://www.sowetanlive.co.za/news/south-africa/2024-08-01-helen-zilles-gnu-coalition-comments-irritate-says-fikile-mbalula/> (дата обращения: 15.06.2025).

41 Parliament Agrees to the 2025 Fiscal Framework and Revenue Proposals. – URL: www.parliament.gov.za/press-releases/parliament-agrees-2025-fiscal-framework-and-revenue-proposals (дата обращения: 20.06.2025).

42 One Year of the GNU – A Mirage Sold as a Miracle // IOL. – 2025. – URL: <https://iol.co.za/opinion/2025-06-18-one-year-of-the-gnu-a-mirage-sold-as-a-miracle/> (дата обращения: 15.06.2025).

согласия президента, причем в составе делегации Демократического альянса, который стремится проводить собственную внешнюю политику.

Лидер ДА объявил президенту ультиматум (он употребил именно такое слово), требуя увольнения в течение 48 часов двух министров от АНК и одного заместителя министра, имена которых он назвал, и других членов правительства от АНК, «замешанных в коррупции», пригрозив при этом «тяжелыми последствиями»⁴³.

Однако руководство АНК проявило необходимую твердость, да и другие члены ПНЕ не поддержали демарша ДА. «Пусть будет ясно, что президент не поддастся угрозам и ультиматумам, особенно исходящим от членов исполнительной власти, которых он имеет прерогативу назначать в соответствии с Конституцией Южно-Африканской Республики», – говорилось в заявлении С. Рамапосы⁴⁴.

ДА был вынужден пойти на попятную, и вместо выхода из ПНЕ, о чем прозрачно намекало его руководство, эта партия лишь отказалась от участия в Национальном диалоге, проведение которого предложил президент С. Рамапоса. Продолжение участия в ПНК руководство ДА объяснило стремлением избежать «коалиции хаоса»⁴⁵, однако представляется, что «ультиматум» и его провал лишь ослабили позиции этой партии в ПНЕ.

После заседания Национального исполкома АНК, состоявшегося в начале августа 2025 г., его генсек Фикиле Мбабула сообщил, что было принято решение расширить состав ПНЕ. Не называя прямо причины такого решения, он указал на то, что его партии время от времени приходится сталкиваться с «политическими махинациями» ДА в ПНЕ. Он особо отметил, что «некоторые действия ДА сыграли на руку Д. Трампу, который хотел, чтобы страна отменила некоторые из своих преобразующих законов. Позиция ДА отражает глубоко укоренившееся неоимпериалистическое мышление, которое стремится подчинить суверенное право Южной Африки определять свою собственную экономическую судьбу интересами иностранных держав и местных элит»⁴⁶.

Месяц спустя он же сообщил, что в течение двух-трех недель (то есть до конца сентября) АНК «будет взаимодействовать со сторонами, не входящими в нынешний пакт 10 партий, стремясь перезагрузить и укрепить ПНЕ, гарантируя при этом, что АНК останется сильным. Это следует из более раннего заявления АНК о заинтересованности в расширении коалиции, которая уже столкнулась с такими препятствиями, как неспособность согласовать бюджет на 2025 г., что вынудило АНК обратиться за поддержкой к оппозиционным партиям в парламенте»⁴⁷. Такие заявления явно встревожили руководство ДА,

43 DA issues 48-hour ultimatum to Ramaphosa after unjust firing of Whitfield // DA. – 2025. – URL: <https://www.da.org.za/2025/06> (дата обращения: 10.08.2025).

44 Statement by President Cyril Ramaphosa on the removal of Deputy Minister Whitfield. Friday, 27 June 2025. – URL: <https://www.thepresidency.gov.za/statement-president-cyril-ramaphosa-removal-deputy-minister-whitfield> (дата обращения: 30.06.2025).

45 Selane. E. Leaving GNU would cause 'coalition of chaos', says Steenhuisen as DA escalates pressure // The Citizen. – 2025. – URL: <https://www.citizen.co.za/news/south-africa/politics/leaving-gnu-would-cause-coalition-of-chaos-says-steenhuisen-as-da-escalates-pressure/> <https://centralnews.co.za/anc-to-update-nation-on-possible-gnu-expansion-amid-coalition-tensions-and-budget-challenges/> (дата обращения: 10.08.2025).

46 Nare S. GNU set to expand to safeguard SA's progressive agenda // Insidepolitic. – 2025. – August 6. – URL: https://inside-politic.co.za/gnu-set-to-expand-to-safeguard-sas-progressive-agenda/?_sc=NDU1MzI4NCMzNTg1MQ%3D%3D (дата обращения: 10.08.2025).

47 ANC to Update Nation on Possible GNU Expansion Amid Coalition Tensions and Budget Challenges // Central News. – 2025. – September 3. – URL: <https://centralnews.co.za/anc-to-update-nation-on-possible-gnu-expansion-amid-coalition-tensions-and-budget-challenges/> (дата обращения: 10.09.2025).

которое «предупредило, что добавление партий может осложнить процесс принятия решений и помешать эффективному управлению», а Дж. Стинхейзен напомнил, что в соответствии с «Заявлением о намерениях» в этом случае потребуется «достаточный консенсус». Более того, он прямо заявил о риске приглашения таких партий, как МКП или ЭФФ, которое «может нарушить динамику коалиции»⁴⁸.

Так или иначе, создается впечатление, что угроза расширения состава ПНЕ «приструнила» амбиции ДА, что сказалось на успешном проведении 2–3 ноября совещания с участием лидеров всех 10 входящих в него партий. Первоначально оно рассматривалось как «секретное», но по его итогам было выпущено заявление, составленное в весьма позитивном тоне⁴⁹. Достаточно сказать, что, судя по принятому документу, его участники были единодушны в том, что ПНЕ «единое и сильное». Обращает на себя внимание, что, судя по нему, ДА отказался от намерения не участвовать «во всеобъемлющем национальном диалоге». Заслуживает внимания и решение о создании «информационно-координационного механизма (*Clearing House*) в качестве рабочей группы ПНЕ», основными задачами которой являются «рассмотрение политики и связанных с ней областей, в которых возможны расхождения внутри ПНЕ».

Правительству национального единства в ЮАР предсказывают различное будущее: от коллапса в скором будущем до сохранения до новых всеобщих выборов в 2029 г. Однако, пожалуй, наиболее распространенным является мнение о том, что ПНЕ может просуществовать еще три года и распадется,

когда входящие в него партии начнут свои выборные кампании.

Но до этого времени, до 2028 г., должны произойти 2 события, которые могут повлиять на его судьбу. В будущем году в ЮАР пройдут выборы в местные органы власти, которые позволят понять, насколько изменилось предпочтение избирателями той или иной политической партии после создания ПНЕ. При этом немаловажно, что ЮАКП впервые собирается принять участие в выборах самостоятельно, «параллельно» с АНК. Решение об этом было принято еще несколько лет назад, хотя его исполнение отсрочено после избрания С. Рамапосы президентом ЮАР. Однако 5-й специальный национальный съезд ЮАКП, состоявшийся в декабре 2024 г., на котором резко критиковался состав ПНЕ, подтвердил участие этой партии в выборах в 2026 г. «независимо от АНК». На практике это может означать выход из ПНЕ 3 министров и нескольких заместителей министров, являющихся членами ЮАКП.

В 2028 г. должно произойти еще более важное событие – Национальная конференция АНК, на которой ожидается смена его руководства. В Уставе (точнее, в Конституции) АНК нет ограничений на сроки пребывания на посту президента партии, но маловероятно, чтобы С. Рамапоса пошел на это, так что у АНК будет новый президент партии, который, может быть, еще до всеобщих выборов займет и пост президента ЮАР и, соответственно, должен возглавить ПНЕ.

Известный южноафриканский ученый Роджер Саутхолл писал: «Если исходить из прецедента, то это приведет к досрочной смене С. Рамапосы на посту президента государства до всеобщих выборов 2029 г. Что произойдет тогда с Пра-

48 Ibid.

49 Presidency on leaders of the parties to the Government of National Unity. – URL: <https://www.gov.za/news/media-statements/presidency-leaders-parties-government-national-unity-03-nov-2025> (дата обращения: 03.11.2025).

вительством национального единства? Возможно ли оно без С. Рамапосы, примирителя, во главе этого правительства? Или даже если он доживет до конца своего президентского срока, переживет ли Правительство национального единства его эвентуальный уход?» [Southhall, 2024].

Список литературы

Analysis of South Africa's 2024 Elections and the Coalitions Aftermath / Ed. by S. Booysen. – MISTRA. – 2024. – August. – 112 p. – URL: https://mistra.org.za/wp-content/uploads/2024/08/CG58_MISTRA-ELECTIONS-COALITIONS-REPORT_JB_V6.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

Beukes J., Chigwata T., de Visser J. Unpacking the 2024 Government of National Unity in South Africa: Challenges, Opportunities and Lessons for Stable Coalition

Governance. – Bellville : Dulla Omar Institute, 2024. – 47 p. – URL: <https://dullahomarinstitute.org.za/multilevel-govt/publications/doi-policy-brief-on-gnus.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

Fourie R. Is foreign policy coherence in safe hands as GNU takes root? // The African. – 2024. – July 7. – URL: <https://theafrican.co.za/politics/is-for-foreign-policy-coherence-in-safe-hands-as-gnu-takes-root-40077a20-235f-470f-acf9-85dff93644c9/> (дата обращения: 01.06.2025).

Southhall R. South Africa's unity government could see a continuation of the ANC's political dominance – and hurt the DA // Conversation. – 2024. – 24 July. – URL: <https://theconversation.com/south-africas-unity-government-could-see-a-continuation-of-the-ancs-political-dominance-and-hurt-the-da-235136> (дата обращения: 15.06.2025).

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.10

South Africa: Is There Unity in the Government of National Unity?

Vladimir G. SHUBIN

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher Fellow
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001
E-mail: vlgs@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9944-5135

CITATION: Shubin V.G. (2025). South Africa: Is There Unity in the Government of National Unity? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 5, pp. 183–198 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.05.10

Received: 22.06.2025.
Revised: 04.11.2025.

ACKNOWLEDGEMENT. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

ABSTRACT. *The article focuses on the Government of National Unity formed in South Africa in June 2024. Its establishment followed the general elections, in which the ruling African National Congress (ANC) underperformed, receiving only 40.18% of the votes. In this regard, the ANC leadership put forward a proposal to establish the Government of National Unity (GNU) and engaged in consultations with other parliamentary parties. As a result of long and difficult negotiations, the government included ten parties, including the Democratic Alliance (DA), which had previously been the leading opposition party. However, two other major parties (the Economic Freedom Fighters (EFF) and the Umkhonto we Sizwe (MKP), led by former South African President and ANC leader Jacob Zuma) remained outside the GNU. The article subsequently examines the activities of the GNU, with a particular focus on the tensions between the ANC and the DA, the latter having unsuccessfully attempting to establish its own “government” within the GNU. The paper concludes by outlining possible future scenarios for the GNU.*

KEYWORDS: *South Africa, general elections, Government of National Unity, African National Congress, Democratic Alliance, Umkhonto we Sizwe party, Economic Freedom Fighters party, South African Communist Party, Cyril Ramaphosa, John Steenhuisen.*

References

- Analysis... (2024). Booysen S. (ed.). *Analysis of South Africa's 2024 Elections and the Coalitions Aftermath*. *Mistra*. August, 112 pp. Available at: https://mistra.org.za/wp-content/uploads/2024/08/CG58_MISTRA-ELECTIONS-COALITIONS-REPORT_JB_V6.pdf, accessed 15.06.2025.
- Beukes J., Chigwata T., de Visser J. (2024). *Unpacking the 2024 Government of National Unity in South Africa: Challenges, Opportunities and Lessons for Stable Coalition Governance*. Bellville: Dulla Omar Institute, 47 pp. Available at: <https://dullahomarinstitute.org.za/multilevel-govt/publications/doi-policy-brief-on-gnus.pdf>, accessed 15.06.2025.
- Fourie R. (2024). Is foreign policy coherence in safe hands as GNU takes root? *The African*. July 7. Available at: <https://theafrican.co.za/politics/is-foreign-policy-coherence-in-safe-hands-as-gnu-takes-root-40077a20-235f-470f-acf9-85dff93644c9/>, accessed 01.06.2025.
- Southhall R. (2024). South Africa's unity government could see a continuation of the ANC's political dominance – and hurt the DA. *Conversation*. 24 July. Available at: <https://theconversation.com/south-africas-unity-government-could-see-a-continuation-of-the-ancs-political-dominance-and-hurt-the-da-235136>, accessed 15.06.2025.

Вокруг книг

УДК 324(1*EG)

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.11

Египетские выборы как отражение сложной внутриполитической борьбы в стране

Мария Андреевна ВОЛОДИНА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: volodinamarie@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4149-9907

ЦИТИРОВАНИЕ: Володина М.А. Египетские выборы как отражение сложной внутриполитической борьбы в стране // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 5. С. 199–207.

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.11

Статья поступила в редакцию 15.11.2025.

Исправленный текст представлен 10.12.2025.

АННОТАЦИЯ. В книге Хешама Саллама (Hesham Sallam) «Classless Politics. Islamist Movements, the Left, and Authoritarian Legacies in Egypt» предпринята попытка рассмотреть и проанализировать условия становления многопартийной системы в Египте. Гамаль Абдель Насер и его единомышленники отрицательно относились к самой идее многопартийности, поскольку считали, что многопартийность будет иметь следствием восстановление монархического строя в стране. По рекомендации США египетское руководство во главе с Анваром Садатом начинает строительство многопартийной системы. Внутри Арабского социалистического союза появляются три «платформы»: левая, правая и центристская. А. Садат лично хотел интегрировать в эту формирующуюся

систему исламистов, чтобы противопоставить их левым силам. При Хосни Мубараке политическая система развивалась в условиях становления новых социально-политических сил, включая молодежные. Особенностью развития Египта при Х. Мубараке был энергичный (для Египта) экономический рост. Однако еще более значительным был рост народонаселения, что и привело в 2010–2011 гг. к обострению противоречий между обществом, требующим лучших условий жизни, и властью, возглавляемой президентом преклонного возраста. Социальный взрыв стал неизбежным следствием избранной правящими кругами страны модели экономического развития. Совершенно очевидно, что власти в Египте должны активно развивать социально-экономические реформы в стране, проводить

поступательную модернизацию для нивелирования возможных социальных взрывов в будущем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Египет, многопартийная система, выборы, гражданское общество на Востоке.*

В рецензируемой книге Х. Саллама «Бесклассовая политика. Исламистские движения, левые и авторитарное наследие в Египте» фактически описываются условия становления многопартийной системы в Египте. Монография опубликована в 2022 г. в книжной серии Колумбийского университета (США), посвященной ближневосточной политике.

Книга представляет собой развернутый вариант диссертации автора на соискание ученой степени доктора политологии. Возможно, из-за этого монография организована достаточно нестандартно. Пяти главам предшествует 21-страничное введение «Больше от идентичности, меньше от класса: путь к бесклассовой политике». Первая глава озаглавлена «Наследование долгов Насера: взлет и падение Социального пакта насеристов» [Sallam, 2022, р. 22–70], вторая – «Включение исламизма в сферу науки и веры» [Sallam, 2022, р. 71–143], третья – «Братья Саadata: объединение с исламистами и автономный путь» [Sallam, 2022, р. 144–170], четвертая – «Товарищи Насера: государственная опека и зависимый путь» [Sallam, 2022, р. 171–212], наконец, пятая – «Объединение с исламистами, национальная идентичность и левые: история двух товарищей» [Sallam, 2022, р. 213–274]. После 18-страничного заключения «Размышления о наследии исламистской инкорпорации и политике после правления Мубарака» представлены, однако, еще на 160 страниц различные справочные материалы: приложения, примечания, библиография, указатель собственных имен.

В монографии описываются основные события общественно-политической жизни Египта с низвержения короля Фарука (1952 г.) до наших дней. Проводится мысль об истощенности социально-экономической модели «государственного социализма» (которая ассоциируется с именем Г.А. Насера) и о неизбежности замещения этой модели развития «рыночной экономикой» А. Саadata и его единомышленников. В монографии обращено внимание на значительность оппозиции курсу «либерализации» египетской экономики как в массовых слоях населения, так и в среде самих египетских элит. Как отмечает Х. Саллам, А. Саадат искусно использовал исламистские силы против своих оппонентов в левой части политического спектра.

При этом, на мой взгляд, можно выделить 6 основных содержательных тезисов в этой формально весьма объемной монографии.

Во-первых, Г. Насер и его единомышленники отрицательно относились к самой идее многопартийности, поскольку считали, что многопартийность будет иметь следствием восстановление монархического строя в стране.

Во-вторых, Г. Насер проводил внешнюю политику, смысл которой был в «лавировании» между СССР и США. Такая политика до определенного времени была эффективной. СССР помог в строительстве Асуанской плотины, а США снабжали Египет продовольствием по закону PL 480. Такая политика продолжалась до поражения Египта в войне 1967 г. Возможности лавирования критически сузились, тем более что советское руководство во главе с Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным не было склонно удовлетворять все запросы Египта.

В-третьих, постепенно, еще до смерти Г. Насера, правые силы начали критику госсектора египетской экономики,

утверждая, что только рыночный подход и опора на США и Запад позволят решить социально-экономические проблемы страны. После смерти Г. Насера влияние прозападных сил стало заметно. Тем более что их исподволь поддерживал А. Садат.

В-четвертых, постепенная нормализация египетско-израильских отношений, в которой трудно переоценить роль Г. Киссинджера, была увенчана кэмп-дэвидскими соглашениями, уже при администрации Дж. Картера. Египет начал открытый дрейф в сторону от Советского Союза.

В-пятых, по рекомендации США египетское руководство во главе с А. Садатом начинает строительство многопартийной системы. Внутри Арабского социалистического союза появляются три «платформы»: левая, правая и центристская. А. Садат лично хотел интегрировать в эту формирующуюся систему исламистов, чтобы противопоставить их левым силам. Политики левой ориентации, под давлением исламистов, были вынуждены подчиниться логике действий режима А. Садата и руководящей роли его лагеря в политическом развитии страны. При этом А. Садат рассчитывал, что сможет контролировать террористическую организацию «Братья-мусульмане»¹ через систему создаваемых при его направляющей роли институтов. Однако этим надеждам не суждено было сбыться, и сам А. Садат пал от действий «Братьев-мусульман» в 1982 г.

В-шестых, при преемниках А. Садата, в частности при Х. Мубараке, политическая система развивалась в условиях становления новых социально-политических сил, включая молодежные. Особенностью развития

Египта при Х. Мубараке был энергичный (для Египта) экономический рост. Однако еще более значительным был рост народонаселения, что и привело в 2010–2011 гг. к обострению противоречий между обществом, требующим лучших условий жизни, и властью, возглавляемой президентом преклонного возраста.

Одной из важных целей исследования стал процесс превращения властвующего режима в «незаменимого» арбитра в социальных конфликтах в стране. В монографии отмечается, что «схемы экономической либерализации» претворялись в жизнь деятелями-автократами и авторитарными методами. Хешам Саллам полагает, что наблюдения и выводы о жизни Египта после 1970 г. (т. е. после кончины Г.А. Насера) имеют более широкое, чем для политической истории Египта, значение. Развитие и внедрение принципов авторитаризма имело следствием проведение нынешним президентом Аль-Сиси «ультранационалистической линии», которая всякого оппонента политического режима квалифицирует как «врага египтян и их стиля жизни» [Sallam, 2022, p. 292].

Задача осмысления глубокой природы протестов на Арабском Востоке

Показателем развития гражданских отношений и гражданского общества в Египте может служить активное развитие партийно-политической системы в стране. Если раньше, в 60–70-е годы прошлого века, доминирующие позиции принадлежали Арабскому социалистическому союзу, то в настоящее время мы наблюдаем множественность политических партий, которые выражают

¹ Включена в список организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

интересы не только крупных коалиций населения, но и отстаивают запросы небольших общностей, а также конфессиональных групп наиболее развитой страны арабского мира. Египетское общество фрагментировано; отсюда и вытекает особая роль государства и политической власти как «собирателей» этого сложносоставного гражданского общества, поэтому столь заметны авторитарные тенденции в политической жизни современного Египта.

Как еще в начале 2010-х годов отмечал известный отечественный востоковед А.Г. Володин, протестные движения, захватившие почти все страны Арабского Востока, требуют взвешенного анализа и спокойной, академической оценки их социально-политического содержания. В первую очередь это утверждение относится к Египту, не только лидеру арабской ойкумены, но и стране, от внутреннего состояния которой напрямую зависит становление нового, полицентрического мира. Так что же являют миру египетские события – крайнее выражение стихийного недовольства народа парализующей общество коррупцией, отсутствием возможностей политического самовыражения и лишением жизненных перспектив молодежи – наиболее динамичной и многочисленной части населения? Или мы являемся свидетелями трансформации традиционного народного бунта в более сложные, «продвинутое» формы социальной организации? Всякие категоричные суждения непозволительно упростят формирующуюся «в режиме реального времени» жизненную реальность [События..., 2011, с. 17].

Египетские события заставляют нас вновь обратиться к теоретико-методологическому наследию отечественной науки о переходных обществах. В советские времена у нас было принято различать революции *политические*

(то есть кардинальное изменение характера политической системы и ее отношений с обществом) и революции *социальные*, означающие фундаментальные сдвиги во всей системе общественных отношений (иными словами, смену парадигматики развития социума). С точки зрения социальной теории и Египет, и Тунис – это примеры *незавершенных* политических революций. Глубина их воздействия на весь Арабский Восток столь значительна, что «поднялись» и периферийный Йемен, и относительно благополучный Бахрейн, и казавшаяся неизбежной следовавшая по «третьему пути» Ливия. Промежуточные итоги «египетского катарсиса» могут (и должны) подвести только выборы на свободной от административного (и прочего) давления основе.

Политические процессы в Египте с новой силой поставили проблему *гражданского общества* на Арабском Востоке. На этот счет существуют разные мнения. Наши арабисты считают, что в регионе уже наметились тенденции к становлению гражданского сознания и что рассматриваемые социумы уже не могут быть описаны с помощью методологического инструментария «традиционного/стационарного общества». На Западе же с середины 1990-х годов бытуют представления о наличии особого типа гражданского общества на Востоке, включая арабские страны. Возможно, это утверждение преждевременное [События..., 2011, с. 17]. Видимо, стоит прислушаться и к мнению авторитетных российских философов, словно пытающихся синтезировать вышеописанные представления. Так, Юрий Красин следующим образом обобщает «гражданскую» проблематику переходных обществ: «Существует точка зрения, согласно которой гражданское общество – это сугубо европейский феномен. <...>

Английский этнолог чешского происхождения Эрнест Геллнер полагал, что в других цивилизационных ареалах налицо альтернативы гражданскому обществу: шариат, родовые и клановые отношения. Скорее всего, это заблуждение. Но за ним стоит реальная проблема своеобразия проявлений энергии общественной самодеятельности в различных цивилизациях. Это касается не только процесса становления гражданского общества и демократии, но и конечных результатов этого процесса» [Красин, 2010].

Будущее крупнейшей страны Арабского Востока напрямую связано с восприимчивостью египетского общества к инновациям как технико-технологического, так и социально-политического свойства. В пользу положительной реакции на внешние импульсы развития свидетельствует *композиционный* (то есть сложносоставной) характер современного египетского общества. Для описания исторического строения общества исследовательское сообщество использует две базовые категории: *историческую память* (содержательно размытую, часто употребляемую в западных общественных науках) и *социально-исторический опыт* (применявшийся в СССР с конца 1970-х годов и введенный в научный обиход эстонским исследователем Э.Н. Лооне [Лооне, 1980]) – категорию более конкретную и более операциональную для египетского и подобных ему случаев. Если эту категорию использовать по всей строгости научного анализа, то представление о египетском (марокканском, тунисском, иранском и т. п.) обществе как о социуме с четко выраженной идейно-культурной доминантой ислама выглядит далеко не бесспорным. Сложный симбиоз древнеегипетской цивилизации, ислама, западного опыта французского влияния и британского протектората дела-

ет современное египетское общество открытым иноцивилизационным влияниям, в том числе идеям демократии, при бесспорном акценте на египетскую самобытность. Ведь недаром Х. Мубарака уже не первый год называют «последним фараоном».

Социальный взрыв в Египте стал возможным вследствие взаимодействия нескольких факторов: резкого снижения уровня жизни основных слоев населения после «вертикального» роста цен на продовольствие, грубого искажения властями результатов парламентских выборов (ноябрь 2010 г.), перекрытия каналов восходящей социальной мобильности египетской молодежи (по разным данным, от 20 до 40% этой возрастной когорты – безработные, включая лиц с высшим образованием). При этом инертность общественных процессов в таких крупных социумах, как Египет, ввиду их масштабов, как правило, велика, что делает *эволюционную* траекторию преобразований в стране предпочтительной и для народа, и для власти. В революционных событиях участвовали все основные политические силы (включая исламистов), которые тем самым подчинились *социальной* логике египетской революции [События..., 2011, с. 17–18].

За горизонтом книги: выборы 2025 г. в Египте

Как отмечается в официальных источниках, парламентские выборы 2025 г. – иллюстрация регулярности и непрерывности избирательного процесса в Египте. Это один из главных признаков стабильности политической системы страны с момента революции 30 июня 2013 г. Правда, надо учитывать, что поправки в Конституцию в 2019 г. заметно перераспределили власть в Египте в пользу президента.

Эти выборы, проведенные всего через несколько месяцев после выборов Сената, подтверждают согласованность и преемственность двухпалатного парламентского построения штата. Они являются частью национального видения по укреплению политического участия и расширению народного представительства².

Выборы проходят на уровне всех провинций страны под полным контролем Национального избирательного органа, который подтвердил свою полную готовность гарантировать прозрачность и честность избирательного процесса на всех этапах. Кандидаты борются за 596 мест в Совете депутатов, разделенных на индивидуальное и списковое голосование, чтобы обеспечить сбалансированное и справедливое представительство всех избирательных округов и социальных компонентов страны.

Избирательный процесс проходит в 2 основных этапа, в течение примерно двух с половиной месяцев. Первый этап охватывает 14 мухафаз, начиная с Гизы, проходящих через провинции Верхнего Египта, а также через провинции западной дельты Нила, такие как Александрия, Бехера и Матрух. Второй этап охватит другие мухафазы, начиная с Каира, и простирается на север и восток от дельты, а также на провинции Суэцкого канала и Синайский полуостров.

Число зарегистрированных избирателей в Египте составляет примерно 63 млн граждан, что делает эти выборы одними из крупнейших избирательных процессов в регионе как по количеству участников, так и по масштабу организованных и мер безопасности.

Совет депутатов является одним из фундаментальных столпов египетской политической системы. Она осуществляет свои законодательные и надзорные полномочия в соответствии с Конституцией, в частности путем принятия законов, регулирующих жизнь граждан, рассмотрения общих планов развития и государственного бюджета. Совет также играет ключевую роль в мониторинге действий правительства и поддержании баланса сил, тем самым способствуя повышению прозрачности и укреплению подотчетности.

На пресс-конференции глава египетского Национального управления по выборам Хазем Бадави заявил, что из 69,89 млн зарегистрированных избирателей в голосовании приняли участие 22,66 млн, то есть явка составила 32,4%. Он отметил, что 21,15 млн голосов признаны действительными против 1,51 млн недействительных бюллетеней. Согласно официальным данным египетского избиркома, эта явка выше, чем на парламентских выборах 2020 г., которая составила 29,5%³.

Парламентские выборы в 2025 г. длились 2 месяца, были омрачены обвинениями в мошенничестве и насилии с подкупом голосов, что привело к прямому вмешательству президента Абдель Фаттах ас-Сиси. Эти нарушения привели к аннулированию результатов в 68% округов на 1-м этапе выборов, то есть в 49 округах из 70: 19 были аннулированы решением Национального управления по выборам и 30 – окончательными решениями Высокого административного суда.

Голосование было повторено в 27 округах, что позволило расширить из-

2 Législatives 2025: lancement de la première phase des élections dans 14 gouvernorats égyptiens aujourd'hui // State Information Service. – 2025. – 10 novembre. – Франц. яз. – URL: <https://sis.gov.eg/fr/centre-médiatique/actualités/législatives-2025-lancement-de-la-première-phase-des-élections-dans-14-gouvernorats-égyptiens-aujourd'hui/> (дата обращения: 01.12.2025).

3 <https://www.elections.eg/> (дата обращения: 15.12.2025).

бирательный календарь сверх первоначально запланированных сроков. Первый раунд прошел за рубежом 8 и 9 декабря, затем на национальной территории 10 и 11 декабря. Сроки завершения 2-го раунда начавшихся в 2025 г. выборов уже датированы 2026 годом – за рубежом 1 января, по всей стране – 3 и 4 января.

Окончательные результаты выборов свидетельствуют о росте разнообразия партий в новой Палате представителей. Проправительственные партии – «Будущее нации», «Защитники Отечества» и «Национальный фронт» – получили большинство мест, в совокупности около 410 мест, или 72% от общего числа. Вместе с тем новый парламент объединяет 15 политических партий, 7 из которых поддерживают большинство, а 8 принадлежат оппозиции. Политический ландшафт отличается отсутствием одной доминирующей партии – в отличие от предыдущего законодательного собрания, когда партия «Будущее нации» занимала более половины мест. Наблюдатели также отмечают наличие 105 независимых депутатов, или более 18% избранных представителей, что считается балансирующим фактором перед лицом веса проправительственных партий.

С оппозиционной стороны официальные данные показывают, что 8 партий получили около 10% мест, но половина из них достается партии «Демократическое гражданское движение», основанной в 2019 г. несколькими партиями и общественными деятелями. Среди отдельных оппозиционных

партий по количеству завоеванных депутатских мандатов выделяются Египетская социал-демократическая партия, партия «Аль-Адль» («Справедливость»), Партия реформ и развития, партии «Аль-Вафд» («Делегация»), «Аль-Нур» («Свет»), «Аль-Тагаммоэ» («Митинг»).

Можно сказать, что несмотря на сохраняющееся доминирование проправительственных партий, власти стараются не антагонизировать внутриполитические конфликты в стране, многие партии проявляют свою активную позицию и будут и дальше продвигать новые законопроекты и отклонять те проекты, которые противоречат, по их мнению, логике развития Египта.

Список литературы

Красин Ю.А. Инфраструктура демократии // Политика. – 2010. – № 2 (57). – С. 189–193.

Лооне Э.Н. Современная философия истории. – Таллин : Ээсти Раамат, 1980. – 293 с.

События в Северной Африке и на Ближнем Востоке: причины и следствия / Мирский Г.И., Хорос В.Г., Володин А.Г., Володина М.А., Ланда Р.Г., Наумкин В.В., Филоник А.О., Малышева Д.Б., Шумилин А.И. // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 7. – С. 11–25.

Sallam H. Classless Politics: Islamist Movements, the Left, and Authoritarian Legacies in Egypt. – New York : Columbia University Press, 2022. – Xviii, 454 p.

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgt/2025.05.11

The Egyptian Elections as a Reflection of the Complex Internal Political Struggle in the Country

Maria A. VOLODINA

PhD (History), Leading Researcher

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001

E-mail: volodinamarie@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4149-9907

CITATION: Volodina M.A. (2025). The Egyptian Elections as a Reflection of the Complex Internal Political Struggle in the Country. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 5, pp. 199–207 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.05.11

Received: 15.11.2025.

Revised: 10.12.2025.

ABSTRACT. *In the book “Classless Politics. Islamist Movements, the Left, and Authoritarian Legacies in Egypt” by Hesham Sallam, the author attempts to examine and analyze the conditions for the formation of a multi-party system in Egypt. Gamal Abdel Nasser and his associates were opposed to the very idea of a multi-party system, because they believed that a multi-party system would result in the restoration of the monarchical system in the country. On the recommendation of the United States, the Egyptian leadership, headed by Sadat, began building a multi-party system. Three “platforms” appeared within the Arab Socialist Union – left, right and centrist. Anwar Sadat personally wanted to integrate Islamists into this emerging system in order to counterbalance leftist forces. Under Hosni Mubarak, the political system developed*

amid the emergence of new socio-political forces, including the youth. A feature of Egypt’s development under Mubarak was vigorous (for Egypt) economic growth. However, the population growth was even more significant, which in 2010–2011 led to an aggravation of contradictions between a society demanding better living conditions and the authorities headed by an elderly president. The social upheaval became an inevitable consequence of the economic development model chosen by the country’s ruling circles. It is clear that the Egyptian authorities must actively pursue socioeconomic reforms and implement progressive modernization to mitigate potential social upheavals in the future.

KEYWORDS: Egypt, a multi-party system, elections, civil society in the East.

References

Krasin Yu.A. (2010). “Infrastructure of democracy”. *Politeia*. No. 2 (57), pp. 189–193 (in Russian).

Loone E.N. (1980). *Contemporary Philosophy of History*. Tallinn: Eesti Raamat, 293 pp. (in Russian).

Sallam H. (2022). *Classless Politics: Islamist Movements, the Left, and Authoritarian Legacies in Egypt*. New York: Columbia University Press, xviii + 454 pp.

Sobitiya... (2011). Mirskiy G.I. et al. Events in North Africa and the Middle East: Causes and Consequences. *World Economy and International Relations*. No. 7, pp. 11–25 (in Russian).

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 18 № 5 – 2025**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: 8 (499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Верстка И.С. Николаева

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 15.12.2025
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 16,8 Уч.-изд. л. 16,9
Тираж 1 000 экз.
Заказ № ____

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6